СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1844.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXXVI.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1844.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 — 1166

ИМПРОВИЗАТОРЪ,

или

МОЛОДОСТЬ И МЕЧТЫ ИТАЛЬЯНСКАГО ПОЭТА.

РОМАНЪ АНДЕРСЕНА.

(Продолженіе.)

V.

Санта. Изверженіе. Прежнія связи.

На другое утро я пошелъ къ Федериго, и чувствовалъ себя совершенно инымъ человѣкомъ; я могъ выразить свою радость словами, и сталъ воспріимчивѣе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ: благотворная роса ободренія, окропившая древо моей жизни, обновила мои силы и какъ будто дала имъ болѣе зрѣлости. Я поспѣшилъ къ Сантѣ; вѣдь и она слышала меня, и я нетерпѣливо желалъ при-

нять отъ нея дань похвалы: я зналъ, что она мнѣ въ ней не откажетъ. Маретти принялъ меня съ восторгомъ, но Санта всю ночь страдала сильной лихорадкой; она только-что заснула, и надѣялись, что сонъ подкрѣпитъ ея силы: я долженъ былъ обѣщать, что возвращусь вечеромъ. Я обѣдалъ съ Федериго и моими новыми пріятелями; безпрестанно провозглашались тосты—то бѣлымъ виномъ Lacrymae Christi, то Калабрскимъ; напослѣдокъ я не хотѣлъ болѣе пить, чувствуя, что кровь у меня разгаралась; но меня увѣряли, что я освѣжусь Шампанскимъ. Мы разошлись весело и шумно. Я не успѣлъ выйти съ Федериго на улицу, какъ воздухъ вдругъ освѣтился Везувіемъ и потокомъ лавы. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались уже экипажи; все спѣшило къ горѣ, чтобы посмотрѣть на изумительно-прекрасное зрѣлище природы. Я отправился къ Сантѣ; это было вскорѣ послѣ Ave Maria. Горничная сказала мнѣ, что ея госпожа одна дома и что ей гораздо лучше; сонъ укрѣпилъ ее; она приказала не принимать никого, кромѣ меня.

Я вошелъ. Щегольской видъ комнаты, длинныя матерчатыя занавѣсы у оконъ, прекрасная мраморная статуя, представляющая Амура, который точитъ свои стрѣлы, Аргандова лампа, сообщавшая всему какой-то магическій колоритъ—вотъ что поразило меня съ перваго взгляда. Санта въ нарядномъ ночномъ костюмѣ лежала на шелковомъ диванѣ.

Увидя меня, она привстала — и, придерживая одною рукой одѣяло, другую протянула ко мнѣ.

«Антоніо!» воскликнула она, «вы отличились! Счастливецъ! Вы всѣхъ насъ привели въ восхищеніе! Ахъ, вы не знаете, какъ я боялась за васъ, какъ сердце мое билось, и какое мною овладѣло блаженство, когда вы превзошли всѣ мои ожиданія!»

Я поклонился и спросилъ объ ея здоровьѣ; она подала мнѣ руку и сказала, что ей лучше. «Гораздо лучше!» повторила она и потомъ прибавила: «вы также будто переродились! Вчера вы были прекрасны! Въ минуты одушевленія вы представлялись мнѣ какимъ-то идеальнымъ созданіемъ! Во всѣхъ вашихъ стихотвореніяхъ я видѣла васъ самихъ! Въ маленькомъ мальчикѣ, котораго художникъ повелъ въ катакомбы, я представляла себѣ васъ съ Федериго.»

«Это въ самомъ дѣлѣ такъ и было, сказалъ я; «я воспѣлъ то, что самъ испыталъ.»

«Вы много испытали,» отвѣчала она: «вы узнали блаженство и страданія любви; дай Богъ, чтобы вы были такъ счастливы, какъ заслуживаете!»

Я расказалъ ей, какую перемѣну я замѣчалъ

во всемъ своемъ существѣ, и какъ жизнь теперь представлялась мнѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели прежде; и она взяла меня за руку и какъ будто старалась проникнуть въ мою душу своими черными выразительными глазами. Въ эту минуту она была прекрасна, прекраснѣе, нежели когда-либо: нѣжный румянецъ горѣлъ на ея щекахъ; черные блестящіе волосы, свободно спадавшіе на плеча, были зачесаны назадъ, и прекрасный высокій лобъ былъ открытъ; роскошныя формы напоминали образъ Юноны, если бъ его создалъ рѣзецъ Фидія.

«Вы должны жить для свѣта,» сказала она; «онъ весь принадлежитъ вамъ; вы можете доставлять наслажденіе миліонамъ людей, можете приводить въ восторгъ цѣлый міръ; вы не должны позволять, чтобы мысль объ одномъ существѣ уничтожала ваше счастіе! Вы достойны любви; вы увлекаете вашей душею, вашимъ талантомъ, вашей» — она притянула меня къ себѣ на диванъ. «Поговоримъ-те серьёзно: намъ не удалось поболтать съ вами хорошенько, съ самаго того вечера, когда вы были такъ опечалены! Мнѣ показалось, что вы тогда... что вы не поняли меня — — !»

«Въ самомъ дѣлѣ сердце мое не поняло васъ,» отвѣчалъ я,» и я часто упрекалъ себя въ томъ. Я недостоинъ вашей дружбы!» При этихъ словахъ я съ жаромъ поцѣловалъ у нея руку, и съ чистой

душею и мыслію смотрѣлъ ей въ глаза — хотя и жгучь былъ взоръ ея, съ важностію устремленный на меня: видя насъ, посторонній вѣрно бы нашелъ тѣнь тамъ, гдѣ были свѣтъ и непорочность. Я смотрѣлъ на нее — въ томъ мнѣ свидѣтельствовало мое сердце — съ чувствомъ брата къ сестрѣ: взоры и мысли наши покоились другъ на другѣ.

Она сама была тронута; грудь ея высоко подымалась; она развязала поясъ, чтобы дышать свободнѣе. «Вы достойны меня,» сказала она; «чувство и красота достойны всякой женщины!» И она положила мнѣ на плечо руку и продолжала пристально смотрѣть на меня. Потомъ она съ несказанно-выразительной улыбкой сказала:» и я могла думать, что вы мечтаете только объ идеальномъ мірѣ! У васъ есть деликатность и заботливость, а между ними покоится ваша слава. Изъ-за васъ лихорадка горѣла въ моей крови; изъ-за васъ я была больна! Вы овладѣли моимъ сердцемъ, Антоніо! Вашъ поцѣлуй, ваша любовь — вотъ моя мечта, моя душа!» Она съ жаромъ прижала меня къ груди моей; уста ея жгли меня какъ огонь: онѣ воспалили мою кровь, мою душу, мои мысли — — ! Превѣчная Матерь Божія, твое священное изображеніе въ эту минуту со стѣны упало мнѣ на голову; это было не игрою случая, нѣтъ — ты нарочно коснулась моего чела: ты удержала меня на краю пучины страстей.

«Нѣтъ, нѣтъ!» закричалъ я и вскочилъ съ дивана; кровь моя горѣла какъ кипучая лава.

«Антоніо!» воскликнула она: «убей, но не оставляй меня!» Ея щеки, ея глаза — все лице ея дышало страстью; но при всемъ томъ она была восхитительна: это было изображеніе красоты, начертанное пламенемъ. Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ жиламъ; я ни слова не отвѣчалъ, выбѣжалъ изъ комнаты и бросился съ лѣстницы, какъ будто преслѣдуемый злымъ духомъ.

Выйдя на улицу, я былъ обданъ пышущимъ жаромъ, подобнымъ тому, который пожиралъ мою внутренность. Воздухъ походилъ на горячія волны. Везувій стоялъ весь въ огнѣ; сильное зарево освѣщало окружность. Сердце мое жаждало прохлады. Я поспѣшилъ къ Моло *, гдѣ волны открытаго залива разбиваются о камни. Глаза мои горѣли отъ внутренняго жара. Я обмылъ себѣ лице соленой водою, и снялъ фракъ, чтобы, какъ можно болѣе, освѣжиться. Но я былъ окруженъ пламенемъ: отъ багровой лавы самое море казалось будто облито огнемъ. Я вездѣ видѣлъ передъ собою образъ съ огненными чертами, который съ умоляющимъ, пламеннымъ взоромъ смотрѣлъ мнѣ въ душу. «Убей, но не оставляй меня!» раздавалось безпрестанно въ

* Плотина, набережная у пристани.

моихъ ушахъ. Я закрылъ глаза, и мысли мои вознеслись къ Богу — но онѣ въ туже минуту опять опустились къ землѣ: огонь грѣха какъ будто опалилъ имъ крылья. Какъ ужасно должна тяготить человѣка дурная совѣсть, если уже одна мысль о порокѣ такъ обезсиливаетъ и гнететъ духъ его!

«Eccellenza, не перевезти ли васъ къ Торре дель Анунціата»? сказалъ кто-то близехонько отъ меня, и слово Анунціата вдохнуло новую жизнь въ душу мою.

«Лава протекаетъ три локтя въ одну минуту,» продолжалъ перевощикъ, весломъ удерживая свою шлюпку у берега; «въ-полчаса мы будемъ на мѣстѣ!»

«Море освѣжитъ меня!» подумалъ я и прыгнулъ въ шлюпку. Перевощикъ отчалилъ, поднялъ парусъ— и мы будто на крыльяхъ вѣтра понеслись по багровой, распаленной водѣ. Дулъ прохладный вѣтерокъ. Я дышалъ свободнѣе и чувствовалъ себя легче и спокойнѣе, когда мы пристали къ берегу по другую сторону залива. Я твердо рѣшился никогда болѣе не видѣться съ Сантой; рѣшился убѣгать змѣя красоты, который показалъ мнѣ плодъ познанія добра и зла. Люди будутъ смѣяться надо мною; но я скорѣе готовъ переносить насмѣшки толпы, нежели отчаянный вопль моего сердца. Ма-

донна повелѣла своему священному изображенію со стѣны упасть на меня, чтобы предохранить меня самаго отъ паденія! Я глубоко чувствовалъ, что находился подъ благодатнымъ ея покровомъ.

Душа моя исполнилась несказаннымъ блаженствомъ—и всѣ добрыя и благородныя чувства моего сердца пѣли гимны побѣды: я опять былъ дитя душею и мыслями! «Отецъ небесный, устрой все къ моему благу!» воскликнулъ я—и, будто пріобрѣтя этой молитвой увѣренность въ вѣчномъ блаженствѣ, весело побѣжалъ по улицамъ тѣснаго городка на большую дорогу.

Здѣсь царствовала ужасная суматоха; коляски и одноколки мчались мимо меня во всю прыть лошадей; со всѣхъ сторонъ раздавались крики, шумъ, пѣніе; вся окрестность была будто облитая пламенемъ. Потокъ лавы дошелъ до однаго изъ маленькихъ городковъ, стоящихъ на скатѣ горы. Жители его бѣжали съ своими семействами: мнѣ попадались на-встрѣчу женщины съ младенцами на рукахъ и узелками подъ мышкою. Я слышалъ ихъ отчаянный вопль—и всѣ деньги, которыя были при мнѣ, перешли въ руки несчастныхъ. Я слѣдовалъ за толпою. Съ обѣихъ сторонъ дороги были виноградные сады, огороженные бѣлыми каменными заборами. Все стремилось къ мѣсту, которому угрожала опасность. Насъ отдѣляло отъ него обширное виноградное по-

ле. Потокъ лавы, низвергаясь съ вышины, густыми огненными волнами заливалъ домы и заборы. Вопли несчастныхъ, радостныя восклицанія толпы при видѣ чудно-великолѣпнаго зрѣлища, крикъ кучеровъ и торговцевъ, группы пьяныхъ крестьянъ, толпившихся около продавцевъ водки, разъѣзжающіе экипажи и всадники, багровое освѣщеніе — все это вмѣстѣ составляло картину, которой нельзя передать словами. Можно было, не подвергаясь опасности, подходить близехонько къ лавѣ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ обмакивали въ нее трости и монеты и вынимали ихъ покрытыми лавой. Но ничто не можетъ сравниться съ ужаснымъ великолѣпіемъ представлявшагося глазамъ зрѣлища, когда отъ низвергавшейся огненной рѣки отрывалась нѣкоторая часть — будто морской валъ. Отпавшая масса являлась передъ потокомъ будто лучезарная звѣзда. Отъ дѣйствія воздуха простывали сперва ея края; они чернѣли—и она походила на кусокъ блестящаго золота, покрытаго черною сѣтью. На одно изъ виноградныхъ деревъ повѣсили образъ Мадонны, въ благочестивой надеждѣ, что святое изображеніе остановитъ пламя. Но оно продолжало распространяться съ прежнею яростью: жаръ опалилъ листья высокихъ деревьевъ; они склонили свои вершины къ огню, какъ будто прося помилованія. Взоры толпы съ вѣрою были устремлены на образъ Мадонны; но дерево, на которомъ онъ висѣлъ, наклонилось такъ низко къ багровому потоку, что между нимъ

и огнемъ оставалось не болѣе, какъ нѣсколько локтей разстоянія. Тутъ стоявшій подлѣ меня монахъ поднялъ руку и, указывая на сгарающій образъ, воскликнулъ: «спасите ее—такъ и она спасетъ васъ отъ пламени!» Но никто не трогался съ мѣста; всѣ смотрѣли цѣпенѣя отъ ужаса. Вдругъ сквозь толпу пробилась какая-то женщина. Называя Мадонну, она бѣжала въ огненныя объятія; но въ ту же минуту подлѣ нея очутился молодой офицеръ верхомъ; онъ саблей загородилъ ей дорогу къ пламени, которое стѣною возвышалось передъ ними.

«Безумная!» воскликнулъ онъ; «Мадонна не нуждается въ твоей помощи! Она хочетъ, чтобы дурно написанный образъ, оскверненный грѣшными руками людей, сгорѣлъ въ огнѣ!» Это былъ Бернардо; я узналъ его голосъ. Отважнымъ поступкомъ своимъ онъ спасалъ жизнь несчастной женщины, а благоразумными словами избавлялъ ее отъ позора: я не могъ не уважать его отъ всей души—и почувствовалъ сильное желаніе опять сблизиться съ нимъ. Но пульсъ мой бился такъ сильно, что я самъ слышалъ его біеніе: у меня не ставало ни духу, ни охоты подойти къ нему.

Потокъ лавы покрылъ уже дерево и вмѣстѣ съ нимъ образъ Мадонны. Я стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, прислонившись къ забору, близъ котораго сидѣли вокругъ стола иностранцы.

«Антоніо, ты ли это!» воскликнулъ вдругъ кто-то подлѣ меня. Мнѣ показалось, что я слышу голосъ Бернардо; но, тутъ же почувствовавъ дружеское пожатіе руки, я обернулся и увидѣлъ передъ собою Фабіани, супруга Франчески и зятя Принца Боргезе. Онъ зналъ меня еще ребенкомъ; но изъ письма Принца я заключалъ, что онъ раздѣляетъ гнѣвъ своихъ родственниковъ и вмѣстѣ съ ними навсегда отказался отъ меня.

«Какая неожиданная встрѣча!» воскликнулъ онъ, «и какъ Франческа будетъ рада видѣть тебя! Но съ твоей стороны совсѣмъ не любезно, что ты до сихъ поръ не вздумалъ побывать у насъ. Вотъ уже недѣля, какъ мы живемъ въ Кастелламаре!»

«Я совсѣмъ не зналъ этаго,» отвѣчалъ я, «и къ-тому же — »

«Ты вдругъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ: влюбился и,» прибавилъ онъ съ нѣкоторою строгостью, «дрался на дуэли, а потомъ бѣжалъ какъ настоящій дезертеръ. За послѣднее я никакъ не могу тебя одобрить! Принцъ расказалъ намъ это мимоходомъ, и мы едва могли вѣрить ушамъ своимъ. Онъ вѣроятно опять недавно писалъ къ тебѣ и, я воображаю, не слишкомъ въ мягкихъ выраженіяхъ.»

Сердце мое сильно билось: я опять почувство-

валъ на себѣ ту цѣпь, которою меня связывали благодѣянія, и съ прискорбіемъ выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что лишился милости прежнихъ моихъ покровителей.

«Не печалься, Антоніо!» сказалъ Фабіани; «мы ужъ какъ-нибудь да уладимъ это дѣло! Поѣзжай со мною. Пріѣздъ твой будетъ для Франчески пріятною неожиданностью. Отъ Кастелламаре не далеко; а въ гостинницѣ у насъ для тебя довольно мѣста. Ты раскажешь мнѣ все, какъ было; тебѣ не должно отчаяваться: Принцъ горячъ, ты знаешь его — но мы все уладимъ!»

«Я не могу ѣхать съ вами,» отвѣчалъ я въ полголоса, и опять впалъ въ прежнее уныніе.

«Ты можешь и долженъ!» возразилъ Фабіани рѣшительнымъ тономъ и повлекъ меня къ экипажу.

Я долженъ былъ расказать ему всѣ свои похожденія.

«Ужъ не импровизація ли это?» спросилъ онъ улыбаясь, когда я расказалъ ему о своемъ побѣгѣ и о старой Фульвіи въ пещерѣ разбойниковъ.

«Въ расказѣ твоемъ столько поэзіи, какъ будто бы тутъ главную роль играла фантазія, а не память

твоя! Онъ поступилъ строго, слишкомъ строго,» сказалъ онъ, услышавъ содержаніе Принцева письма, «но это именно и доказываетъ, что онъ любитъ тебя! Ты, я надѣюсь, еще не являлся на театрѣ?»

«Я дебютировалъ вчера вечеромъ,» отвѣчалъ я.

«На это нужно было много смѣлости!» сказалъ онъ. «Ну, а каковъ былъ успѣхъ?»

«Самый блистательный,» отвѣчалъ я радостно. «Меня осыпали рукоплесканіями и два раза вызвали!»

«Право? тебѣ посчастливилось!»

Въ словахъ его выражалось сомнѣніе, которое глубоко оскорбило меня; но благодарность связала мнѣ языкъ и остановила порывъ мысли. Предстоящее свиданіе съ Франческой смущало меня. Я зналъ, что найду въ ней строгаго и неумолимаго судью. Фабіани въ-шутку успокоивалъ меня, говоря, что дѣло обойдется безъ грозной проповѣди, которая впрочемъ, можетъ статься, была бы для меня и не лишнею.

Мы остановились у гостинницы. «А, это ты, Фабіани!» закричалъ, подбѣгая къ намъ, молодой чопорный франтикъ. «Слава Богу, что ты наконецъ пріѣхалъ! Твоя синьора ждетъ тебя съ нетерпѣ-

ніемъ. А!» продолжалъ онъ, замѣтивъ меня; «ты привезъ съ собою молодаго импровизатора Ченчи, если я не ошибаюсь?»

«Ченчи?» сказалъ Фабіани, съ удивленіемъ смотря на меня.

«Это мое имя на афишѣ!» отвѣчалъ я.

«Въ самомъ дѣлѣ?» воскликнулъ онъ; «вотъ это такъ умно!»

«Онъ славно воспѣваетъ любовь!» сказалъ незнакомецъ. «Жаль, что тебя не было вчера въ Сантъ-Карло! Какое удивительное дарованіе!» Онъ вѣжливо протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что радъ со мною познакомиться. «Я ужинаю у васъ сегодня вечеромъ,» сказалъ онъ Фабіани, «чтобы воспользоваться обществомъ безподобнаго импровизатора, если только это не противно тебѣ и супругѣ твоей!»

«Ты знаешь, что мы всегда рады тебѣ!» отвѣчалъ Фабіани.

«Представьте же меня вашему пріятелю!» сказалъ незнакомецъ.»

«Къ чему? я не люблю лишнихъ церемоній,» отвѣчалъ Фабіани; «мы съ нимъ давнишніе знако-

мые, и я не нахожу нужнымъ представлять ему моихъ друзей. Онъ почитаетъ за честь быть съ тобою знакомымъ.»

Я поклонился, но былъ не совсѣмъ доволенъ выраженіями Фабіани.

«Въ такомъ случаѣ я самъ представлюсь!» сказалъ незнакомецъ. «Васъ я уже имѣю честь знать; мое имя Дженаро: я служу въ гвардіи Его Величества Короля Фердинанда и—» прибавилъ онъ улыбаясь, «принадлежу къ хорошей Неаполитанской фамиліи. Многіе говорятъ даже, къ самой первой. Можетъ быть, оно и правда; съ особеннымъ усердіемъ утверждаютъ это мои тетушки. Мнѣ чрезвычайно пріятно познакомиться съ молодымъ человѣкомъ, у котораго такой талантъ, такая — »

«Довольно, довольно!» сказалъ Фабіани, прерывая его; «онъ не привыкъ къ такимъ комплиментамъ; теперь вы познакомились другъ съ другомъ — и дѣло съ концемъ. Франческа ожидаетъ насъ. Между нею и твоимъ любезнымъ импровизаторомъ должна произойти сцена примиренія. Можетъ быть, тебѣ при этомъ случаѣ удастся представить образчикъ твоего краснорѣчія!»

Послѣдняя фраза не совсѣмъ понравилась мнѣ; но вѣдь Фабіани сказалъ это своему другу и не

могъ представить себѣ всей непріятности моего положенія. Онъ повелъ насъ къ Франческѣ. Вошедъ въ комнату, я пріостановился.

«Ну, наконецъ-то, мой любезный Фабіани!» воскликнула она.

«Наконецъ я опять съ тобою!» отвѣчалъ онъ— «и еще привелъ тебѣ двухъ гостей!»

«Антоніо»! сказала она громко, но потомъ, какъ будто опомнясь, повторила тише: «синьоръ Антоніо!» Она съ строгостію посмотрѣла сперва на меня, потомъ на Фабіани. Я поклонился и хотѣлъ поцѣловать у нея руку; но она, какъ будто не замѣчая моего движенія, протянула ее Дженаро и, изъявивъ, какъ ей пріятно, что онъ пришелъ съ ними ужинать, начала распрашивать объ изверженіи Везувія и о томъ, перемѣнилось ли направленіе лавы.»

Фабіани расказалъ ей все, какъ было и какъ онъ встрѣтился тутъ со мною. Потомъ прибавилъ, что я теперь его гость, и что по-этому она никакъ не можетъ и не должна сердиться на меня.

«Именно,» сказалъ Дженаро, «хотя я и не знаю, въ чемъ онъ провинился. Но генію все простительно!»

«Вы, кажется, сегодня очень въ-духѣ!» замѣтила Франческа; потомъ, ласково кивнувъ мнѣ, стала увѣрять Дженаро, что ей вовсе нечего прощать мнѣ. «Нѣтъ ли у васъ еще какихъ-нибудь новостей?» продолжала она. «Что говорятъ Французскія газеты? Какъ вы провели вчерашній вечеръ?»

Онъ вскользь отвѣчалъ на первый вопросъ; второй, по-видимому, гораздо болѣе интересовалъ его.

«Я былъ въ театрѣ: давали послѣднее дѣйствіе Сивильскаго цирюльника. Жозефина пѣла какъ ангелъ; но послѣ Анунціаты можетъ ли удовлетворить чье-либо пѣніе! Главное—мнѣ хотѣлось послушать импровизатора.»

«Какъ вы были довольны имъ?» спросила Франческа.

«Онъ превзошелъ мои ожиданія и изумилъ всѣхъ слушателей,» отвѣчалъ онъ. «Я говорю это вовсе не для того, чтобы льстить ему, и какое ему дѣло до моего мнѣнія! Вотъ это такъ импровизаторъ: онъ всѣхъ увлекъ своимъ одушевленіемъ! Какой огонь! какая фантазія! Онъ воспѣвалъ Тассо, катакомбы, Саффо! Такія стихотворенія стоило бы сохранить!»

«Счастливое дарованіе! Нельзя не удивляться ему и не цѣнить его высоко,» сказала Франческа. «Ахъ, зачѣмъ меня не было въ театрѣ!»

«Въ самомъ дѣлѣ, это очень жаль,» сказалъ Дженаро, «впрочемъ такъ-какъ самъ импровизаторъ здѣсь,» прибавилъ онъ, указывая на меня, «то—»

«Антоніо!» воскликнула она съ удивленіемъ. «Развѣ *онъ* импровизировалъ!»

«Онъ, и какъ восхитительно!» отвѣчалъ Дженаро; «но вѣдь вы знакомы съ нимъ и, вѣроятно, сами слышали его!»

«Слышала и неразъ,» сказала она улыбаясь; «онъ еще былъ ребенкомъ, когда уже мы удивлялись его таланту.»

«Недаромъ я вѣнчалъ его въ первый разъ когда слышалъ!» сказалъ Фабіани также въ-шутку. «Онъ воспѣлъ мою Франческу; тогда я еще былъ женихомъ, и почтилъ невѣсту мою даже въ пѣвцы ея! Однако пойдемъ ужинать! Ты поведешь мою Франческу, а я за неимѣніемъ дамы возму нашего импровизатора. Синьоръ Антоніо! прошу покорно!»

Я взялъ его подъ-руку — и мы всѣ вмѣстѣ отправились въ столовую.

«Какъ же ты мнѣ никогда не говорилъ о Ченчи, или какъ тамъ по-настоящему зовутъ твоего любезнаго гостя!»

«Мы его называемъ просто Антоніо!» сказалъ Фабіани; «вѣдь мы совсѣмъ не знали, что онъ предъ публикою явился импровизаторомъ! Изъ-за этаго-то и должна была произойти сцена примиренія. Надобно сказать, что онъ у насъ въ домѣ какъ родной сынъ. Не такъ ли, Антоніо?» Я въ знакъ благодарности поклонился. «Онъ прекрасный молодой человѣкъ, и что касается до его характера, то я за нимъ не знаю рѣшительно никакихъ недостатковъ; одна бѣда: онъ ничему не хочетъ учиться!»

«Но за то онъ, можетъ быть, тѣмъ болѣе научился изъ великой книги природы и въ такомъ случаѣ умнѣе насъ всѣхъ?»

«Вы избалуете его похвалами,» сказала шутя Франческа; «мы воображали, что онъ сидитъ за своими классиками, корпитъ надъ физикой и математикой: намѣсто того онъ себѣ-странствуетъ по бѣлу-свѣту, и сгараетъ отъ любви къ молодой Неаполитанской пѣвицѣ!»

«Это доказываетъ, что у него чувствительное сердце,» сказалъ Дженаро; «надѣюсь, что она хороша собою. Какъ ее зовутъ?»

«Анунціатой,» отвѣчала Франческа; «женщина замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ и съ необыкновеннымъ талантомъ!»

«Я самъ былъ влюбленъ въ нее: у него совсѣмъ не дурной вкусъ. За здоровье Анунціаты, господинъ импровизаторъ.»

Онъ чокнулся со мною. Я не могъ выговорить ни слова: мнѣ было больно, что Фабіани такъ легкомысленно разоблачалъ мои раны передъ чужимъ человѣкомъ; но вѣдь онъ смотрѣлъ на это дѣло совершенно съ другой точки, нежели я самъ.

«Да,» продолжалъ онъ, «недаромъ онъ дрался за нее на дуэли и всадилъ пулю въ лобъ сенаторскому племяннику, который въ то время былъ его соперникомъ; за-тѣмъ онъ принужденъ былъ оставить Римъ. Но какъ онъ попалъ за границу — это Богъ вѣсть. Въ заключеніе онъ публично импровизировалъ въ Сантъ-Карло; на это нужна была энергія, какой бы я никакъ не ожидалъ отъ него.»

«Съ сенаторскимъ племянникомъ —» возразилъ Дженаро; «это очень интересуетъ меня. Онъ надняхъ пріѣхалъ сюда и поступилъ въ Королевскую службу; я провелъ съ нимъ вечеръ въ-гостяхъ. Молодой человѣкъ съ прекрасной наружностью и увлекательнымъ обращеніемъ — теперь я понимаю

Анунціату скоро ждутъ сюда; любовникъ прилетѣлъ еще до нея. Скоро мы прочтемъ на афишѣ, что пѣвица будетъ пѣть въ послѣдній, самый послѣдній разъ.»

«Такъ вы думаете, что онъ женится на ней?» спросила Франческа; «но это было бы унизительно для всего семейства его.»

«Были однако примѣры,» сказалъ я дрожащимъ голосомъ, «что вельможа почиталъ за счастіе и за честь обладать рукою артистки.»

«За счастіе, можетъ быть,» возразила она, «но конечно не за честь!»

«Однако, скажу вамъ, синьора, что я первый почелъ бы за честь, если бы выборъ Анунціаты палъ на меня, и я думаю, что нашлось бы много людей, которые сказали бы то же.» Еще долго говорили о Бернардо и Анунціатѣ. Никто не думалъ о томъ, какъ тяжело каждое слово этаго разговора ложилось на мое сердце.

«Вы непремѣнно должны доставить намъ удовольствіе послушать васъ. Синьора задастъ вамъ сюжетъ.»

«Въ самомъ дѣлѣ,» отвѣчала Франческа улы-

баясь, «воспой любовь: этотъ предметъ интересуетъ Дженаро и коротко знакомъ тебѣ самому!»

«Да, любовь и Анунціату!» воскликнулъ Дженаро.

«Въ другой разъ я готовъ исполнить все, что вы пожелаете, но сегодня никакъ не могу; я не совсѣмъ хорошо себя чувствую: я безъ плаща ѣздилъ водою; близъ лавы было ужасно жарко; потомъ, ѣдучи сюда, я почувствовалъ, что воздухъ сталъ очень свѣжъ!»

Дженаро сталъ приступать ко мнѣ, чтобы я импровизировалъ; но на ту тему и при такихъ обстоятельствахъ это было мнѣ невозможно.

«Онъ уже успѣлъ перенять у артистовъ коекакія замашки,» сказалъ Фабіани; «онъ хочетъ, чтобъ его просили. Ты вѣрно также откажешься ѣхать съ нами завтра въ Пестумъ; тамъ бы ты нашелъ пищу для твоихъ импровизацій. Ты, пожалуй, опять скажешь, что тебѣ никакъ нельзя, между-тѣмъ я не знаю, что̀ бы *тебя* могло связывать въ Неаполѣ.»

Я молча поклонился, не находя никакаго благовиднаго предлога, чтобы отказаться.

«Конечно, ему непремѣнно надобно ѣхать съ нами: въ Греческихъ храмахъ къ нему, какъ къ Пиндару, сойдетъ геній.»

«Мы ѣдемъ завтра,» продолжалъ Фабіани; «въ четыре дня мы успѣемъ объѣхать всѣ окрестности; на возвратномъ пути мы посѣтимъ Амальфи и Капри. И-такъ ты ѣдешь съ нами, не правда ли?»

Отвѣтъ мой, какъ читатели въ-послѣдствіи увидятъ, рѣшилъ участь всей моей жизни. Эта краткая четырехдневная поѣздка убила — я смѣло могу сказать—шесть лѣтъ моей молодости. И еще говорятъ, что человѣкъ свободное существо. Правда, что онъ воленъ выбрать любую изъ лежащихъ передъ нимъ нитей; но куда ведутъ эти нити — вотъ чего онъ не видитъ. Я поблагодарилъ за предложеніе и принялъ его; я дернулъ снурокъ и еще крѣпче затянулъ завѣсу моей будущности.

«Я надѣюсь, что завтра намъ удастся болѣе поговорить другъ съ другомъ,» сказала Франческа, когда я уходилъ, и протянула мнѣ руку.

«Я сегодня же вечеромъ напишу къ Принцу, чтобы приготовить сцену примиренія,» сказалъ Фабіани.

«А я буду мечтать объ Анунціатѣ,» восклик-

нулъ Дженаро; «я надѣюсь, что вы за то не вызовете меня на дуэль,» прибавилъ онъ, улыбаясь и пожимая мнѣ руку.

Что до меня, то я, воротившись домой, написалъ нѣсколько словъ къ Федериго: я расказалъ ему о моей встрѣчѣ съ родственниками Принца и и увѣдомилъ, что предпринимаю съ ними маленькую поѣздку. Я кончилъ письмо. Тяжкая борьба чувствъ волновала мою душу. Какъ много я пережилъ въ этотъ вечеръ! Какое странное столкновеніе обстоятельствъ и событій.

Я вспоминалъ Санту, вспоминалъ Бернардо передъ пылающимъ образомъ Мадоны, и наконецъ встрѣчу съ Фабіани, которая такъ неожиданно возобновила прежнія связи. Вчера цѣлая публика, которой я былъ совершенно чуждъ, привѣтствовала меня кликами одобренія; я былъ предметомъ почестей и всеобщаго удивленія; еще въ тотъ же день прекрасная женщина молила меня объ одномъ нѣжномъ взглядѣ — а черезъ нѣсколько часовъ послѣ того я очутился посреди друзей и знакомыхъ, которымъ я всѣмъ былъ обязанъ, и я сталъ опять бѣднымъ сиротою, для котораго первою обязанностью была — благодарность.

Между-тѣмъ Фабіани и Франческа обошлись со мною чрезвычайно милостиво. Они приняли подъ

кровъ свой блуднаго сына; они посадили меня за столъ свой и пригласили участвовать съ ними въ далекой прогулкѣ; они осыпали меня благодѣяніями: они желали мнѣ добра. Но дары богатаго, расточаемые легкою рукою, ложатся тяжелымъ камнемъ на сердце бѣдняка.

VI.

Поѣздка въ Пестумъ. Греческіе храмы. Слѣпая.

—

Красотъ Италіи не должно искать ни въ Кампаньѣ, ни въ Римѣ; онѣ только мелькнули передо мною въ мое странствіе по озеру Неми и въ путешествіе изъ Рима въ Неаполь. Вотъ почему чудеса, какія я теперь увидѣлъ, произвели на меня впечатлѣніе вдвое сильнѣе, можетъ быть, даже сильнѣе того, какое онѣ производятъ на путешественниковъ-туристовъ; потому-что эти люди, будучи знакомы съ красотами другихъ странъ, могутъ сравнивать видимое съ тѣмъ, что уже знаютъ. Въ воспоминаніи эта поѣздка представляется мнѣ будто волшебнымъ міромъ, который видѣлъ я во снѣ и посреди котораго жилъ. Но гдѣ взять краски и выраженія для чудныхъ картинъ, восхищавшихъ душу мою и какъ бы перешедшихъ въ составъ моей крови!

Красоты природы не могутъ быть передаваемы въ расказахъ. Слова приставляются одно къ другому, будто камешки мозаики — и картина образуется постепенно изъ маленькихъ кусочковъ; она представляется не въ цѣлости, и поражаетъ не вдругъ, какъ въ самой природѣ. Расказывающій передаетъ вамъ ее отдѣльными частичками, и потомъ вы уже сами должны составить ее; но если бъ можно было видѣть, какъ она отразилась въ душѣ сотни слушателей, то открылось бы, что всякій воображаетъ ее по-своему. Съ красотами природы бываетъ то же, что съ красотою человѣческаго лица: обозначая отдѣльныя черты, вамъ не дадутъ вѣрнаго понятія о цѣломъ: вы составите себѣ о немъ сколько-нибудь полную идею только тогда, когда вамъ пріищутъ предметъ сравненія, и съ математическою достовѣрностію скажутъ, что онъ схожъ съ описываемымъ образомъ за исключеніемъ такаго-то обстоятельства.

Если бы мнѣ задали для импровизаціи красоты Гесперіи, я бы безъ преувеличенія изобразилъ только видѣнныя мною здѣсь чудеса — и мое описаніе было бы безъ сомнѣнія вѣрно, между-тѣмъ, какъ тотъ изъ читателей моихъ, кто никогда не бывалъ въ южной Италіи, напрасно будетъ прибѣгать къ своей фантазіи: все, что бы она ни создала, было бы блѣдно въ сравненіи съ дѣйствительностью. Фантазія природы роскошнѣе фантазіи человѣка.

Мы выѣхали изъ Кастелламаре рано утромъ. День былъ прекрасный. Я какъ будто еще вижу передъ собою дымящійся Везувій, прелестную долину, по сторонамъ которой высятся горы, обширные виноградные лѣса, деревья, связанныя между собою непрерывными гирляндами сочныхъ виноградныхъ лозъ, бѣлые замки, то гордо стоящіе на зеленыхъ скалахъ, то мелькающіе изъ-за густой зелени маслинъ. Я въ воображеніи вижу древній храмъ Весты, съ мраморными колоннами и куполомъ — нынѣ это церковь, посвященная Мадоннѣ: Santa Maria Maggiore. Наружная стѣна въ одномъ мѣстѣ обрушилась; отверстіе заткнуто человѣческими черепами и остовами, но ихъ почти не видно изъ-подъ зелени дико-растущихъ виноградныхъ лозъ, которыя своими свѣжими листьями какъ будто хотятъ скрыть разрушительную силу и могущество смерти.

Я вижу причудливые абрисы горъ, одиноко стоящія башни, гдѣ растянуты сѣти для ловли морскихъ птицъ; подъ нами лежалъ Салерно у темно-синяго моря. Мы встрѣтили поѣздъ, который еще глубже напечатлѣлъ всю эту картину въ моей душѣ: на телѣгѣ, которую тащили два бѣлые длиннорогіе быка, лежало четыре скованныхъ разбойника. Дерзкій хохотъ ихъ и дико-сверкающіе взоры привели меня въ содроганіе. По сторонамъ телѣги ѣхали верхомъ статные черноглазые Калабрійцы съ ружьемъ на плечѣ.

Цѣлью нашего пути въ этотъ день былъ Салерно, городъ въ средніе вѣки знаменитый своею ученостью.

«Фоліанты распадаются,» воскликнулъ Дженаро;» ученый блескъ оставляетъ Салерно, за то книга природы каждый годъ является въ новомъ изданіи. Антоніо согласенъ со мною, что изъ нея можно извлечь гораздо болѣе пользы, нежели изъ всего печатнаго ученаго хлама.

«Одно не замѣняетъ другаго,» замѣтилъ я; «это какъ хлѣбъ и вино.»

Франческа нашла, что я правъ.

«Говорить-то мы умѣемъ,» сказалъ Фабіани; «но умѣемъ ли мы такъ же хорошо дѣйствовать — вотъ вопросъ. Когда ты воротишься въ Римъ, ты намъ покажешь это, Антоніо!»

«Въ Римъ? А когда я ворочусь въ Римъ?» — Эта мысль еще никогда не приходила мнѣ на умъ; я ни слова не отвѣчалъ: но внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что для меня еще не пришло время воротиться въ Римъ, и что я не долженъ вступать въ прежнія отношенія.

Разговоръ продолжался между моими спутни-

ками; но вотъ мы въ Салерно. Мы поспѣшили въ церковь.

«Я буду вашимъ чичероне,» сказалъ Дженаро. «Эта капелла посвяшена святому отцу Григорію VII, который умеръ въ Салерно. На алтарѣ передъ нами стоитъ его мраморный бюстъ. Здѣсь, можетъ, Александръ великій!» продолжалъ онъ, указывая на большой саркофагъ.

«Александръ великій?» воскликнулъ Фабіани съ удивленіемъ.

«Разумѣется; не правда ли»? спросилъ онъ церковнаго сторожа.

«Точно такъ, Eccellenza,» отвѣчалъ тотъ.

«Это конечно ошибка,» сказалъ я, подойдя ближе къ монументу. «По всѣмъ историческимъ извѣстіямъ, Александръ не можетъ быть погребенъ здѣсь. На саркофагѣ изображено его торжественное шествіе, и изъ этаго вѣроятно заключили, что онъ самъ здѣсь лежитъ!»

При самомъ входѣ въ церковь мы видѣли такой же саркафагъ, на которомъ изображено торжество Вакха; этотъ саркофагъ перевезенъ сюда изъ храма въ Пестумѣ и нынѣ служитъ гробницею ка-

кому-то Салернскому Принцу; на немъ стоитъ мраморная статуя почившаго; онъ представленъ во весь ростъ; скульптура въ новѣйшемъ вкусѣ. Я ухватился за этотъ примѣръ и на немъ основывалъ мои предположенія касательно такъ называемой гробницы. Геніальная мысль моя очень нравилась мнѣ самому; я уже начиналъ-было воспламеняться, но Дженаро остановилъ потокъ моего краснорѣчія холоднымъ «можетъ статься!» а Франческа шепнула мнѣ на ухо, что нейдетъ спорить съ человѣкомъ старѣе меня, тѣмъ болѣе, что я самъ не увѣренъ въ томъ, что говорю. Я молча и смиренно отошелъ въ-сторону.

Вечеромъ мы сидѣли вдвоемъ съ Франческой на обширномъ балконѣ гостинницы. Фабіани и Дженаро пошли гулять; я остался дома, чтобы занимать разговорами мою покровительницу.

«Какая чудная игра свѣта!» сказалъ я, указывая на море; оно было какъ молочное; улица, вымощенная темною лавой съ одной стороны, и пурпуровый горизонтъ съ другой еще возвышали его необыкновенную бѣлизну; горы вдали были самаго прекраснаго синяго цвѣта; въ Римѣ я никогда не видывалъ такаго великолѣпія красокъ.

«Облака уже прощаются съ нами на ночь!» сказала Франческа, указывая на легкую тучу, лежав-

шую на горѣ; она висѣла высоко надъ виллами и оливковыми лѣсами, но казалась на незначительной вышинѣ противъ стоящаго надъ нею древняго замка съ двумя башнями, которыя почти доходили до вершины горы.

«Ахъ, зачѣмъ я не могу поселиться въ этомъ замкѣ!» сказалъ я; какъ бы славно было жить такъ высоко надъ облаками и оттуда любоваться вѣчно измѣняющимся моремъ!»

«Тамъ ты бы могъ на-просторѣ импровизировать, сказала улыбаясь Франческа; но вѣдь тебя никто бы не слышалъ, а это было бы скучно: не не такъ ли, Антоніо?»

«Ахъ, да!» отвѣчалъ я также шутя, «я въ томъ сознаюсь откровенно! Сочувствіе нужно человѣку, какъ солнце растенію. Не одна несчастная любовь точила цвѣтъ Тассовой жизни въ темницѣ; его грызъ еще другой червь: одиночество!»

«Другъ мой!» возразила она съ строгою миною,» теперь рѣчь о тебѣ, а не о Тассо! съ какой стати ты перешелъ къ нему?»

«Я только хотѣлъ подкрѣпить слова мои примѣромъ!» отвѣчалъ я, «Тассо былъ поэтъ и —!»

«И ты воображаешь, что ты Тассо. Ради Бога, Антоніо, не ставь никогда безсмертное имя на-ряду съ своимъ собственнымъ! Не воображай, что ты поэтъ, что ты импровизаторъ, потому-что у тебя воспріимчивый умъ и что ты умѣешь понимать поэзію. Увѣряю тебя, это вовсе не рѣдкость! Ты только губишь себя такими идеями!»

«Но еще недавно многочисленная публика привѣтствовала меня восторженными кликами одобренія!» отвѣчалъ я покраснѣвъ, «и потому такія идеи, можетъ быть, извинительны и довольно естественны! Я знаю людей, которые радуются моимъ успѣхамъ и признаютъ во мнѣ нѣкоторое достоинство!»

«Я первая готова отдатъ тебѣ справедливость, мой другъ! Мы знаемъ, что у тебя прекрасное сердце и благородный характеръ, и вотъ почему я смѣло надѣюсь, что Принцъ возвратитъ тебѣ свою пріязнь. Ты одаренъ прекрасными способностями, но надобно развить ихъ, Антоніо!» Само отъ себя ничто не совершенствуется. На все нуженъ трудъ. У тебя порядочное дарованіе для забавы общества; ты можешь своими импровизаціями доставлять наслажденіе друзьямъ своимъ—но для публичнаго поприща талантъ твой не довольно замѣчателенъ.

«Однако,» отвѣчалъ я съ нѣкоторою робостью, «Дженаро не зналъ меня, а также былъ въ восхи

щеніи отъ моихъ импровизацій, когда я дебютировалъ на Сантъ Карло.»

«Я отъ всей души уважаю Дженаро,» возразила она, «но должна признаться, что не слишкомъ дорожу его мнѣніями, когда дѣло идетъ объ искуствѣ. Что касается до публики, то на ея искренность не всегда можно положиться; она часто бранитъ за-глаза того артиста, котораго только-что осыпала рукоплесканіями. Счастіе, что тебя не освистали: это бы очень огорчило меня. Слава Богу, все кончилось тихо, и надобно надѣяться, что скоро всѣ забудутъ о твоихъ импровизаціяхъ, а съ ними и о тебѣ. Впрочемъ, вѣдь ты являлся на сценѣ не подъ своимъ именемъ. Черезъ три дня мы воротимся въ Неаполь и на другой же день отправимся въ Римъ. Вообрази, что все это было не что иное, какъ сонъ — оно вѣдь и въ самомъ дѣлѣ такъ; и докажи намъ своимъ прилежаніемъ и степенностью, что ты пришелъ въ себя. Не возражай мнѣ! Я желаю тебѣ добра, и кромѣ меня вѣрно никто не рѣшился бы сказать тебѣ правду!» Она протянула мнѣ руку, и я напечатлѣлъ на ней поцѣлуй.

Положено было на другой день отправиться въ путь съ разсвѣтомъ, чтобы имѣть время побыть нѣсколько часовъ въ Пестумѣ и въ тотъ же день воротиться назадъ въ Салерно: въ Пестумѣ негдѣ

ночевать и дорога туда не надежная. Для вѣрности насъ провожали верхомъ жандармы.

Дорога пролегаетъ между безпрерывными померанцовыми садами, или, лучше сказать, лѣсами. Мы перебрались черезъ рѣку Селу, гдѣ плакучія ивы и лавровыя деревья смотрятся въ зеркало водъ. Высокія горы осѣняютъ тучныя поля ячменныя. Алоэ и кактусъ дико растутъ вдоль дороги. И вотъ, посреди всей этой дивно-роскошной природы, мы увидѣли древніе двадцати-вѣковые храмы, поражающіе взоръ изяществомъ и благородною красотою архитектуры. Эти руины, грязная корчма, три жалкіе домишка и нѣсколько камышевыхъ хижинъ — вотъ изъ чего состоитъ нынѣ этотъ пресловутый городъ. Нигдѣ не было видно ни единаго розоваго куста, между-тѣмъ какъ, Пестумъ въ древности славился красотою и изобиліемъ своихъ розъ; въ то время окрестность утопала въ пурпурѣ, теперь она вся была синяя, какъ вдали лежащія горы; душистыя фіалки густо покрывали обширную равнину и всюду пробивались между терновникомъ и кустами. Растенія на окрестныхъ поляхъ отъ тучности наклонялись къ землѣ; алоэ переплеталось съ дикими фиговыми деревьями и краснымъ pyretrum indicum.

Мы видѣли передъ собою Сицилію съ ея дикою, роскошною природою, съ ея сѣрыми храмами

виться. Лице ея выражало робость, чувствительность и глубокую скорбь; глаза были опущены, какъ будто бы она чего-то искала на землѣ.

Дженаро первый замѣтилъ ее и, не дождавшись, чтобы она попросила у него милостыни, далъ ей денегъ и, взявъ ее за подбородокъ, сказалъ, что съ ея красотою не слѣдуетъ ходить по-міру. Франческа и Фабіани были того же мнѣнія. Нѣжный румянецъ зардѣлся на смуглыхъ щекахъ дѣвушки; она подняла глаза — и я увидѣлъ, что она слѣпа.

Мнѣ также хотѣлось дать ей что-нибудь, но я не могъ рѣшиться. Когда прочіе пошли въ гостинницу, преслѣдуемые всею толпою нищихъ, я поспѣшно воротился и положилъ ей въ руку скуди; она, казалось, осязаніемъ узнала монету; щеки ея запылали; она наклонилась: свѣжія уста красавицы коснулись моей руки; поцѣлуй ея пробѣжалъ по мнѣ электрической искрой; я скорѣе удалился и догналъ моихъ спутниковъ.

Щепки и прутья пылали въ видѣ большаго костра въ каминѣ, который занималъ почти всю ширину комнаты. Но дымъ клубáми сталъ подыматься къ закопченому потолку, и мы принуждены были искать убѣжища на открытомъ воздухѣ; мы пошли осматривать храмы и велѣли покуда приготовить завтракъ въ тѣни высокихъ плакучихъ ивъ.

Намъ надобно было пройти черезъ дикую равнину; Фабіани и Дженаро сложили руки свои въ видѣ носилокъ для Франчески.

«Вы будете помнить эту прогулку,» сказала она улыбаясь.

«Это еще рай, Eccellenza!» сказалъ одинъ изъ нашихъ проводниковъ, «противъ того, что было здѣсь три года тому назадъ: тогда здѣсь рѣшительно не было прохода отъ тернія, а за нѣсколько лѣтъ до того, въ мое дѣтство, земля и песокъ закрывали колонны до верху.»

Другіе проводники подтвердили слова своего товарища; мы продолжали наше странствіе, преслѣдуемые толпою нищихъ; они шли за нами молча и не спуская съ насъ взора; если кто-нибудь изъ насъ случайно оглядывался, они тотчасъ протягивали руку, бормоча свое обыкновенное miserabili. Слѣпой моей красавицы не было тутъ; она вѣрно одна сидѣла на дорогѣ. Мы прошли мимо развалинъ театра и храма Мира.

«Миръ и театръ,» воскликнулъ Дженаро, «какъ они могли существовать такъ близко одинъ отъ другаго?»

Передъ нами былъ храмъ Нептуна; эта, такъ

называемая, *базилика* и храмъ Цереры — какъ новая Помпея — возстали изъ мрака и забвенія. Они нѣсколько столѣтій лежали подъ землею и дикими растеніями, какъ вдругъ иностранный художникъ, пріѣхавшій сюда для наблюденій по своей части, случайно открылъ верхи колоннъ; онъ былъ пораженъ ихъ необыкновенною красотою и срисовалъ ихъ; такимъ образомъ узнали объ ихъ существованіи; покрывавшіе ихъ земля и кустарникъ исчезли, и теперь высокіе своды храма стоятъ будто новые. Колонны изъ травертина обвиты дикими виноградными лозами; полъ поросъ фиговыми деревьями, а изъ щелей и трещинъ пробиваются фіалки и темнокрасные левкои.

Благодаря Дженаро, мы наконецъ избавились отъ нищихъ и, сидя на нижней части обрушившейся колонны, въ покоѣ наслаждались окружающими насъ чудесами природы. Синія горы, близость моря, вообще мѣсто, гдѣ мы находились, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. «Ты бы спѣлъ намъ что-нибудь!» сказалъ Фабіани; и Франческа движеніемъ головы также выразила это желаніе. Я прислонился къ ближней колоннѣ и на одну изъ мелодій, знакомыхъ мнѣ съ дѣтства, началъ воспѣвать все, что видѣлъ передъ собою: я пѣлъ о чудной природѣ, о безподобныхъ памятникахъ искуства; я вспоминалъ бѣдную слѣпую дѣвушку, для которой всѣ эти прелести не существуютъ. Она вдвойнѣ си-

рота, вдвойнѣ достойна сострадания. На глазахъ у меня были слезы. Дженаро захлопалъ въ ладоши; Фабіани и Франческа сознались, что у меня есть чувство.

Когда я кончилъ, мои слушатели спустились съ лѣстницы храма; я медленно слѣдовалъ за ними: за колонной, гдѣ я стоялъ подъ душистыми миртами, я увидѣлъ человѣческую фигуру; она сидѣла, или, лучше сказать, лежала, опустивъ голову и сложивъ руки на затылкѣ: это была слѣпая дѣвушка.

Она слышала мое пѣніе, слышала, какъ я говорилъ о ея сиротствѣ, о ея лишеніяхъ. Острый ножъ пронзилъ мое сердце. Я наклонился надъ нею; она услышала шелестъ листьевъ и приподняла голову; мнѣ показалось, что она блѣднѣе прежняго. Я не смѣлъ тронуться съ мѣста; она стала прислушиваться.

«Анджело!» сказала она въ пол-голоса.

Я самъ не знаю для чего, но я удерживалъ дыханіе; съ минуту она сидѣла совершенно неподвижно. Мнѣ казалось, что передо мною Греческая богиня красоты, какъ мнѣ описала ее Анунціата; глаза ея не видѣли и однако они какъ будто проникали во глубину моей души. Тутъ она сѣла на подножіи храма между смоковницами и душистыми

миртами, и съ улыбкою прижала что-то къ губамъ: это былъ мой скуди. Кровь моя закипѣла; я какъ будто нехотя наклонился къ ней ближе — и на челѣ ея напечатлѣлся пламенный поцѣлуй.

Она закричала, и пронзительный голосъ ея исполнилъ ужасомъ мою душу. Она вскочила какъ испуганная лань и исчезла изъ глазъ моихъ. Я не видѣлъ ничего болѣе; все передо мною закружилось; я со всѣхъ ногъ пустился бѣжать черезъ терніе и кустарникъ.

«Антоніо, Антоніо!» кричалъ Фабіани далеко за мною; голосъ его заставилъ меня опомниться. «Ужъ не за зайцами ли ты охотишься?» спросилъ онъ. «Или, можетъ быть, это былъ поэтическій полетъ?»

«Онъ хочетъ показать намъ,» сказалъ Дженаро, «что онъ умѣетъ летать тамъ, гдѣ мы едва можемъ итти шагъ за шагомъ. Однако и мнѣ надобно также попробовать.» Онъ сталъ возлѣ меня, чтобы пуститься бѣжать вмѣстѣ со мною.

«Вы вѣрно забыли, господа, что мнѣ съ женой на рукахъ не угнаться за вами?» замѣтилъ Фабіани. Дженаро остановился.

Подходя къ гостинницѣ, я напрасно искалъ

глазами слѣпую; крикъ ея безпрестанно раздавался въ моихъ ушахъ, и сердце у меня сильно билось при этомъ воспоминаніи. Совѣсть меня мучила, какъ будто бы я совершилъ преступленіе: я невиннымъ образомъ вселилъ въ ея душу скорбь и печаль, изобразивъ передъ нею всѣ ужасныя лишенія, на которыя ее осуждаетъ ея несчастіе; я причинилъ ей испугъ и страданіе—я поцѣловалъ ее; это былъ первый поцѣлуй, какой приняла отъ меня женщина. Если бы она могла видѣть меня, я бы не рѣшился на это; ея несчастіе и беззащитное положеніе дали мнѣ на то смѣлость. И я могъ судить Бернардо такъ строго, я, который причастенъ грѣху, какъ онъ, какъ всѣ люди! Я былъ готовъ на колѣнахъ просить у нея прощенія: но ея нигдѣ не было.

Мы сѣли въ коляску, чтобы ѣхать назадъ въ Салерно; я еще разъ оглянулся, въ надеждѣ, что увижу ее, но не рѣшался спросить объ ней. Тутъ Дженаро сказалъ: «а гдѣ-то наша слѣпая?»

«Вы конечно говорите о Ларѣ?» сказалъ нашъ проводникъ; «она вѣроятно по-обыкновенію сидитъ въ храмѣ Нептуна; это ея любимое мѣсто.»

«Bella divina!» воскликнулъ Дженаро и, обратясь къ храму, сдѣлалъ рукою знакъ поцѣлуя. Мы поѣхали.

И-такъ ее зовутъ Ларой. Я сидѣлъ спиной къ кучеру и смотрѣлъ, какъ колонны все болѣе и болѣе удалялись отъ насъ; но въ сердцѣ я еще слышалъ крикъ дѣвушки и голосъ моего собственнаго [illegible]. У самой дороги расположилась толпа Цыганъ; они развели въ пещерѣ горы большой огонь и варили тамъ свое кушанье. Старая Цыганка, ударяя въ тамбуринъ, спросила, не поворожить ли намъ; но мы, не останавливаясь, проѣхали мимо. Двѣ черноглазыя дѣвушки преслѣдовали насъ довольно далеко. Онѣ были хороши собой, и Дженаро нравились ихъ легкія движенія и огненные глаза; только у нихъ не было той благородной красоты, какою поражала слѣпая Лара.

Подъ-вечеръ мы были въ Салерно, а на другое утро намѣревались ѣхать въ Амальфи, а потомъ въ Капри.

«По возвращеніи въ Неаполь, мы пробудемъ тамъ всего только одинъ день,» сказалъ Фабіани; «въ концѣ недѣли намъ непремѣнно надобно быть въ Римѣ. Ты вѣдь скоро можешь устроить дѣла свои, Антоніо?»

Я не хотѣлъ и не долженъ былъ воротиться въ Римъ; но робость и застѣнчивость, какую вселили въ меня бѣдность и чувство зависимости съ самаго дѣтства, не позволили мнѣ отвѣчать, какъ бы слѣ-

довало, и я только замѣтилъ, что Принцу вѣрно не понравится мое возвращеніе, и что онъ еще болѣе прогнѣвается на меня за эту смѣлость.

«Это ужъ наше дѣло,» возразилъ Фабіани.

«Простите, но мнѣ никакъ нельзя,» отвѣчалъ я въ смущеніи и взявъ Франческу за руку. «Я глубоко чувствую, сколько я вамъ обязанъ!»

«Ни слова о томъ, Антоніо,» сказала она, приложивъ руку къ губамъ моимъ. Въ эту самую минуту слуга вошелъ доложить о какомъ-то гостѣ; я молча отошелъ въ уголокъ, чувствуя всю свою слабость. Два дня тому назадъ я былъ свободенъ и независимъ какъ птичка, и Тотъ, безъ воли Котораго даже воробей не упадетъ на землю, вѣрно не оставилъ бы и меня; теперь мнѣ опутывали ноги ничтожною нитью, и я былъ готовъ дать ей вырости толстымъ канатомъ. «Въ Римѣ у меня есть истинные друзья,» думалъ я; «на ихъ искренность я могу положиться, хотя они, можетъ быть, и не такъ любезны, какъ мои Неаполитанскіе пріятели.» Я вспомнилъ о Сантѣ, которую я вознамѣрился никогда болѣе не видѣть, вспомнилъ о Бернардо, съ которымъ я каждый день могъ встрѣтиться въ Неаполѣ, объ Аннунціатѣ, которую ожидали туда, и о ихъ взаимной любви. «Въ Римъ, въ Римъ! тамъ несравненно лучше,» говорило мнѣ мое сердце,

между-тѣмъ какъ душа жаждала свободы и независимости.

VII.

Приключеніе въ Амальфи. Лазоревая пещера близъ Капри.

—

Какъ прекрасно представлялся намъ Салерно съ моря, когда мы на другой день рано поутру уѣзжали оттуда; шестеро дюжихъ гребцовъ сидѣли за веслами; рулемъ правилъ маленькій мальчикъ. Онъ былъ прекрасенъ собою и его звали Альфонзо. Вода была зеленая и прозрачная какъ стекло. Весь правый берегъ покрытъ обширными висячими садами, устроенными фантазіею гордой Семирамиды. Будто своды, погружались въ воду глубокія открытыя пещеры, въ которыя плескались волны. На выдавшейся вершинѣ скалы стоялъ замокъ; подъ его стѣнами плыло облако. Мы проѣхали Минури и Маюри и сейчасъ послѣ того увидѣли передъ собою родину Мазаніелло и Флавіо Джіоіа *, городъ Амальфи, который бѣлѣется изъ-за зелени виноградныхъ садовъ.

Такое изобиліе красотъ природы сильно пора-

* Изобрѣтатель компаса.

зило меня. Ахъ, зачѣмъ всѣ народы земли не могутъ видѣть этихъ чудесъ! Бури сѣвера или запада никогда не приносятъ холода и зимы въ этотъ цвѣтущій садъ, посреди котораго будто на террасѣ стоитъ Амальфи. Здѣсь вѣетъ только теплый вѣтеръ съ востока и юга; онъ изъ страны померанцевыхъ и пальмовыхъ лѣсовъ перелетаетъ сюда черезъ чудное море.

Городъ съ своими бѣлыми домами и плоскими восточными крышами стоитъ на скатѣ горы у самаго моря; надъ нимъ видны виноградные сады, далѣе уединенный кедръ, упирающійся своимъ зеленымъ челомъ въ синій эѳиръ; наконецъ на самой вершинѣ древній замокъ съ высокою стѣною, надъ которой любятъ покоиться облака.

Рыбаки перенесли насъ изъ шлюпки на берегъ по подводнымъ камнямъ. Подъ самымъ городомъ въ скалахъ находятся глубокія пещеры; иныя изъ нихъ были полны водою, другія пусты; на берегу лежало нѣсколько лодокъ, въ которыхъ играли веселыя дѣти, почти всѣ въ однѣхъ рубашкахъ или маленькихъ курткахъ. Полунагіе лазарони лежали растянувшись на горячемъ пескѣ; надвинутыя на уши темныя шапки были единственною ихъ защитой во время сна. Раздавался звонъ колоколовъ; мимо насъ прошла процессія молодыхъ канониковъ: они были въ лиловыхъ платьяхъ и пѣли духовныя пѣс-

ни. Вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ былъ повѣшенъ на распятіи.

На-лѣво, высоко надъ городомъ, стоитъ передъ мрачною пещерою обширное великолѣпное зданіе: это монастырь, который служитъ пристанищемъ для путешественниковъ. Франческу понесли туда на носилкахъ; мы пошли за нею по высѣченной въ камнѣ тропинкѣ и съ высоты любовались синимъ прозрачнымъ моремъ. Но вотъ мы уже у монастырскихъ воротъ; близехонько отъ нихъ стояла темная пещера съ своею разинутою пастью. Въ ней видны были три распятія: на одномъ крестѣ Спаситель, на другихъ разбойники, а надъ скалою стояли, преклонивъ колѣна, Ангелы въ разноцвѣтныхъ одеждахъ съ большими бѣлыми крылами. Въ отношеніи къ искуству эти изображенія не имѣютъ никакаго достоинства; это просто деревянныя раскрашенныя фигуры; но богобоязливое, вѣрующее сердце умѣетъ оживить своею собственною красотою грубое изображеніе.

Мы прошли черезъ тѣсный дворикъ монастыря и заняли назначенныя для насъ комнаты; передъ моимъ окномъ разстилалось безпредѣльное море до самой Сициліи, а на краю гаризонта виднѣлись корабли, будто бѣлыя, свѣтящіяся точки.

«Господинъ импровизаторъ,» сказалъ Дженаро,

«не спуститься ли намъ въ низшія области; мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть, такъ же ли онѣ богаты красотами природы, какъ тѣ, въ какихъ мы теперь находимся. Что касается до женской красоты, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію; наши сосѣдки Англичанки ужасно блѣдны и холодны! Вѣдь вы, кажется, большой обожатель женщинъ. Простите мою смѣлость, но вѣдь чуть ли не онѣ сдѣлали изъ васъ свѣтскаго человѣка и доставили мнѣ пріятный вечеръ и интересное знакомство.»

Мы начали спускаться по тропинкѣ.

«Надобно однако признаться, что такихъ красавицъ, какъ наша слѣпая въ Пестумѣ, немного найдешь,» сказалъ Дженаро. «Я ужъ думаю, не написать ли, чтобы мнѣ ее прислали вмѣстѣ съ Калабрійскимъ виномъ, которое я намѣренъ выписать изъ Неаполя. Она, какъ вино, приводитъ въ волненіе мою кровь.»

Но вотъ мы вошли въ городъ: онъ — если можно такъ выразиться — выстроенъ кучей. Въ сравненіи съ Амальфи даже тѣсный Гетто можетъ назваться широкимъ Корсо. Улицы состоятъ изъ узкихъ проходовъ между высокими домами и часто даже черезъ домы; мы то пробирались черезъ длинныя сѣни, гдѣ по сторонамъ находятся отверстія, ведущія въ темныя комнаты, то черезъ тѣсные

переулки между стѣнъ и отвѣсныхъ скалъ. Безпрестанно надобно было то спускаться, то подыматься по лѣстницамъ въ этомъ полутемномъ лабиринтѣ грязныхъ ходовъ, и я часто не зналъ, иду ли по улицѣ, или черезъ домъ. Почти вездѣ на такъ называемыхъ улицахъ горѣли лампы, безъ чего, не смотря на раннюю пору дня, было бы темно какъ ночью. Наконецъ мы могли дышать нѣсколько свободнѣе: мы попали на каменный мостъ, который соединяетъ двѣ цѣпи скалъ. Маленькая площадь передъ нимъ конечно самая большая во всемъ городѣ. Двѣ дѣвушки танцевали тутъ Saltarello, а вблизи стоялъ и смотрѣлъ на нихъ маленькой, совершенно нагой мальчикъ, темно-коричневаго цвѣта, прекрасный какъ Амуръ. «Здѣсь,» сказалъ, не помню кто, «люди никогда не зябнутъ; въ Амальфи не могутъ запомнить инаго мороза, какъ при восьми градусахъ тепла.»

Близъ маленькой башеньки на выдавшемся мѣстѣ скалы, откуда видна прелестная бухта къ сторонѣ Минури и Маюри, извивается между алоэ и миртами маленькая тропинка; мы пошли по ней и скоро очутились подъ высокими сводами виноградныхъ лозъ. Мы умирали отъ жажды и, увидя на самомъ берегу моря бѣлѣющійся изъ-за густой зелени домикъ, который будто манилъ насъ къ себѣ, отправились въ ту сторону. Теплый, благораст-

воренный воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ; вокругъ насъ жужжали красивыя, пестрыя насѣкомыя.

Домикъ поразилъ насъ своею наружностью: въ стѣнахъ были мѣстами вдѣланы въ видѣ украшеній мраморныя капители, также мраморныя рука и нога изящной работы, отрытыя въ землѣ. На крышѣ былъ прекрасный садъ изъ померанцевыхъ деревьевъ и сочныхъ ползучихъ растеній; свѣшиваясь внизъ на стѣну, они образовали на ней зеленые будто бархатные ковры; на площадкѣ передъ домомъ цвѣли въ изобиліи дикія мѣсячныя розы; двѣ прелестныя дѣвочки, играя, плели вѣнки; но вотъ у дверей показалось существо, которое приковало къ себѣ все наше вниманіе: прекрасная молодая женщина, съ благороднымъ станомъ, съ одушевленными глазами и прекрасными черными рѣсницами; на головѣ у нея былъ повязанъ бѣлый платокъ. Мы низко поклонились красавицѣ.

«Не ты ли, красавица, хозяйка здѣсь?» сказалъ Дженаро. «Въ такомъ случаѣ сжалься надъ двумя утомленными странниками и дай имъ напиться.»

«Съ удовольствіемъ!» отвѣчала она и, улыбнувшись, выказала рядъ прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ, которые еще болѣе возвысили прелесть ея свѣжихъ

коралловыхъ губъ; «я тотчасъ пойду за виномъ, но у меня есть только простое.»

«Когда ты сама подашь его намъ, то мы навѣрное найдемъ его превосходнымъ!» сказалъ Дженаро; «вино никогда не бываетъ такъ вкусно, какъ когда его наливаетъ такая хорошенькая дѣвушка какъ ты!»

«Сегодня, ужъ не прогнѣвайтесь, васъ будетъ потчевать не дѣвушка, а женщина.»

«Какъ! уже ли ты замужемъ?» воскликнулъ Дженаро; «ты такъ еще молода.»

«Ахъ, нѣтъ, я уже очень стара,» сказала она съ улыбкою.

«А который же тебѣ годъ?» спросилъ я.

Она посмотрѣла на меня съ плутовскою миною и отвѣчала: «двадцать восемь лѣтъ.» На видъ ей было никакъ не болѣе пятнадцати, но формы ея уже достигли полнаго развитія; сама Геба не могла быть стройнѣе.

«Двадцать восемь лѣтъ,» сказалъ Дженаро «самый лучшій возрастъ! А давно ли ты уже замужемъ?»

«Ужъ двадцать лѣтъ!» отвѣчала она; «если не вѣрите, спросите у моихъ дочерей!» и вотъ къ намъ подбѣжали тѣ самыя двѣ дѣвочки, которыя играли передъ домомъ, когда мы подходили. «Это ваша маменька?» спросилъ я, хотя и зналъ напередъ, что это невозможное дѣло. Онѣ съ улыбкою посмотрѣли на меня, потомъ, кивнувъ головою, прижались къ молодой женщинѣ. Она принесла вино; мы нашли его безподобнымъ и пили за ея здоровье.

«Этотъ господинъ — поэтъ, импровизаторъ,» сказалъ Дженаро, указывая на меня. «Онъ вскружилъ голову всѣмъ дамамъ въ Неаполѣ. Но у него каменное сердце, и вообще онъ большой чудакъ; представь себѣ, что онъ ненавидитъ всѣхъ женщинъ, и еще никогда не цѣловалъ ни одной.»

«Не можетъ быть,» сказала красавица улыбаясь.

«У меня-такъ, напротивъ того, совершенно другая природа; я люблю все прекрасное, и готовъ цѣловаться со всѣми красавицами; я вездѣ съ нимъ— и такимъ образомъ всегда примиряю свѣтъ съ женщинами. Никто не отказываетъ мнѣ въ такой безделицѣ; я получаю ее отъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ какъ должную дань—и отъ тебя ожидаю того же!» Говоря это, онъ схватилъ ея руку.

«Напрасно; ни вы, ни другой господинъ ничего не дождетесь отъ меня: платежъ податей до меня не касается — это дѣло моего мужа.»

«А гдѣ же твой мужъ?

«Не далеко,» отвѣчала она.

«Такой прекрасной ручки я никогда не видывалъ въ Неаполѣ!» сказалъ Дженаро; сколько тебѣ дать за удовольствіе поцѣловать ее?»

«Одинъ скуди,» отвѣчала она.

«А другой за поцѣлуй въ губы? и того будетъ два, не правда ли?» продолжалъ Дженаро.

«Извините: губы мои собственность моего мужа; я не могу располагать ими!» Тутъ она стала опять потчевать насъ своимъ освѣжительнымъ крѣпкимъ виномъ, продолжая шутить и смѣяться. Наконецъ она призналась намъ, что ей еще только четырнадцать лѣтъ, и что она годъ тому назадъ вышла замужъ за молодаго красиваго парня; она прибавила, что мужъ ея уѣхалъ въ Неаполь и долженъ воротиться домой на слѣдующій день. Маленькія дѣвочки были ея сестры, которыхъ она взяла къ себѣ погостить до возвращенія мужа. Дженаро попросилъ малютокъ набрать ему букетъ цвѣ-

товъ — и онѣ тотчасъ побѣжали исполнить его желаніе; онъ обѣщалъ имъ карлинъ за труды.

Тщетно старался онъ выманить у красавицы поцѣлуй, то говоря ей разныя любезности, то обвивая рукою станъ ея; она убѣгала отъ него и сердилась, но послѣ опять возврашалась, потому-что это забавляло ее. Наконецъ онъ вынулъ изъ кармана луидоръ и, показывая его, сталъ представлять ей, сколько она бы могла купить на него нарядныхъ лентъ, и какъ бы онѣ пристали къ ея чернымъ волосамъ — и все это досталось бы ей за бездѣлицу, за одинъ, только одинъ поцѣлуй!»

«Другой господинъ гораздо лучше васъ,» сказала она, указывая на меня. Кровь моя запылала; я взялъ ее за руку и сказалъ, чтобы она не слушала его, что онъ все говоритъ вздоръ и только хочетъ соблазнить ее своимъ золотомъ — и что она въ отмщеніе ему должна поцѣловать меня.

Она пристально смотрѣла на меня.

«Изо всего, что онъ наговорилъ тебѣ, только одно правда, именно, что я никогда еще не цѣловалъ женщины; я сохранилъ свои уста чистыми для самой прекрасной — и надѣюсь, что ты не откажешься наградить мою добродѣтель!»

«Нечего сказать, вы мастеръ обольщать,» сказалъ Дженаро»; вы превзошли даже меня, даромъ-что я уже давно занимаюсь этимъ ремесломъ, а вы еще новичекъ!»

«Вы досадили мнѣ вашимъ золотомъ,» сказала красавица, «и чтобы показать вамъ, что меня не прельщаютъ ни ваши богатства, ни вашъ поцѣлуй— я поцѣлую поэта!» Она прижала обѣ свои руки къ моимъ щекамъ, губы ея коснулись моего рта — и она скрылась за домомъ.

Солнце уже зашло, когда я, сидя въ своей монастырской комнаткѣ, изъ окна смотрѣлъ на море; оно было совершенно розовое и плескало длинными волнами. Рыбаки вытаскивали свои лодки на песокъ. По мѣрѣ того, какъ темнота увеличивалась, фосфорическіе огни горѣли все ярче, волны становились синія будто горящая сѣра; повсюду царствовала глубокая тишина. На берегу рыбаки съ своими женами и дѣтьми запѣли гимнъ; дѣтскіе тоненькіе голоса сливались съ густымъ басомъ; грустное чувство овладѣло моею душею. На небѣ сверкнула падучая звѣзда и скатилась за виноградные сады, гдѣ меня поцѣловала молодая красавица. Я вспомнилъ объ этомъ прелестномъ созданіи, вспомнилъ о слѣпой дѣвушкѣ — олицетвореніи красоты въ полу-разрушенномъ храмѣ; но за ними на заднемъ планѣ являлась Анунціата, прекрасная и

духомъ и тѣломъ, и потому вдвойнѣ очаровательная! Грудь моя расширилась, душа горѣла любовію, желаньемъ, тоскою. Жертвенникъ, котораго Анунціата являлась жрицею, былъ опрокинутъ, оставленъ ею, и чистое пламя, какое она зажгла въ моемъ сердцѣ, съ яростію разливалося по всему храму. «Пресвятая Матерь Божія,» воскликнулъ я; «душа моя полна любовію! сердце разрывается отъ тоски и томительнаго желанія!» Я взялъ букетъ цвѣтовъ, который стоялъ на окнѣ въ стаканѣ съ водою — и, прижавъ къ губамъ самый прекрасный изъ нихъ, думалъ объ Анунціатѣ.

Тоска моя возрастала; я вышелъ на воздухъ и спустился къ морю; свѣтящіяся волны разбивались о берегъ, рыбаки пѣли, теплый вѣтерокъ обвѣвалъ меня. Я взошелъ на каменный мостъ, гдѣ я уже стоялъ поутру. Мимо меня прошелъ мущина, закутанный въ длинный плащъ; это былъ Дженаро. Онъ пустился по тропинкѣ къ бѣлому домику; я послѣдовалъ за нимъ и видѣлъ, какъ онъ пробирался мимо окна, откуда свѣтилась лампа. Я расположился тутъ за зеленью виноградныхъ лозъ, такъ, чтобы, не будучи самъ замѣченъ, могъ видѣть, что̀ происходитъ въ хижинѣ. На противоположной сторонѣ также находилось окно; высокая лѣстница вела въ сосѣднюю комнату.

Обѣ малютки, почти раздѣтыя, въ одной ру-

башкѣ молились на колѣнахъ передъ столикомъ, на которомъ стояло Распятіе и горѣла лампа; старшая ихъ сестра, молодая хозяйка домика, стояла на колѣнахъ между ними. Это была живая картина въ родѣ картинъ Рафаэля. Черные глаза красавицы были подняты къ небу; роскошные волосы спадали на обнаженныя плеча; руки были сложены крестомъ на прекрасно-юной груди.

Пульсъ у меня забился сильнѣе: я едва смѣлъ дышать. Но вотъ онѣ встали; женщина повела малютокъ по лѣстницѣ въ боковую комнату, потомъ заперла дверь и, воротившись въ другую горницу, начала прибирать ее. Я видѣлъ, какъ она вынула изъ ящика красный альбомъ. Улыбаясь, стала его расматривать и повертывать на всѣ стороны. Она хотѣла-было открыть его, но, покачавъ головой, опять бросила въ ящикъ, какъ будто бы кто-нибудь помѣшалъ ей.

Черезъ минуту кто-то постучался въ противоположное окно. Она въ испугѣ оглянулась и стала прислушиваться; минуту спустя, опять раздался стукъ, кто-то заговорилъ, но я не могъ разслышать ни единаго слова.

«Eccellenza,» закричала громко женщина, «что вамъ надобно? Зачѣмъ вы пришли сюда въ такое

позднее время? Ради Бога уйдите! Я сердита, очень сердита на васъ за это!»

Мущина опять что-то сказалъ.

«Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ!» отвѣчала она, «вы забыли здѣсь вашъ альбомъ! Моя маленькая сестра снесла его было въ гостинницу, думая, что вы пристали тамъ, но вы вѣрно живете въ монастырѣ. Я намѣревалась послать вамъ непремѣнно завтра поутру вашу книгу. Но вотъ она!»

Она вынула альбомъ изъ ящика; мущина опять что-то возразилъ, а она, покачавъ головой, сказала:

«Нѣтъ, нѣтъ! какъ это можно! Я не отопру дверей! Вы не войдете!» Потомъ она подошла къ окну и отворила его, чтобы подать книгу ея хозяину. Онъ схватилъ красавицу за руку, она уронила книгу на подоконникъ. Дженаро просунулъ голову въ окошко; женщина бросилась къ противоположному окну, гдѣ я стоялъ; теперь я могъ разслышать все, что онъ говорилъ.

«И ты не хочешь позволить, чтобы я изъ благодарности поцѣловалъ у тебя ручку? не хочешь принять отъ меня ни малѣйшаго знака признательности за твою находку? не хочешь даже напоить меня? Я умираю отъ жажды! Уже ли и въ этомъ

есть что-нибудь дурное? Зачѣмъ ты не хочешь впустить меня?»

«За тѣмъ, что вамъ здѣсь нечего дѣлать въ эту пору; возьмите вашу книгу, чтобы я могла запереть окно.»

«Я не уйду,» сказалъ Дженаро, «пока ты мнѣ не дашь своей руки и не поцѣлуешь меня; поутру ты меня обманула и вмѣсто меня поцѣловала того дурака,»

«Совсѣмъ нѣтъ, не правда!» сказала она съ гнѣвомъ, однако жъ и улыбнулась. «Вы хотите взять силою то, чего вамъ не даютъ добровольно,» продолжала она; «но я вамъ покажу, что не на такую напали!»

«Мы уже вѣрно никогда болѣе не увидимся, и ты не хочешь даже протянуть мнѣ руку! Болѣе я ничего не прошу у тебя, хотя сердце и желало бы болѣе. Сама Мадонна хочетъ, чтобы всѣ люди любили другъ друга какъ братья и сестры! Я раздѣлю съ тобою мое золото какъ съ сестрою! Ты будешь наряжаться, сколько хочешь; будешь еще вдвое прекраснѣе. Всѣ твои подруги будутъ завидовать тебѣ: никто не узнаетъ о нашемъ блаженствѣ.» При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ прыжокъ и очутился въ комнатѣ.

«Jesus Maria!» воскликнула тутъ женщина. Я крѣпко стукнулъ въ окно, у котораго стоялъ; оно зазвенѣло. Въ эту же минуту я, какъ будто дѣйствуя по влеченію невидимой силы, очутился у другаго, открытаго окна, поспѣшно схватилъ небольшую доску, которая торчала надъ виноградною зеленью и, въ случаѣ надобности, могла бы служить мнѣ оружіемъ.

«Это ты, Николо?» закричала женщина, какъ можно, громче.

«Я!» отвѣчалъ я твердымъ, густымъ голосомъ. Тутъ Дженаро проворно выпрыгнулъ изъ окна; плащемъ своимъ, развѣвавшимся на вѣтру, онъ загасилъ лампу — и въ комнатѣ стало совершенно темно.

«Николо!» закричала женщина въ окно, и голосъ ея дрожалъ. «Ты уже воротился? Благодареніе Мадоннѣ!»

«Синьора!» сказалъ я тихо.

«О Боже!» сказала она и заперла окно. Я стоялъ, какъ вкопанный. Прошло нѣсколько минутъ; она нацыпочкахъ прошла по комнатѣ; я слышалъ, что дверь въ спальню отворилась и опять заперлась. Тутъ послышался шумъ, какъ будто бы заколачи-

вали задвижку. «Теперь она внѣ опасности!» подумалъ я и, какъ можно тише, удалился; у меня на сердцѣ было такъ весело, такъ хорошо. «Я заплатилъ ей за поцѣлуй, который получилъ отъ нея,» сказалъ я про себя; «можетъ статься, она бы прибавила еще одинъ, если бы знала, что я былъ ея ангеломъ-хранителемъ!»

Когда я воротился домой, уже сбиралися ужинать; моего отсутствія никто не замѣтилъ, но о Дженаро всѣ безпокоились; особенно встревожена была Франческа. Фабіани во всѣ стороны разослалъ людей искать его; наконецъ онъ пришелъ. Онъ увѣрялъ, что заблудился въ горахъ, но къ-счастію встрѣтилъ наконецъ крестьянина, который помогъ ему найти дорогу.

Франческа замѣтила, что у него разорвано платье — и онъ увѣрялъ, что задѣлъ за терновникъ, черезъ который ему надобно было пробираться. «Я самъ не знаю, какъ я сбился съ пути,» прибавилъ онъ; «прекрасный вечеръ соблазнилъ меня: я зашелъ довольно далеко, но тутъ меня вдругъ застигла темнота; я хотѣлъ сократить дорогу, да и заблудился!»

Всѣ смѣялись надъ его приключеніемъ. Я одинъ зналъ, въ чемъ оно состояло. Мы пили за его здоровье; вино было прекрасное, и унасъ за-

шумѣло въ головѣ. Когда мы съ Дженаро удалились въ наши комнаты (мы жили стѣна-объ-стѣну), онъ вдругъ, уже полу-раздѣтый, вошелъ ко мнѣ—и, съ улыбающеюся, таинственною миною положивъ мнѣ руку на плечо, совѣтовалъ не слишкомъ много заниматься во снѣ красавицей, съ которой мы поутру познакомились.

«Поцѣлуй-то однако мнѣ достался,» сказалъ я шутя.

«Тѣмъ лучше для васъ!» отвѣчалъ онъ, лукаво улыбаясь; «вы вѣрно думаете, что она ко мнѣ была менѣе благосклонна?»

«Да кажется, что такъ!» сказалъ я.

«Вы очень ошибаетесь; со мною этаго еще никогда не случалось,» возразилъ онъ сухо, тономъ оскорбленнаго самолюбія; но въ эту же минуту на устахъ его опять заиграла улыбка—и онъ шепотомъ прибавилъ: «если бы я былъ увѣренъ въ вашемъ молчаніи, я бы кое-что расказалъ вамъ.» «Раскажите пожалуста!» сказалъ я; «клянусь вамъ, я ни полусловечкомъ не проговорюсь.»

Я приготовился слышать отъ него расказъ его вечернихъ подвиговъ—и не ошибся въ своемъ ожиданіи.

«Я забылъ, или, лучше сказать, съ намѣреніемъ оставилъ сегодня поутру свой альбомъ у нашей красавицы, чтобы имѣть предлогъ воротиться къ ней опять вечеромъ; я знаю, что въ эту пору женщины обыкновенно бываютъ не такъ строги. Теперь вы знаете, гдѣ я былъ. Платье разорвалъ я, перелѣзая черезъ заборъ сада и пробираясь сквозь кустарникъ.»

«Ну, а красавица?» спросилъ я.

«Она была еще вдвое очаровательнѣе», отвѣчалъ онъ съ значительной миною, «и гораздо сговорчивѣе, нежели поутру; я зналъ впередъ, что она будетъ совсѣмъ другая со мною наединѣ. Вамъ она дала *одинъ* поцѣлуй, а мнѣ цѣлую сотню, да еще и сердце въ придачу. Мнѣ вѣрно всю ночь будетъ сниться мое счастье! бѣдный Антоніо!» Тутъ онъ приложилъ себѣ палецъ къ губамъ и прыгнулъ въ постель.

Когда мы на другой день оставили монастырь, небо было задернуто сѣрою пеленою; на берегу насъ ожидали ловкіе наши гребцы, которые опять на рукахъ перенесли насъ въ шлюпку. Мы поплыли къ Капри. Сѣрая пелена мало по малу стала разрываться на легкія тучки; сводъ неба подымался все выше и выше; воздухъ съ каждою минутою становился яснѣе; море было тихо; только легкія

струйки рябили поверхность воды. Чудный Амальфи скрылся за скалою. Дженаро знаками прощался съ нимъ и воскликнулъ: «здѣсь мы съ вами рвали прекрасныя розы!»

«По крайней мѣрѣ, ты узналъ ихъ шипы», подумалъ я — и молча кивнулъ.

Передъ нами, до самыхъ береговъ Сициліи и до Африки, простиралось широкое, необъятное море. Налѣво намъ представлялся скалистый берегъ Италіи съ своими причудливыми пещерами: передъ однѣми изъ нихъ видны были маленькіе города, которые будто выползли изъ нихъ, чтобы погрѣться на солнцѣ; въ другихъ сидѣли рыбаки и варили кушанье, или обмазывали дегтемъ свои лодки.

Море походило на синее масло; мы обмакивали въ воду руки и вынимали ихъ изъ нея совершенно лазоревыми. Тѣнь шлюпки въ водѣ была самаго прекраснаго темносиняго цвѣта, а весла представлялись змѣйками всѣхъ возможныхъ синихъ оттѣнковъ.

«Чудное море!» воскликнулъ я въ восхищеніи; «во всей природѣ нѣтъ ничего прекраснѣе тебя!» Я вспомнилъ, что въ дѣтствѣ мнѣ часто случалось, лежа на спинѣ, мечтать, что я ношусь въ необъят-

номъ лазоревомъ пространствѣ. Теперь эта мечта какъ будто осуществлялась.

Мы проѣхали мимо трехъ скалистыхъ островковъ «il galli»; они состоятъ изъ огромныхъ камней, какъ будто набросанныхъ въ безпорядкѣ; это словно исполинскія башни, которыя, возникая изъ морской глубины, высятся къ небесамъ одна надъ другою; синія волны плещутся о зеленыя глыбы камней. Въ бурю, должно быть, это настоящая Силла съ ея воющими собаками.

Водная масса дремала вокругъ голаго каменистаго «cap Minervae», гдѣ въ-древности обитали Сирены; передъ нимъ лежалъ живописный Капри, гдѣ Тиверій пресыщался сладострастіемъ и любовался картиною Неаполя, лежащаго по другую сторону бухты. Мы распустили парусъ — и по вѣтру поплыли къ острову. Вода здѣсь необыкновенно свѣтла и до такой степени прозрачна, что мы какъ будто неслись надъ воздухомъ; можно было отличить каждый камешекъ, каждую тростинку въ нѣсколькихъ саженяхъ глубины; я не могъ смотрѣть внизъ: видъ этой неизмѣримой бездны, надъ которой мы плыли въ маленькой шлюпкѣ, причинялъ мнѣ головокруженіе.

Къ Капри можно приставать только съ одной стороны; островъ окруженъ отвѣсными, неприступ-

ными утесами; только со стороны Неаполя скалы подымаются уступами въ видѣ амфитеатра, покрытаго виноградными, померанцевыми и оливковыми лѣсами; внизу у самаго берега видны тамъ и сямъ рыбачьи хижины и караульня; немного повыше изъ-за зелени садовъ бѣлѣется городъ Анна Капри; къ нему ведетъ подъемный мостикъ; съ моста входишь въ ворота. Мы остановились отдохнуть въ гостинницѣ Пагани, гдѣ передъ дверьми стоитъ высокая пальма.

Тотчасъ послѣ обѣда положено было отправиться на ослахъ къ руинамъ Тиберіанской виллы; но теперь уже насъ ожидалъ завтракъ — и, въ промежуткѣ до обѣда, Франческа и Фабіани желали отдохнуть, чтобы подкрѣпить свои силы для предстоящаго странствованія. Дженаро и я не были расположены ко сну. Островъ показался мнѣ невеликъ; въ два часа мы непремѣнно успѣемъ объѣхать его и осмотрѣть каменные своды, которые съ южной стороны стоятъ отдѣльно въ водѣ.

Мы наняли шлюпку съ двумя гребцами; вѣтеръ былъ попутный для объѣзда одной половины острова. Волны разбивались о низкіе камни. Между ними рыбаки закинули свои сѣти, и мы принуждены были объѣхать кругомъ. Погода была прекрасная и обѣщала намъ самую пріятную прогулку. Скоро мы увидѣли передъ собою однѣ отвѣс-

ныя и зеленыя глыбы камней, которые высовываются изъ воды и какъ бы стремятся къ небесамъ; изъ щелей тамъ и сямъ пробивался алоэ или дикій левкой; но стѣны вездѣ были такъ круты, что и дикая коза не могла бы вскарабкаться на нихъ, ни даже найти мѣста, гдѣ бы опереться ногой. Изъ-подъ валовъ, которые разбиваясь походили на синій огонь, виднѣлись морскія красныя яблоки, растущія на скалѣ; когда ихъ заливала вода, они становились еще багровѣе—и скала какъ будто покрывалась кровью при каждомъ плескѣ волны.

Открытое море было у насъ теперь по правую, а островъ по лѣвую руку. Мы увидѣли въ скалахъ нѣсколько глубокихъ пещеръ, которыхъ верхняя часть выходила изъ-подъ воды; другія были видны только тогда, когда вода убывала. «Въ этихъ пещерахъ живутъ Сирены,» сказалъ я; «цвѣтущій Капри, по которому мы карабкаемся, служитъ кровлею ихъ утесистаго жилища.»

«Да, тамъ живутъ злые духи,» сказалъ одинъ изъ гребцовъ, старикъ съ сѣдыми какъ лунь волосами. «Говорятъ, что въ этой пещерѣ кроются удивительныя чудеса; но горе тому, кто попадетъ туда: онъ останется тамъ навѣки; а если и воротится то уже не годится для здѣшняго міра. «Проѣхавъ немного подалѣе, гребецъ указалъ намъ на одно изъ отверстій, которое было нѣсколько шире дру

гихъ, но все еще такъ узко и низко, что шлюпка наша никакъ не могла бы проѣхать подъ нимъ, хотя бы мы сняли парусъ и сами легли въ ней.

«Это заколдованная пещера *, сказалъ шепотомъ младшій гребецъ, стараясь держаться, какъ можно, далѣе отъ скалы. «Внутри она вся покрыта золотомъ и драгоцѣнными камнями; но сохрани Богъ попасть туда: какъ разъ сгоришь въ огнѣ. Санта Лучіа, молись за насъ!»

«Ахъ, если бъ можно было залучить къ намъ въ шлюпку одну изъ Сиренъ!» сказалъ Дженаро. «Я увѣренъ, что ее легко бы умилостивить.»

«Безъ сомнѣнія,» отвѣчалъ я; «кто въ любви такъ счастливъ какъ вы, тому — »

«Волны морскія сами вѣчно обнимаются, да и другихъ располагаютъ къ поцѣлуямъ и ласкамъ. Ахъ», продолжалъ онъ вздыхая, «зачѣмъ съ нами нѣтъ нашей красавицы изъ Амальфи! Вотъ это такъ женщина! не правда ли? Вѣдь и вамъ также досталось лизнуть каплю нектара съ ея губъ. И какой

* Такъ жители Капри называли лазоревую пещеру, до настоящаго открытія ея — если не ошибаюсь — въ 1831 году, Нѣмцами Фрiсомъ и Кубицомъ. Съ этихъ поръ она сдѣлалась предметомъ любопытства всѣхъ путешественниковъ, посѣщающихъ южную Италію.

святошей она умѣла прикинуться, плутовка! Вы бы не узнали ея вчера вечеромъ: она была пламеннѣе меня самаго.»

«Не правда,» сказалъ я, выведенный изъ терпѣнія его безстыднымъ хвастовствомъ; «я знаю навѣрное, что это не правда!»

«Это что значитъ?» спросилъ онъ съ удивленіемъ. «То, что я самъ былъ свидѣтелемъ всего, происходившаго между вами и ею. Это случилось нечаяннымъ образомъ. Я не сомнѣваюсь, что вы очень счастливы въ предпріятіяхъ такаго рода вообще; но на этотъ разъ, я знаю, попытка ваша не удалась.» Онъ молча смотрѣлъ на меня.

«Я не уйду, пока вы не поцѣлуете меня, «сказалъ я, передразнивая его и усмѣхаясь; «вы обманули меня поутру и вмѣсто меня поцѣловали того дурака!»

«Синьоръ, вы подслушали меня,» сказалъ онъ гнѣвно и весь поблѣднѣлъ. «Какъ вы смѣете оскорблять меня? Вы будете драться со мною, если не хотите, чтобы я презиралъ васъ.»

Я не ожидалъ, чтобы слова мои произвели на него такое дѣйствіе.

«Дженаро, надѣюсь, что вы шутите,» сказалъ

я, взявъ его руку. Но онъ вырвалъ ее и, не отвѣчая ни слова, велѣлъ матросамъ пристать къ берегу.

«Извольте; но намъ надобно объѣхать островъ» сказалъ старшій гребецъ;» мы можемъ пристать только на томъ мѣстѣ, откуда отчалили.»

Они продолжали грести, и скоро мы увидѣли передъ собою высокіе своды, стоящіе въ синей волнующейся водѣ. Но горесть и негодованіе овладѣли мною, когда я взглянулъ на Дженаро, между-тѣмъ, какъ онъ тростью своею ударялъ въ воду.

«Una tromba!» закричалъ вдругъ младшій изъ гребцовъ — и въ ту же минуту мы увидѣли близъ Cap Minervae черный водяной столбъ, въ косомъ направленіи поднимающійся съ моря къ небесамъ. Вода клокотала какъ кипятокъ; гребцы поспѣшно спустили парусъ.

«Въ какую сторону лучше будетъ ѣхать?» спросилъ Дженаро.

«Назадъ, назадъ!» сказалъ младшій гребецъ.

«Опять вокругъ всего острова?» спросилъ я.

«Какъ можно ближе къ утесу: водяной столбъ уходитъ далѣе въ открытое море.

«Но волны разобьютъ шлюпку о скалы,» сказалъ старшій гребецъ и началъ грести изо всей силы.

«Боже!» воскликнулъ я, видя, что смерчъ съ быстротою вѣтра несется надъ водою и готовъ пройти вдоль утеса Капри, близъ котораго мы находились. Я ожидалъ, что онъ сейчасъ взорветъ насъ съ собою на воздухъ, или низвергнетъ въ глубину морскую у отвѣсной стремнины. Я ухватился за весло однаго изъ гребцовъ. Дженаро сталъ помогать другому. Но вотъ поднялся вѣтръ; вода заклокотала вокругъ водянаго столба: онъ какъ будто самъ оттолкнулъ насъ отъ себя.

«Санта Лучіа, спаси насъ!» воскликнули гребцы, выпустивъ изъ рукъ весла и упавъ на колѣна.

«Не выпускайте изъ рукъ веселъ,» закричалъ Дженаро; но уже было поздно: блѣдные какъ смерть, они только смотрѣли на небо. Буря мчалась надъ нашими головами; налѣво, недалеко отъ насъ, море покрылось черною мглою; волны подымали насъ высоко на воздухъ и, разбиваясь о нашу шлюпку, наполняли ее бѣлою пѣною. Воздухъ былъ нестерпимо удушливъ; глаза горѣли отъ сильнаго прилива крови; все покрылось могильнымъ мракомъ. Я чувствовалъ только, что море уже волновалось надъ

моею головою, что я и всѣ мы сдѣлались добычею смерти. Я лишился чувствъ.

То, что мнѣ представилось, когда я опять открылъ глаза, запечатлѣлось въ моей душѣ еще болѣе ясными чертами, нежели величественная картина вулкана, и такъ же глубоко, какъ разлука съ Анунціатой. Надъ головою, подъ ногами, со всѣхъ сторонъ я ничего не видѣлъ, кромѣ голубаго эѳира. Я пошевельнулъ рукою—и вокругъ меня посыпались, какъ міріады лучезарныхъ звѣздъ, электрическія искры. Я летѣлъ въ воздухѣ. Мнѣ казалось, что я умеръ — и черезъ эѳирное пространство возношусь къ Богу на небеса. Но на головѣ у меня лежала ужасная тяжесть: будто земные грѣхи давили меня. Надъ головою струился воздухъ — онъ былъ холоденъ какъ вода. Я машинально протянулъ руку: я коснулся твердаго тѣла—и ухватился за него. Мною овладѣла ужасная слабость. Мнѣ казалось, что силы оставили меня, что я лишился тѣла. Трупъ мой, думалъ я, вѣрно лежитъ на днѣ морскомъ, между-тѣмъ, какъ душа несется къ цѣли своей. «Анунціата!» простоналъ я. Глаза мои опять закрылись. Обморокъ этотъ вѣрно былъ продолжителенъ. Когда я опять началъ дышать, я почувствовалъ, что силы мои укрѣпились; понятія мои стали яснѣе. Я лежалъ на твердой и холодной массѣ, походившей на скалу. Вокругъ меня свѣтился голубой, необъятный эѳиръ. Надъ моею головою изгибался сводъ

неба съ причудливыми, кеглеобразными, какъ само небо синими облаками. Все было тихо, исполнено невозмутимаго спокойствія; но внутренность моя была проникнута ледянымъ холодомъ. Я съ трудомъ приподнялъ голову. Платье на мнѣ было изъ синяго пламени; руки сіяли будто серебро — и однако я чувствовалъ, что онѣ плоть. Я напрягалъ умъ и спрашивалъ себя: живъ ли я, или мертвъ? Я опустилъ руку въ свѣтящуюся воздушную массу подо мною; я захватилъ волну: масса горѣла синимъ пламенемъ будто спиртъ и притомъ была холодна какъ вода; брызги отъ нея сыпались розовые. Но вотъ я увидѣлъ подлѣ себя высокій, безобразный столбъ, подобный смерчу на морѣ, но нѣсколько ниже; синева на немъ искрилась. Я не вѣрилъ глазамъ и принималъ его или за призракъ моего воображенія, или за дѣйствіе страха и воспоминанія. Наконецъ я рѣшился прикоснуться къ нему: онъ былъ твердъ и холоденъ какъ камень. Я протянулъ руку въ полумрачное за мною пространство и встрѣтилъ гладкую, крѣпкую стѣну темносиняго цвѣта какъ вечернее небо. Я не могъ понять, гдѣ я? Подо мною былъ не воздухъ, а свѣтящаяся вода; она горѣла будто сѣра, но пламя ея не жгло. Я не зналъ, откуда происходитъ окружающій меня свѣтъ: отъ воды, или отъ блестящихъ каменныхъ стѣнъ и возвышавшагося надъ моею головою эѳирнаго свода. Мнѣ иногда казалось, что я въ области смерти, на родинѣ души моей безсмертной; во всякомъ случаѣ я былъ увѣ-

ренъ, что это не земная обитель. Всѣ окружающіе меня предметы свѣтились безчисленными синими оттѣнками; я самъ былъ окруженъ лучезарнымъ сіяніемъ, какъ будто свѣтъ исходилъ изъ меня самаго.

Возлѣ меня была высѣченная изъ камня лѣстница; она вся была сафировая; каждая ступень состояла изъ одпаго цѣльнаго куска этаго драгоцѣннаго камня. Я взошелъ на нее и увидѣлъ передъ собою дверь, но она была заложена. И–такъ я не былъ достоинъ болѣе приблизиться къ небу: я оставилъ міръ, когда въ душѣ моей былъ гнѣвъ на ближняго. Куда дѣвался Дженаро, куда дѣвались гребцы? Я остался одинъ, совершенно одинъ. Я вспомнилъ о моей матери, о Доменикѣ, о Франческѣ, о всѣхъ милыхъ сердцу, и чувствовалъ, что все мною виденное и испытанное было не призракъ, созданный фантазіею. Окружающій меня блескъ былъ такою же дѣйствительностью, какъ и мое существованіе — духовное и тѣлесное. Въ разсѣлинѣ скалы стоялъ какой–то отдѣльный предметъ, до котораго я дотронулся. Это была большая, массивная ваза, наполненная золотыми и серебряными монетами. Я могъ осязать всѣ части ея. Это обстоятельство привело меня еще въ большее недоумѣніе. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ, явилась на водѣ блестящая, голубая звѣзда. Она отбрасывала по гладкой поверхности одинъ только длинный сафирно-

прозрачный лучь. Но я не успѣлъ взглянуть на нее, какъ она затмилась будто луна. Появилось что-то черное: по синей, горящей водѣ скользила шлюпка; она какъ будто изъ глубины воды всплыла на ея поверхность; въ ней сидѣлъ сѣдой старикъ; онъ медленно гребъ—и каждый разъ, когда весло погружалось въ воду, она сіяла розовымъ свѣтомъ. На другомъ концѣ шлюпки сидѣла дѣвушка. Оба были такъ безмолвны и неподвижны, что, если бы не движеніе весла и рукъ старика, ихъ бы можно было принять за мраморныя статуи. Послышался глубокій, пронзительный вздохъ; онъ отозвался въ моемъ сердцѣ чѣмъ-то знакомымъ. Шлюпка сперва объѣхала вокругъ и потомъ причалила къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ. Старикъ положилъ весло въ шлюпку; дѣвушка подняла руки къ небу и съ выраженіемъ глубокой горести сказала: «Святая Матерь Божія, не оставь меня! Ты повелѣла мнѣ явиться сюда — и вотъ я здѣсь.»

«Лара!» воскликнулъ я громко. Это была она. Я узналъ ея голосъ, ея фигуру. Это была та самая слѣпая Лара, которую я видѣлъ въ руинахъ храма въ Пестумѣ.

«Дай мнѣ прозрѣть! Дай мнѣ увидѣть прекрасный міръ Божій!» сказала она. Мнѣ казалось, что я слышу голосъ изъ гроба. Душа моя содрогнулась. Слѣпая требовала отъ меня того, о чемъ я своимъ

пѣніемъ пробудилъ въ ней предчувствіе. Я не могъ выговорить ни слова; я молча простеръ руку; она опять встала. «Дай мнѣ!» сказала она и опять опустилась въ шлюпку. Брызги воды, будто огненныя капли, летали вокругъ. Старикъ наклонился надъ дѣвушкою, вышелъ на берегъ и долго смотрѣлъ на меня, потомъ сдѣлалъ крестное знаменіе на воздухѣ, взялъ мѣдную вазу съ деньгами и, поставивъ ее въ шлюпку, самъ сѣлъ подлѣ нея. Я инстинктивно послѣдовалъ за нимъ; мрачный взоръ его былъ неподвижно устремленъ на меня. Онъ взялъ въ руки весло и мы поплыли къ лучезарной звѣздѣ. Холодный вѣтеръ дулъ намъ на-встрѣчу; я наклонился надъ Ларой. Мы очутились въ тѣсномъ отверстіи скалы, но черезъ минуту увидѣли передъ собою море, чудное, необъятное море. За нами упирались въ небеса отвѣсныя скалы. Отверстіе, подъ которымъ мы проѣхали, было необыкновенно узко и совершенно темно; возлѣ него возвышался маленькій холмикъ, тамъ и самъ поросшій деревьями и темнокрасными цвѣтами; луна сіяла необыкновенно свѣтло.

Лара взошла на холмикъ. Я не смѣлъ коснуться ея руки: она представлялась мнѣ неземнымъ созданіемъ. Я былъ увѣренъ, что нахожусь въ царствѣ духовъ, и все, что я вижу и ощущаю, не есть игра моего воображенія.

«Дайте мнѣ травъ!» сказала она—и я почувство-

валъ неодолимое влеченіе повиноваться голосу духа. Холмикъ подъ высокими скалами былъ покрытъ растеніями и красными цвѣтами. Я вышелъ изъ шлюпки и, нарвавъ душистыхъ цвѣтовъ, составилъ изъ нихъ букетъ и подалъ его дѣвушкѣ. Мною овладѣла смертельная слабость; я едва могъ держаться на ногахъ, но еще видѣлъ, какъ старикъ, перекрестившись, взялъ цвѣты и перенесъ Лару въ шлюпку болѣе просторную, къ которой привязали другую, меньшую — и вотъ они съ распущеннымъ парусомъ поплыли по морю. Я простеръ за ними руки, но смерть тяжело налегла мнѣ на сердце; мнѣ казалось, что оно разорвется.

«Онъ живъ!» вотъ первыя слова, которыя услышалъ я очнувшись. Я открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою Фабіани и Франческу. Близехонько отъ меня стоялъ незнакомый мущина; онъ смотрѣлъ на меня съ видомъ участія и недоумѣнія. Я лежалъ въ большой веселой комнатѣ; это было днемъ. Гдѣ я? Горячка жгла мою кровь. Мало по малу мысли мои стали проясняться — и я узналъ, какимъ образомъ попалъ сюда, и какъ меня спасли.

Видя, что мы съ Дженаро не возвращаемся домой съ нашей морской прогулки, Франческа и Фабіани начали безпокоиться. Рыбаковъ также нигдѣ нельзя было отыскать—и такъ-какъ имъ сказали, что водяной столбъ принялъ направленіе къ

югу, то они были увѣрены, что съ нами случилось несчастіе. По ихъ распоряженію немедленно были отправлены въ море двѣ рыбачьи лодки, которыя должны были обойти островъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Но тщетны были поиски. Рыбаки не могли открыть никакихъ слѣдовъ ни нашей шлюпки, ни насъ самихъ. Франческа много плакала — я былъ тронутъ ея заботливостью обо мнѣ. Она очень тужила о несчастной участи Дженаро и обоихъ гребцовъ. Фабіани былъ въ отчаяніи. Онъ рѣшился самъ отправиться на поискъ и тщательно осмотрѣть всѣ малѣйшія щели въ скалахъ, въ томъ предположніи, что кто-нибудь изъ насъ приплылъ туда и, оставшись въ-живыхъ, въ эту минуту, можетъ статься, борется съ двумя ужаснѣйшими ощущеніями: чувствомъ неминуемой погибели и голодомъ — потому-что взобраться оттуда на скалу не было возможности ни съ какой стороны. Онъ отправился рано поутру съ четырьмя сильными гребцами, и осмотрѣлъ всѣ своды, стоящіе отдѣльно въ водѣ, всѣ разсѣлины въ скалахъ. Гребцы не хотѣли приблизиться къ страшной заколдованной пещерѣ; но Фабіани приказалъ имъ грести къ зеленому холмику. Подъѣхавъ къ нему, онъ увидѣлъ простертаго на землѣ человѣка. Это былъ я. Какъ трупъ лежалъ я въ зеленомъ кустарникѣ. Платье мое почти высохло отъ дѣйствія вѣтра. Меня положили въ лодку. Фабіани накрылъ меня своимъ плащемъ, сталъ оттирать мнѣ грудь и руки и скоро замѣтилъ,

что я слабо началъ дышать. Меня отнесли на берегъ и отдали на попеченіе врачу. Я ожилъ; но волны поглотили Дженаро и обоихъ гребцовъ. Я долженъ былъ подробно расказать все, что помнилъ. Я расказалъ о чудной лучезарной пещерѣ, гдѣ я очнулся, о лодкѣ съ старымъ рыбакомъ и слѣпою дѣвушкою. Всѣ утверждали, что это игра фантазіи, лихорадочный сонъ на открытомъ ночномъ воздухѣ. Наконецъ я и самъ долженъ былъ согласиться въ томъ, хотя и противъ внутренняго моего убѣжденія: ощущенія мои были слишкомъ живы.

«Его нашли у заколдованной пещеры?» спросилъ докторъ съ значительной миной.

«Вы думаете, что это мѣсто особенно дѣйствуетъ на воображеніе?» спросилъ Фабіани.

«Природа — цѣпь загадокъ,» отвѣчалъ тотъ; «люди разгадали еще только немногія!»

Моя душа будто озарилась внезапнымъ свѣтомъ. Заколдованная пещера, этотъ чудный міръ, о которомъ говорили гребцы, гдѣ все сверкало огнями и лучезарнымъ свѣтомъ — не туда ли меня бросили волны? Я вспомнилъ узкое отверстіе, изъ котораго мы выѣхали. Дѣйствительность ли это, или сонъ? Можетъ быть, я проникъ взоромъ въ міръ духовъ? Мадонна спасла меня отъ погибели и пріосѣнила

своимъ покровомъ. Я переносился мыслями въ чудную, лучезарную обитель, гдѣ моего ангела-хранителя звали Ларой. Нѣтъ, все, что со мною произошло, не призракъ, а истина! Я видѣлъ то, что люди открыли черезъ много лѣтъ, и что теперь составляетъ драгоцѣннѣйшее сокровище Капри и даже, можно сказать, Италіи: это Grotta Azura. Дѣвушка была точно слѣпая Лара изъ Пестума. Но могъ ли я вѣрить тому тогда и утверждать, что это не сонъ? Все это было такъ невѣроятно. Я сложилъ руки и вспомнилъ о моемъ ангелѣ-хранителѣ.

VIII.

Возвращеніе въ Римъ.

—

Франческа и Фабіани остались два лишніе дня въ Капри, чтобы вмѣстѣ со мною воротиться въ Неаполь. Любовь и заботливость, съ какими они теперь ухаживали за мною, заставили меня забыть о тѣхъ маленькихъ оскорбленіяхъ, которыя они иногда причиняли мнѣ своими рѣчами или поступками, и я всѣмъ сердцемъ привязался къ нимъ. «Поѣзжай съ нами въ Римъ,» говорили они; «это будетъ всего лучше и благоразумнѣе.» Неожиданное мое спасеніе и чудное видѣніе въ пещерѣ силь-

но подѣйствовали на мое восторженное воображеніе. Я чувствовалъ, что мною управляетъ та невидимая рука, которая ведетъ все къ лучшему, и рѣшился спокойно итти по дорогѣ, указываемой мнѣ благимъ Промысломъ. Вотъ почему, когда Франческа, дружески пожавъ мнѣ руку, спросила, желаю ли остаться въ Неаполѣ съ Бернардо, я отвѣчалъ рѣшительно, что намѣренъ отправиться съ ними въ Римъ.

«Твоя смерть стоила бы намъ много слезъ, Антоніо!» сказала Франческа, съ горячностью взявъ меня за руку. «Вѣдь ты наше доброе дитя! Мадонна спасла тебя.»

«Мы скажемъ Принцу,» продолжалъ Фабіани, «что тотъ Антоніо, на котораго онъ гнѣвается, утонулъ въ Средиземномъ морѣ, и что мы привезли ему прежняго, добраго нашего Антоніо.»

«Бѣдный Дженаро,» сказала вздыхая Франческа; «онъ былъ благородный человѣкъ и душею и сердцемъ и образомъ мыслей! Это былъ во всемъ настоящій образецъ.»

Лекарь просидѣлъ нѣсколько часовъ безотлучно у моей постели. Онъ жилъ въ Неаполѣ и только на-время пріѣхалъ въ Капри. На третій день послѣ моего приключенія, онъ отправился въ путь вмѣстѣ

съ нами; я былъ, по его словамъ, совершенно здоровъ — тѣлесно, можетъ быть, но не душевно. Я проникъ въ царство мертвецовъ; поцѣлуй ангела смерти напечатлѣлся на челѣ моемъ; недотрога юности свернула листы свои. Когда я вошелъ въ лодку вмѣстѣ со всею компаніей — въ томъ числѣ былъ и лекарь — и увидѣлъ передъ собою свѣтлую, прозрачную глубь воды, въ душѣ моей пробудился рой чудныхъ воспоминаній: я вспомнилъ о томъ, какъ близокъ я былъ отъ смерти и о моемъ удивительномъ спасеніи; теплое солнце такъ чудно золотило безподобное синнее море. «Жизнь прекрасна!» воскликнуло мое сердце—и изъ глазъ брызнули слезы. Всѣ были заняты только мною; Франческа сама начала говорить о моемъ необыкновенномъ дарованіи, называла меня поэтомъ, и когда лекарь услышалъ, что это я импровизировалъ въ Сантъ-Карло, онъ сказалъ, что всѣ его пріятели отзывались обо мнѣ съ величайшею похвалою, и что я всѣхъ ихъ очаровалъ. Вѣтеръ былъ самый благопріятный, и мы, вмѣсто того, чтобы пристать къ Сорренто, какъ намѣревались, и оттуда ѣхать сухимъ путемъ въ Неаполь, поплыли мрямо къ цѣли. Возвратясь домой, я нашелъ три письма на мое имя; одно изъ нихъ было отъ Федериго. Онъ наканунѣ уѣхалъ въ Искію и долженъ былъ воротиться не прежде, какъ черезъ три дня. Это меня опечалило; отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на слѣдующее утро, и я долженъ былъ оставить Неаполь, не простившись

съ нимъ. Второе письмо, по словамъ камеріере, прибыло черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего отъѣзда. Вотъ его содержаніе: «Сердце, искренно вамъ «преданное и желающее вамъ добра, ожидаетъ васъ «сегодня вечеромъ!» Внизу означена была улица съ номеромъ дома; вмѣсто подписи стояло только: «ваша старая пріятельница.» Наконецъ третье письмо, написанное тѣмъ же почеркомъ, было принесено наканунѣ. Я прочелъ: «Приходи, Антоніо! Испугъ въ несчастную минуту нашего послѣдняго свиданія прошелъ безъ всякихъ послѣдствій. Приходи скорѣе! это было недоразумѣніе. Все можетъ еще устроиться, какъ нельзя, лучше; ради Бога только спѣши, время дорого!» Очевидно было, что эти два посланія отъ Санты; она вздумала назначить мнѣ свиданіе не въ своемъ собственномъ домѣ. Я не хотѣлъ видѣть ее и потому немедленно написалъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ къ ея мужу. Я увѣдомилъ его, что оставляю Неаполь и, прибавивъ, что непремѣнно самъ бы явился къ нему, если бъ не поспѣшность, съ какою отъѣздъ мой устроился, изъявилъ ему и синьорѣ Сантѣ мою признательность за милое ихъ вниманіе ко мнѣ и просилъ сохранить меня въ дружескомъ воспоминаніи. Я также оставилъ маленькую записку для Федериго. Въ ней обѣщалъ ему написать порядочное письмо изъ Рима, прибавивъ, что теперь душевное мое разстройство не позволяетъ мнѣ расказать ему обо всемъ, какъ слѣдуетъ. Я нигдѣ не былъ; мнѣ не хотѣлось встрѣ

титься съ Бернардо и видѣть своихъ новыхъ пріятелей; единственный человѣкъ, котораго я навѣстилъ, былъ лекарь; я поѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ Фабіани. Тихій пріютъ его навѣвалъ на сердце отраду. Старшая сестра его, пожилая незамужняя дама, завѣдывала хозяйствомъ. Она съ первой минуты произвела на меня пріятное впечатлѣніе какою-то особенною привѣтливостью и прямотою въ обращеніи, и напомнила мнѣ Доменику, надъ которой она однако стояла такъ высоко своимъ образованіемъ, талантами и просвѣщеннымъ умомъ.

Въ слѣдующее утро — послѣднее моего пребыванія въ Неаполѣ — я долго смотрѣлъ на Везувій; мнѣ грустно было разставаться съ нимъ; но густыя тучи покрывали его вершину, и онъ какъ будто не хотѣлъ прощаться со мною! Море было совершенно тихо; я вспомнилъ о моемъ видѣніи: о Ларѣ въ лучезарной пещерѣ. Такъ, думалъ я, и пребываніе мое въ Неаполѣ скоро превратится для меня будто въ сонъ; я взялъ въ руки газету: diario di Napoli, которую камеріере только-что принесъ. Мнѣ нечаянно попалось на глаза мое имя: это была рецензія на мой первый дебютъ. Я съ любопытствомъ началъ читать ее: критикъ восхищался богатствомъ моей фантазіи и особенно выгодно отзывался о моихъ «прекрасныхъ стихахъ;» онъ видѣлъ во мнѣ приверженца школы Pangetti и только жалѣлъ, что я слишкомъ рабски подражаю своему

образцу. Между-тѣмъ я вовсе не зналъ этаго поэта и не думалъ никому подражать; но недостатокъ оригинальности самихъ рецензентовъ причиною, что они вездѣ видятъ копіи. Одобреніе публики было для мена гораздо драгоцѣннѣе похвалъ этаго господина. Въ заключеніи онъ говорилъ, что я современемъ могу сдѣлаться великимъ поэтомъ; что во мнѣ уже теперь видно необыкновенное дарованіе; что у меня есть фантазія, есть чувство, есть поэтическій огонь. Я спряталъ этотъ листокъ. Въ послѣдствіи онъ долженъ былъ служить доказательствомъ, что не все, что я испыталъ здѣсь — сонъ. Я видѣлъ Неаполь, ближе ознакомился со свѣтомъ, много пріобрѣлъ, но и много утратилъ. Уже ли это конецъ той блестящей будущности, какую предсказала мнѣ Фульвія?

Мы оставили Неаполь — и очутились посреди плодоносныхъ виноградныхъ полей, которыми окруженъ этотъ городъ. Мы пробыли четыре дня въ дорогѣ — и я увидѣлъ опять тѣ же мѣста, по которымъ, два мѣсяца тому назадъ, проѣхалъ съ Федериго и Сантой. Вотъ передо мною опять Мола ди Гаэта съ своими померанцевыми рощами и благоухающими цвѣтами; я пошелъ по аллеѣ, гдѣ Санта слушала расказъ моихъ похожденій. Сколькими важными событіями обогатилась съ тѣхъ поръ жизнь моя! Проѣзжая черезъ тѣсный Итри, я вспоминалъ Федериго. На границѣ, гдѣ прописывали

наши пашпорты, мы опять въ обширной пещерѣ скалы увидѣли козъ въ такомъ же положеніи, какъ ихъ срисовалъ Федериго; но маленькаго мальчика тутъ не было. Мы провели ночь въ Террачина. Утро было необыкновенно ясное. Я сказалъ мое послѣднее «прости» морю, которе заключило меня въ свои объятія и, убаюкивавши на груди своей, навѣяло на меня чудно-прекрасныя грезы и явило передо мною олицетворенную красоту: Лару. Вдали, на сафирномъ горизонтѣ, виднѣлся еще Везувій съ своимъ блѣдноголубымъ столбомъ дыма. Онъ представлялся легкимъ облачкомъ на прозрачномъ, свѣтящемся небѣ. Прости! прости! Скорѣе въ Римъ, тамъ твоя могила! говорило мое сердце, и карета наша быстро покатилась черезъ зеленыя болота къ Велетри. Я взоромъ привѣтствовалъ горы, гдѣ странствовалъ съ Фульвіей, и опять увидѣлъ Дженцано; мы проѣхали черезъ то самое мѣсто, гдѣ я лишился матери и съ нею всего на свѣтѣ. Тогда я былъ бѣднымъ ребенкомъ; теперь меня окружали знатность и блескъ; нищіе называли меня Eccellenza. Я выглянулъ изъ окна на улицу. Счастливѣе ли я теперь, нежели былъ тогда? Мы проѣхали Албано; передъ нами была Кампанья; вотъ у самой дороги могила Асканія, поросшая густымъ плющемъ; вотъ гробницы, превращенныя въ жилища пастуховъ; вотъ длинный водопроводъ; вотъ наконецъ Римъ съ куполомъ св. Петра.

«Радуйся, Антоніо!» сказалъ Фабіани, когда мы въѣхали въ городъ черезъ Порта Сантъ Джіованни. Латеранская церковь, высокій обелискъ, Колоссей, Троянская площадь — все говорило мнѣ, что я воротился на родину; событія послѣднихъ временъ представлялись мнѣ сномъ, но сномъ длившимся будто цѣлый годъ моей жизни. Все мнѣ казалось такъ пусто и мертво въ сравненіи съ Неаполемъ. Какая разница между длиннымъ Корсо и Толедскою улицею! Я вездѣ видѣлъ знакомыя лица: вотъ прошелъ Габбасъ Дада; онъ узналъ Принцеву карету и поклонился намъ. На углу via condotti сидѣлъ Пеппо съ своими дощечками на рукахъ.

«Вотъ мы и дома!» сказала Франческа. Самыя противоположныя чувства овладѣли моею душею. Черезъ минуту я долженъ былъ какъ школьникъ выслушать наставительную проповѣдь; свиданіе съ Принцемъ устрашало меня — и между-тѣмъ я не могъ дождаться этой минуты.

Мы остановились у паллаццо Боргезе.

Мнѣ указали двѣ маленькія комнатки въ верхнемъ этажѣ. Принца я еще не видѣлъ. Насъ пришли звать къ столу. Я низко поклонился хозяину.

«Антоніо сядетъ между мною и Франческой!»

вотъ первыя слова, какія услышалъ я изъ устъ Принца, войдя въ столовую.

Разговоръ лился со всею непринужденностью. Я каждую минуту ожидалъ, что мнѣ будетъ сдѣлано какое-нибудь колкое замѣчаніе, но не услышалъ ни однаго слова, ни даже намека на счетъ моего отсутствія — и не могъ замѣтить въ Принцѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ того немилостиваго расположенія, которое обнаруживалось въ его письмѣ. Я былъ тронутъ такою снисходительностью и вдвойнѣ цѣнилъ любовь, съ какою меня привѣтствовали; со всѣмъ тѣмъ самолюбію моему было больно, что меня не удостоили ни малѣйшаго упрека.

(Продолженіе будетъ.)

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Нѣсколько словъ въ *память незабвеннаго Начальника, Его Свѣтлости Князя Д. В. Голицына. Князя М. Н. Голицына.* Въ 8; 15 стр. Моск.

Все, что ни было до сихъ поръ напечатано въ воспоминаніе доблестей Князя Д. В. Голицына, составляетъ только слабую дань признательности современниковъ къ заслугамъ Отечеству знаменитаго Вельможи. Но эти отдѣльныя изліянія признательныхъ сердецъ необходимы: изъ нихъ нѣкогда составится Исторія. Въ ней займутъ свое мѣсто и прекрасныя чувствованія автора изданнаго нынѣ сочиненія, которое написано съ видимымъ одушевленіемъ.

2. *Поѣздка въ Забайкальскій край.* Съ приложеніемъ нѣкоторыхъ историческихъ документовъ, касающихся исторіи Албазина. Двѣ части. Въ 12; 143 и 126 стр. Моск.

Нельзя безъ удовольствія и пользы читать эту книгу, хотя въ ней нѣтъ цвѣтовъ краснорѣчія и расказовъ восторженныхъ. Здѣсь собраны вѣрныя свѣдѣнія о краѣ мало извѣстномъ и присоединены историческія подробности о подвигахъ соотечественниковъ нашихъ, бывшихъ на Амурѣ въ XVII вѣкѣ. Авторъ собралъ все, что доставили ему долговременныя наблюденія его и чтеніе предшественниковъ, изучавшихъ основательно тотъ же предметъ. Книги такаго рода надобно считать сокровищемъ для всякаго любознательнаго человѣка и особенно для тѣхъ, которые по обязанностямъ службы поселяются въ описываемомъ краю.

3. *Записки и воспоминанія о путешествіи по Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи въ 1842 году Профессора Симонова.* Въ 8: 333 стр. Съ чертежами. Казань.

Профессоръ Симоновъ желалъ присутствовать на съѣздѣ Англійскихъ ученыхъ въ Манчестерѣ. Между-тѣмъ обстоятельства не допустили его достигнуть этой цѣли — и онъ замѣнилъ первое свое предположеніе прибытіемъ въ Маинцъ на съѣздъ Нѣмецкихъ натуралистовъ и медиковъ. Воспользовавшись пребываніемъ своимъ за границею, онъ, какъ наблюдательный человѣкъ, посѣтилъ разныя мѣста, гдѣ образованные люди и отлично-устроенныя ученыя заведенія могли доставить пи-

щу его изыскательному уму. Плодомъ этаго путешествія была изданная теперь книга, написанная такъ занимательно, что въ ней каждый образованный читатель столько же найдетъ для себя любопытнаго, какъ и собственно-ученый человѣкъ.

4. *Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичь, какъ проповѣдники.* Разсужденіе, писанное на степень магистра философскаго факультета I-го отдѣленія киндидатомъ Московскаго Университета *Юріемъ Самаринымъ.* Въ 8; 230 стран. Моск.

Въ сочиненіяхъ, касающихся до литературы, всего полезнѣе воззрѣніе критико-историческое. И какъ пріятно видѣть, что молодые наши ученые посвящаютъ первые труды свои предметамъ отечественнымъ. Въ новомъ предпріятіи самыя уклоненія отъ строгой истины, почти неизбѣжныя, извинительны. Такъ, напримѣръ, для сужденія, вполнѣ удовлетворительнаго, о столь многозначительныхъ лицахъ, каковы Яворскій и Прокоповичь, и о памятникахъ ораторскаго ихъ искуства, недостаточно приложить къ нимъ только формулы теоріи, особенно проникнутой иностраннымъ духомъ, который воспитался образцами, по всему для насъ чуждыми. Надобно обнять со всѣхъ сторонъ состояніе умственной жизни въ избранную эпоху, элементы тогдашняго языка и господствовавшія идеи объ искуствѣ. Конечно, несправедливо было бы требовать отъ автора

магистерской диссертаціи приготовленій долговременныхъ и необлегченныхъ разысканіями предшественниковъ. Онъ уже довольно принесъ пользы современной литературѣ и тѣмъ, что выборъ его наведетъ на эту дорогу дѣйствователей послѣдующихъ. Тогда соединенными силами разработана будетъ съ надлежащей точки зрѣнія эпоха великихъ дѣлъ и великихъ людей, о которыхъ нынѣ мы говоримъ пока, мысля по заимствованнымъ формуламъ.

5. *Картины моей юности.* Сочиненіе *Ѳедота Кузмичева.* Въ 12; 94 стран. Моск.

Въ этомъ сочиненіи, которое по достоинству своему совершенно равно прежнимъ произведеніямъ г. Кузмичева, всего любопытнѣе показалась намъ выписка изъ билета адресъ-конторы: «ростъ мой «между средняго и высокаго; волосы у меня тем«норусые и нѣсколько кудреватые; лице бѣлое съ «бакенбардами; отъ природы я нѣсколько худощавъ «и жирнымъ никогда не былъ; лобъ безъ морщинъ; «глаза сѣрые; въ срединѣ оныхъ зрачки чернова«тые; носъ правильной; губы средніе; подбородокъ «также недуренъ, шея не совсѣмъ тонкая и нѣсколь«ко длинновата; голосъ легкій и звонкій; грудь «не широка и не узка; станъ стройный» и проч. Вотъ новый источникъ литературныхъ успѣховъ.

6. *Проклятый сынъ*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ

и четырехъ сценахъ. Сочиненіе *Н. Т.*, семнадцатилѣтняго автора. Въ 12; 52 стран. Спб.

Хорошо, что сочинитель объявилъ, сколько ему лѣтъ. Читатели должны же были попасть на вопросъ объ этомъ.

7. *Путешествіе на луну*, въ чудной машинѣ. Съ описаніемъ тамошнихъ странъ, обычаевъ и разныхъ рѣдкостей. Забавный вымыселъ сочинителя, *Семена Дьячкова.* Въ 12; 22 стран. Моск.

Даже и забавнаго мы ничего не нашли въ этомъ вымыслѣ.

8. *Басни Николая Охлебинина.* Въ трехъ книгахъ. Въ 12; 131 стран. Моск.

Давно не являлось у насъ новыхъ баснописцевъ. Г. Охлебининъ воспользовался удобнымъ промежуткомъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы книга его замѣчена была особенно: ей недостаетъ той оригинальности, той независимости въ творчествѣ, безъ которой самые порядочные стихи безцвѣтны и вялы.

9. *Сны* (Фантастическій очеркъ любви). Въ стихахъ. Въ 16; 24 стран. Моск.

Правду сказалъ поэтъ:

«Когда же складны сны бываютъ?»

10. *Теорія словесности.* Общія понятія о словесности теоріи прозы. Тетрадь I. Въ 8; 40 стран. Моск.

Запутанность словъ въ заглавіи книги указываетъ на самое изложеніе теоріи. Странно, что учебныя книги выходятъ тетрадями, какъ будто это коллекція гравюръ. Но подождемъ конца, если суждено ему явиться.

11. *Ариѳметика* Академика *В. Я. Буняковскаго.* Руководство, допущенное Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія къ употребленію въ Гимназіяхъ. Въ 8; 194 стран. Спб.

При всемъ множествѣ учебныхъ книгъ по части Ариѳметики нельзя не согласиться, что сочиненіе Академика Буняковскаго, въ числѣ пособій для образованія юношества, было еще необходимо. Какъ науки, такъ и способы ихъ изложенія и преподаванія безпрестанно идутъ къ совершенству. Авторъ разсматриваемой нами Ариѳметики воспользовался всѣмъ и, руководимый собственными знаніями и опытностью, представилъ публикѣ книгу, которая соединяетъ примѣрную послѣдовательность въ распредѣленіи предметовъ науки, вѣрное и вся-

кому понятное объясненіе ихъ съ обдуманнымъ выборомъ однаго необходимаго. Книга сверхъ того пополнена таблицами употребительнѣйшихъ мѣръ въ Россіи, Французской Метрической системы, сравненія главныхъ старыхъ Французскихъ мѣръ съ новыми и главныхъ Русскихъ и Англійскихъ мѣръ съ новыми Французскими и наконецъ сравненія употребительнѣйшихъ путевыхъ мѣръ.

12. *Архитектурныя примѣчанія.* Въ 12; 412 стран. Моск.

Собраніе весьма полезныхъ указаній касательно теоріи пропорцій, производства работъ и всего, встрѣчающагося въ дѣлѣ Архитектуры.

13. *Описаніе гіалографа и гомографа*, или инструментовъ для рисованія съ натуры наивѣрнѣйшимъ образомъ портретныхъ абрисовъ и разныхъ предметовъ въ перспективѣ. Съ присовокупленіемъ описанія новой, упрощенной камеръ-обскуры. Въ 8; 23 стран. Съ двумя таблицами чертежей. Спб.

Хорошее облегченіе для тѣхъ, которые рисуя не довольно пріобрѣли навыка обходиться безъ инструментовъ.

14. Практическое руководство къ правильному и скорому *окончанію спорныхъ и безспорныхъ дѣлъ.*

Сочиненіе *А. П. Татаринова.* Въ 8; 39 стран. Спб.

Очень неудовлетворительное руководство. Предметъ книжки такъ обширенъ и многосторонeнъ, что она не обнимаетъ и главнѣйшихъ частей его.

15. *О водѣ какъ двигателѣ.* Разсужденіе кандидата *Алексѣя Ершова*, писанное для полученія степени магистра. Въ 8; 75 стран. Моск.

Науки положительныя менѣе подвержены разногласію въ главныхъ истинахъ своихъ, нежели науки психологическія. Этимъ изъясняется явленіе, почти ежедневно встрѣчаемое: самое посредственное сочиненіе въ первыхъ рѣдко подвергается такимъ опроверженіямъ, какъ иногда и лучшее во вторыхъ. Такимъ образомъ и разсужденіе г. Ершова, не восходя до степени отличнаго, удовлетворяетъ общимъ требованіямъ и взыскательныхъ читателей.

16. *Славянскія соляныя озера,* въ врачебномъ отношеніи, описанныя *Францомъ Кумме*, дивизіоннымъ докторомъ при штабѣ инспектора резервной кавалеріи. Съ двумя таблицами. Въ 8; 70 стран. Кременчугъ.

Заштатный городъ Славянскъ находится въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Тамъ че-

тыре озера: Червонное, Вейсово, Слѣпное и Репное. Ихъ вода дѣйствуетъ на возстановленіе здоровья въ случаѣ хроническаго ревматизма, золотухи, даже мокротной чахотки въ первомъ ея періодѣ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней. Цѣлебное свойство воды Славянскихъ озеръ сдѣлалось извѣстно лѣтъ за десять. Въ описаніи ихъ доктора Кумме содержится много любопытныхъ подробностей касательно дѣйствія и употребленія водъ.

17. *Скаковой календарь* Высочайше утвержденаго Московскаго Общества скаковой охоты. Съ 1833 по 1843 годъ. Въ 12; XV и 180 стран. Моск.

Здѣсь изложены слѣдующіе предметы: отчетъ о дѣйствіяхъ Общества, указаніе постепеннаго движенія скаковаго дѣла и усовершенствованія скаковыхъ конскихъ породъ, уставъ Общества, алфавитный списокъ лошадей, выигравшихъ призы и владѣльцевъ, которыхъ лошади скакали въ Москвѣ, также алфавитный списокъ жеребцовъ, отъ которыхъ происходятъ скакавшія или только записанныя лошади въ теченіи десяти лѣтъ, и въ заключеніе общій алфавитъ лошадей.

II.

18. Первая часть Грамматики *Русскаго языка. Этимологія. Тетрадь II.* Въ 8; 95 стран. Моск.

19. *Санктпетербургская Флора*, съ раскрашенными рисунками, составленная *К. Левинымъ*. Книжка 10. Изданіе литографа *Селезнева*. Въ 8; 16 стр. Съ двадцатью пятью таблицами. Спб.

20. *Руководство къ воспитанію и образованію дѣтей и сохраненію ихъ здоровья*. Сочиненіе *К. Грума. Томъ второй*. Возрасты дѣтскій и отроческій. Воспитаніе физическое. Въ 8; IV и 376 стран. Спб.

—

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

II.

1. *Избранныя сочиненія* знаменитаго Нѣмецкаго писателя *Гете*. Въ 8; Спб.

Выборъ изъ переводовъ, которые прежде были изданы подъ названіемъ полнаго собранія сочиненій Гете.

2. *Полное изложеніе правилъ діетическаго и врачебнаго употребленія холодной воды* для сохраненія здоровья и леченія болѣзней по методѣ Присница въ Грефенбергѣ, и проч. Составленное *Іоганномъ Гроссомъ* и проч. Переводъ съ Французскаго. Въ 2-хъ частяхъ. Въ 12; 147 и 82 стран. Моск.

Въ книгѣ читатель найдетъ исторію водолеченія, описаніе всѣхъ способовъ употребленія холодной воды, и болѣзней, въ которыхъ вода оказываетъ благотворное свое дѣйствіе. Также онъ увидитъ тамъ девять картинъ, изображающихъ разные виды водолеченія. Словомъ: для вѣрующихъ въ воду как

въ универсальное средство противъ недуговъ тѣлесныхъ эта книга содержитъ все.

3. *Бернардъ Мопратъ*, или перевоспитанный дикарь. Сочиненіе *Жоржъ-Занда* (г-жи Дюдеванъ). Переводъ съ Французскаго. Четыре части. Въ 8. Спб.

Дурной переводъ романа, безъ котораго легко могла бы обойтися наша литература.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. *Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы.* Изъ книгъ Четіи-Минеи. Изданная *Авдотьею Глинкою.* Изданіе *третіе.* Въ 12; 298 и II. Моск.

2. *Анекдоты Наполеона Бонапарте*, императора Французовъ, изображающіе его характеръ и воинскія достоинства, съ присовокупленіемъ краткаго очерка его жизни и военныхъ подвиговъ отъ самой его юности до его кончины. Съ его портретомъ. Собраны изъ достовѣрныхъ источниковъ иностранныхъ писателей. Изданіе *второе.* Въ 16; 88 стран. Моск.

3. *Исторія о послѣднемъ разореніи* святаго града *Іерусалима и взятіи Константинополя*, столичнаго града Греческой монархіи, изъ разныхъ авторовъ собранная; противъ перваго изданія *девятымъ* тисненіемъ напечатана. Съ 4-мя гравированными картинками. Въ 8; 156 стран. Моск.

4. *Повѣсть о приключеніи Англійскаго милорда*

Георга. Изданіе *девятое*. Три части. Въ 12; 101, 66 и 108 стран. Моск.

5. *Душенька*, древняя повѣсть. *Ипполита Богдановича*. Новое изданіе. Въ 16; 231 стран. Моск.

6. *Русская хрестоматія для дѣтей*. Составилъ *А. Галаховъ*. Изданіе *второе*, пополненное. Двѣ части. Въ 8; 315 и 100 стран. Моск.

7. Краткое понятіе *о пневматическомъ отапливаніи* и о качествахъ воздуха относительно къ здоровью. *Второе* изданіе. Составилъ *Николай Аммосовъ*. Въ 8; 97 стран. Моск.

8. Наставленіе, *какъ обходиться съ пневматическимъ отапливаніемъ*. *Второе* изданіе. Въ 8; 24 стран. Моск.

9. *Сельское чтеніе*, книжка первая, составленная изъ трудовъ: А. Ѳ. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина, П. И. Побѣдина, К. Ѳ. Энгельке, *княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ*. Изданіе *третіе*. Въ 12; 136 стран. Спб.

═

ВИДѢНІЕ ВАЛТАСАРА.

Подражаніе Байрону.

Во храминѣ богатой
Пируетъ Валтасаръ;
Кругомъ сіяетъ злато
Что выкованный жаръ;
И приближенныхъ стая
И жены за столомъ,
Гдѣ чаши Адоная
Наполнены виномъ.

Тогда-то предъ владыкой,
Тогда-то при огнѣ
Персты руки великой
Мелькнули на стѣнѣ,
И по стѣнѣ бѣжали
Мелькнувшіе персты,
Бѣжали и писали
Какія-то черты.

Веселье исчезаетъ
Какъ полуночный паръ —
И вотъ повелѣваетъ
Смущенный Валтасаръ:
«Созвать на совѣщанье
Халдейскихъ мудрецовъ,

Да дастся толкованье
Намъ непонятныхъ словъ.»

Немало собиралось
Писанье толковать;
Читалось, разсуждалось —
А, нечего сказать,
Осталось неизвѣстно
Премудрости земной,
Что писано чудесно
Небесною рукой.

Но отрасли Сіона,
По разуму раба
Открыта Вавилона
Грядущая судьба —
И дать онъ изъясненье
Неяснаго готовъ,
И завтра жъ подтвержденье
Гореобильныхъ словъ.

«Какъ пышны пированья,
Какъ велика вина —
Такъ тяжесть наказанья
Погибельно-сильна.
И твой народъ въ неволѣ,
И твой чертогъ горитъ,
И на твоемъ престолѣ
Персидянинъ сидитъ.»

Д. Коптевъ.

26 Мая, 1844 г.

ОСЕНЬ.

Какъ грустный взглядъ люблю я осень.
Въ туманный, тихій день хожу
Я часто въ лѣсъ и тамъ сижу —
На небо бѣлое гляжу
Да на верхушки темныхъ соснъ.
Люблю, кусая кислый листъ,
Съ улыбкой развалясь лѣнивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятловъ тонкой свистъ.
Трава завяла вся... холодной,
Спокойный блескъ разлитъ по ней...
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей...
Чего не вспомню я? Какія
Меня мечты не посѣтятъ?
А сосны гнутся какъ живыя
И такъ задумчиво шумятъ...
И словно стадо птицъ огромныхъ
Внезапно вѣтеръ налетитъ,
И въ сучьяхъ спутанныхъ и темныхъ
Нетерпѣливо прошумитъ.

Т. Л.

1842.

КОГДА ДИТЯ.

Когда дитя и страсти и сомнѣнья
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя —
Рѣшилась ты дѣлить его волненья,
Въ немъ таинство печали полюбя.

Ты смѣлая и кроткая со мною
Въ мой дикой адъ сошла рука съ рукою:
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.

О, сколько разъ къ тебѣ святой и нѣжной
Я приникалъ главой моей мятежной,
Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

* * *

NOTTURNO.

Ночь тиха... Едва колышетъ
Вѣтеръ темные листы.
Грудь моя томленьемъ дышетъ,
И тоской полны мечты...

Звуки дивные несутся,
Слышу я, въ тиши ночной:
То замрутъ, то вновь польются
Гармонической волной.

Вотъ, вдали между кустами,
Свѣтъ въ окнѣ ея мелькнулъ...
Какъ бы жаркими устами
Я къ устамъ ея прильнулъ!

Ночь бы цѣлую въ забвеньи
Все лобзалъ ее, лобзалъ...
И слезами упоенья
Грудь младую бъ обливалъ...

Но одинъ я... Грустно, скучно!
Огонекъ въ окнѣ погасъ...
Глухо колоколъ докучный
Прогудѣлъ полночный часъ...

А. П — — въ.

ГРОЗА ПРОМЧАЛАСЬ.

Гроза промчалась низко надъ землёю...
Я вышелъ въ садъ; затихло все кругомъ —
Вершины липъ облиты мягкой мглою,
Обагрены живительнымъ дождемъ.

А влажный вѣтръ на листья тихо дышетъ...
Въ тѣни густой летаетъ тяжкой жукъ;
И какъ лице заснувшихъ томно пышетъ,
Пахучимъ паромъ пышетъ темный лугъ.

Какая ночь! Большія, золотыя
Зажглися звѣзды... воздухъ свѣжъ и чистъ;
Стекаютъ съ вѣтокъ капли дождевыя,
Какъ будто тихо плачетъ каждый листъ.

Зарница вспыхнетъ... Поздній и далекій
Примчится громъ — и слабо прогремитъ...
Какъ сталь блеститъ, темнѣя, прудъ широкій— —
А вотъ и домъ передо мной стоитъ.

И при лунѣ таинственныя тѣни
На немь лежатъ недвижно... вотъ и дверь;
Вотъ и крыльце — знакомыя ступени...
А ты... гдѣ ты? что дѣлаешь теперь?

Упрямые, разгнѣванные боги,
Не правда ли, смягчились? и среди
Семьи твоей забыла ты тревоги,
Спокойная на любящей груди?

Иль и теперь горитъ душа больная?
Иль отдохнуть ты не могла нигдѣ?
И все живешь, всѣмъ сердцемъ изнывая,
Въ давно пустомъ и брошенномъ гнѣздѣ?

Т. Л.

О ПОЭМѢ
ГОРНЫЙ ОХОТНИКЪ.

Явленія странныя, непонятныя встрѣчаются въ наше время въ Русской литературѣ. Вы читаете книгу — и не можете не согласиться, что авторъ ея человѣкъ съ видимымъ талантомъ: у него есть истинное чувство, воображеніе, сила мысли и живописи. Но книга, вмѣсто того, чтобы пріятно занимать васъ и радовать, только сердитъ васъ и надолго располагаетъ къ грусти. Этотъ человѣкъ съ талантомъ такъ не цѣнитъ своего дарованія, такъ не уважаетъ читателя, такъ низко думаетъ о знаніяхъ, что ни малѣйшаго не обратилъ вниманія ни на обработку своего таланта, ни на мнѣніе того, кому предлагаетъ свое сочиненіе, ни на необходимѣйшія условія, безъ которыхъ нельзя приступить не только къ авторству, даже къ простѣйшему ремеслу.

Вы рѣшились писать стихи. Потрудитесь узнать по крайней мѣрѣ первыя правила стихосложенія. Природа, создавая поэта или музыканта, не посылаетъ имъ вмѣстѣ съ вдохновеніемъ ни знаній генералъ-баса, ни знаній версификаціи. Самый тонкій слухъ, на которой надѣетесь вы, легко можетъ васъ обма-

нуть, если, для повѣрки сочиненія, нѣтъ у васъ руководства. Написавши слова:

«Военная слава — печальная слава! Тяжелъ ея лавровый вѣнецъ»

вы воображаете, что у васъ готовъ уже стихъ. Но здѣсь только строчка испорченной прозы, а стиха нѣтъ.

Этимъ мнимымъ стихомъ начинается небольшая поэма: *Горный Охотникъ*. Такими же стихами сочинена и вся она, за исключеніемъ мѣстъ, написанныхъ прозою. Поэма состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Дѣйствіе перваго представлено въ Россіи, собственно называемой; а дѣйствіе втораго перенесено на Кавказъ. Форма изложенія почти вездѣ разговоръ. Въ первой части мать убѣждаетъ своего сына не покидать родительскаго крова и не отправляться на войну. Сынъ между-тѣмъ, не будучи въ состояніи побѣдить страсти своей къ войнѣ и славѣ, отправляется на Кавказъ. Послѣ того, какъ дѣйствіе переносится туда, въ сочиненіи все становится разнообразнѣе: и дѣйствующія лица, и картины; даже стихи часто смѣняются прозою. Мы сожалѣемъ, что авторъ и всей поэмы не изложилъ въ прозѣ: это спасло бы его отъ странной разстановки словъ по строкамъ, которыя онъ принялъ за стихи, и развязало бы его воображеніе, его мысли, даже языкъ его. Судя по второй части поэмы,

нельзя не заключить, что во взглядѣ сочинителя на предметы много поэзіи, т. е. жизни, разнообразія и даже художнической истины. Мы, во время чтенія этой поэмы, съ удовольствіемъ останавливались на такихъ, на прим., мѣстахъ, забывая о неправильности стиховъ.

Мать говоритъ сыну:

«Нетрудно разбить сосудъ драгоцѣнный, и дерзкой
ногою
Остатки его растоптать;
Нетрудно разрушить: но гдѣ тотъ художникъ могучій,
который, собравши обломки,
Новую жизнь въ нихъ вдохнетъ;
Который чистое, лучшее Бога созданіе, разъ положив-
ши на землю трупомъ бездушнымъ,
Снова подыметъ и скажетъ ему: воскресни, встань и
живи!»

Или:

«Тамъ, подъ мирною сѣнью кровли отцовской, кроткая
дѣва цвѣтетъ;
Ясные взоры очей голубыхъ обѣщаютъ тихое счастье
Тому, кто женою ее назоветъ.
Милой хозяйки улыбка чудесная
Будетъ какъ солнце твой домъ освѣщать;
Сыномъ тебя подаритъ она скоро прелестнымъ:
Будешь его ты по пухленькимъ щечкамъ
Нѣжной рукою трепать;
Выучишь скоро ротикомъ алымъ
Сладкозвучащее имя отца лепетать.»

Но тщетны были всѣ усилія нѣжной матери удержать при себѣ сына.

«Онъ уѣхалъ,
Уѣхалъ въ тотъ край отдаленный — туда, гдѣ война
Ероднилася съ почвой земли,
И въ жилахъ людей, ее населяющихъ, вѣчно кипитъ,
Какъ источникъ горячій въ горахъ:
Вѣки приходятъ и вѣки уходятъ — а вѣчно изъ нѣдръ
раскаленныхъ земли
Снопъ влаги кипящей бьетъ вверхъ и воздухъ кругомъ
Наполняетъ клубящимся паромъ.

Мы замѣтили уже, что во второй половинѣ поэмы болѣе движенія. Въ началѣ ея поражаетъ описаніе коня.

«Вотъ конь мой! Смотри, какъ кипитъ въ его жилахъ
Благородная, пылкая кровь!
Онъ роетъ копытами землю, грызетъ удила,
И черныя очи горятъ, какъ два раскаленные угля;
Нетерпѣливо дрожитъ его жаркая морда; а пѣна
Инеемъ бѣлымъ сверкаетъ
По темному глянцу лоснящейся шерсти.
Сядь на него, если не страшно, сядь вмѣстѣ со мною—
И быстрой стрѣлою умчитъ онъ насъ далеко,
Прочь отъ холоднаго сѣвера, въ жаркіе юга края.»

Являются два ворона, молодой и старый. Вотъ ихъ разговоръ:

молодой воронъ.

«Скоро ли, скоро ли, дядя? Я напрасно гляжу въ туманную даль:
Не гремитъ тамъ оружіе; кровь тамъ не льется рѣкою изъ бѣлаго тѣла,
Алая, теплая, вкусная кровь! О, какъ я голоденъ, дядя!

старый воронъ.

Скоро, да: слишкомъ скоро для нихъ, слишкомъ долго для насъ.

молодой воронъ.

Ты обманулъ меня, дядя — обманулъ отъ того, что я не умѣю
Такъ уже, какъ ты, за день впередъ узнавать того мѣста,
Гдѣ люди сойдутся,
Гдѣ станутъ они изъ тѣла своего стряпать пищу для нашего брата.

старый воронъ.

Полно каркать, малютка! Гляди:
Тамъ за сѣрымъ утесомъ на солнцѣ сверкнули двѣ пики.

молодой воронъ.

Дядя, очи твои вѣрно быстрѣе моихъ: я не вижу,
Дядя; если ты врешь — завтра утромъ я ужъ не въ-силахъ буду летать:

Я не клевалъ ничего съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Чеченецъ
Зарѣзалъ родную сестру и бросилъ въ оврагъ ея тѣло.
Долго тогда мнѣ мѣшала убитой меньшая сестра:
Она стояла надъ трупомъ, пока не спряталось за гору солнце,
И горько рыдала, долго рыдала.
Странно: о чемъ бы тутъ, кажется, плакать?
Ну, что за бѣда, что умретъ человѣкъ?
И людямъ не такъ будетъ тѣсно, и вороны сыты.
Да вотъ умри ты теперь, дядя: я, можетъ быть, съѣлъ бы тебя,
Но, плакать, о! плакать ужъ вѣрно не сталъ бы объ этомъ.
А какъ хороши были губки убитой!
Смерть ихъ покрыла нѣжнымъ, блѣднолиловымъ оттѣнкомъ;
А щечки, о! щечки ея были бѣлы какъ снѣгъ на вершинѣ Казбека».

Посмотримъ на прозу, которою украшена вторая половина поэмы. Въ самомъ дѣлѣ, эта натуральная, легкая, дѣльная проза — украшеніе книжки подлѣ неслыханныхъ стиховъ.

«Два офицера, въ дорожныхъ, запыленныхъ костюмахъ, ѣхали шагомъ впереди отряда. Весела и безпечна была ихъ бесѣда: говорили они и о войнѣ и о женщинахъ, и о томъ, какъ весело сядутъ они на первомъ ночлегѣ возлѣ чайнаго столика съ кипящимъ самоваромъ, и о томъ, кого изъ

знакомыхъ или товарищей ожидаютъ они встрѣтить въ ближайшемъ городѣ. Все занимало ихъ. Первое, что приходило въ голову, дѣлалось предметомъ веселыхъ шутокъ, источникомъ длинныхъ разсужденій. Одна настоящая минута была вполнѣ забыта, оставлена безъ вниманія. Ей не хотѣли они подарить ни одной мысли, ни однаго слова — и, обиженная, разсерженная, злая дочь Сатурна, настоящая минута готовила имъ нежданную месть, и вдругъ возникла въ страшной красѣ своей передъ изумленными очами воиновъ. Вотъ что случилось.» Начинается расказъ о встрѣчѣ ихъ съ непріятельскимъ отрядомъ; о схваткѣ, въ которой одинъ изъ офицеровъ былъ раненъ. Другой — герой поэмы — «твердою рукою сдержалъ молодаго коня, храпѣвшаго въ страхѣ, выхватилъ изъ ноженъ кривую Турецкую саблю — и, дрожа отъ удовольствія, ждалъ съ нетерпѣніемъ кровавой схватки. Грозно сіяли черныя очи; смуглое лице было прекрасно, какъ лице молодаго Ахилла, когда, ставъ на холмѣ, въ виду сражающихся, однимъ своимъ голосомъ вселилъ онъ ужасъ въ сердца Троянъ и обратилъ въ бѣгство ихъ побѣдоносную рать. Но дикія сердца наѣздниковъ не знали страха. Они выучились презирать его еще въ колыбели, когда мать убаюкивала ихъ военною пѣснью; забыли съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ рука ихъ получила довольно силы, чтобы приподнять на воздухъ тяжелую отцовскую шашку.»

СТАРЫЙ ВОРОНЪ.

«Видѣлъ ли ты, какъ молодой офицеръ понесся въ погоню за горнымъ наѣздникомъ?
Замѣтилъ ли ты, куда умчали ихъ кони?
Ступай же за мной: мы ихъ скоро догонимъ.

МОЛОДОЙ ВОРОНЪ.

Что намъ за дѣло до тѣхъ: здѣсь и безъ нихъ довольно убитыхъ.

СТАРЫЙ ВОРОНЪ.

Этихъ схоронятъ, зароютъ въ глубокую яму;
А изъ тѣхъ двухъ одинъ будетъ убитъ непремѣнно:
Наѣздникъ — мой старый пріятель. Случалось неразъ
Ему угощать меня вкуснымъ обѣдомъ. Онъ самъ
Ляжетъ скорѣе, чѣмъ друга оставитъ безъ пищи.
Лети же за мной, говорю я тебѣ.»

Теперь слѣдуютъ страницы, которыя бы могли быть вставлены въ поэму любой знаменитости: такъ онѣ увлекательны по вѣрности колорита и занимательности подробностей.

«И два ворона поднялись высоко съ развѣсистыхъ вѣтвей зеленаго дуба, махая широкими, черными крыльями. Печально глядѣлъ на нихъ раненый спутникъ молодаго корнета, опираясь на двухъ казаковъ. Онъ видѣлъ, какъ полетѣли они вслѣдъ за его пылкимъ товарищемъ. Онъ былъ не суевѣренъ; но при видѣ зловѣщихъ, кровожадныхъ птицъ

оставляющихъ поле смерти, чтобы летѣть за живыми людьми, какая-то мысль блеснула въ головѣ его какъ молнія. Невольно выхватилъ онъ винтовку изъ рукъ казака: «знаютъ проклятые, куда летѣть!» шепнулъ онъ тихо; выстрѣлъ грянулъ — пуля просвистѣла между двухъ птицъ, близко летѣвшихъ одна отъ другой. Молодой воронъ вздрогнулъ, старый захохоталъ. «Догадался, пріятель!» каркнулъ онъ громко — «да теперь уже поздно: не догонишь ни ихъ, ни меня.

«Быстро скакалъ молодой корнетъ. Шагахъ въ двадцати передъ нимъ мчался Черкесъ. Вѣтеръ раскидывалъ изъ-подъ бараньей шапки длинныя кольца черныхъ кудрей. На плечахъ косматая бурка, за плечами винтовка въ чехлѣ изъ бараньяго мѣху. Дико прелестенъ былъ горный наѣздникъ. Сынъ востока, питомецъ войны удалой, безстрашной и разгульной, легокъ какъ птица, красивъ какъ змѣя, скакалъ онъ на статномъ конѣ Карабахской породы.

«Но зачѣмъ хитрый всадникъ то опуститъ поводья, то вдругъ тихо, незамѣтно притянетъ ихъ къ себѣ? Конь его дышетъ огнемъ; конь его неразъ обгонялъ бурный вихорь въ пустынѣ—и теперь, безъ труда, въ одинъ мигъ могъ бы умчаться отъ всякой погони. Что же онъ теперь отстаетъ? Онъ понимаетъ всадника; онъ недаромъ то понесется бу-

рею, то вдругъ притихнетъ, опуститъ голову какъ усталый и вяло топчетъ копытами землю.

«Солнце быстро садилось; большая дорога исчезла давно уже изъ виду. Окрестности мало по малу все болѣе и болѣе принимали дикой, суровый, грозный видъ. Покрытые вечернимъ сумракомъ, чернѣли дремучіе лѣса въ ущельяхъ горъ. Дикіе утесы все выше и выше поднимали каменное чело и, далеко отбрасывая синюю тѣнь по лунному свѣту, великанами стояли на закраинахъ крутыхъ, каменистыхъ обрывовъ. Въ низу, на глубинѣ неизмѣримой, рвалися, шумѣли, плескали сердитыя волны горнаго потока. Луна смотрѣла на нихъ съ вышины, и въ капризныхъ струяхъ свѣтлое лицо ея дробилось на тысячи искръ, горѣвшихъ серебристымъ огнемъ.

«Черкесъ повернулъ коня направо; молодой воинъ за нимъ — и дремучій лѣсъ скрылъ отъ взоровъ ихъ величественную панораму Кавказскихъ горъ.

«Тамъ иная красота. Тамъ смуглая ночь глядѣла на нихъ темными очами изъ–за кудрявыхъ, широкихъ вѣтвей столѣтнихъ дубовъ. Они стояли державные старцы, любимцы Сатурна, стояли неподвижно, безмолвно. Широкія вѣтви, какъ руки поднятыя къ небу, улетали высоко подъ облака;

на челѣ темная корона густыхъ, зеленыхъ листьевъ; а въ низу сѣрый пень мощными корнями опирался на бархатное подножіе, устланное мхомъ, украшенное лѣсными цвѣтками, и орелъ вилъ гнѣздо свое на вершинѣ, и нѣжный плющъ легкою гирляндою обхватывалъ богатырскую грудь. Тамъ платаны и тополи мелькали по сторонамъ какъ призраки.... И вотъ передъ ними поляна, освѣщенная луной, окруженная со всѣхъ сторонъ высокою стѣною темной зелени.

«Черкесъ сталъ сдерживать коня—и вдругъ, на всемъ скаку, повернулъ его на лѣво кругомъ и остановился какъ вкопанный, съ поднятою шашкою, съ блѣднымъ лицемъ, ярко освѣщеннымъ луною.

«Густыя брови были сдвинуты; очи горѣли какъ свѣчки. Озаренный серебристымъ лучемъ, паръ клубомъ валилъ съ его скакуна и окружалъ фантастическимъ облакомъ конную статую всадника въ буркѣ, черной силуэткой рѣзко выходившую изъ полумрака поляны.

«Картина полна была поэзіи. Одинъ мигъ остановился молодой корнетъ, сбираясь съ силами и невольно любуясь воинственною осанкою врага; мигъ— и, опустивъ поводья, понесся на кровавую встрѣчу. Двѣ кривыя полосы звонкой стали скрестились и

запрыгали, страшно гремя одна объ другую. Искры шипѣли и сыпались при каждомъ ударѣ, ярко сіяя среди сумрака ночи. Храбро сверкала сабля молодаго воина вкругъ головы врага; ловко свистѣли и падали удары мощной руки его — но онъ нашелъ опаснаго противника. Вся тактика искуства казалась смѣшною и дѣтскою забавою при взглядѣ на тяжелую шашку, летавшую какъ молнія въ рукахъ наѣздника. Быстро, безъ роздыха, безъ малѣйшей остановки осыпàлъ онъ противника градомъ утроенныхъ, учетверенныхъ ударовъ. Острый конецъ булатнаго лезвея былъ вездѣ и нигдѣ. Скоро выбился изъ силъ юноша, неопытный въ военномъ дѣлѣ. Едва переводя духъ, отскочилъ онъ съ конемъ шага на два. Мѣткимъ ударомъ коснулся онъ лѣвой руки его. Алая кровь въ-минуту обагрила вышитый галуномъ желтый рукавъ Черкесскаго кафтана; но та минута была роковая. Клинокъ острой шашки блеснулъ неожиданно надъ головою молодаго воина; слабый стонъ вырвался изъ груди его — и тихо свалился онъ въ густую, душистую траву съ плечемъ, разрубленнымъ вплоть до самаго сердца.

«Проворно спрыгнулъ съ коня на землю удалой наѣздникъ, скорыми шагами подошелъ къ несчастному юношѣ, положилъ руку на сердце, шепнулъ что-то про себя на чуждомъ нарѣчіи и задумался. Тихая грусть смягчила огонь сверкающихъ взоровъ и суровое выраженіе лица. Ночь и кровь, и блѣдное

какъ мраморъ чело сраженнаго имъ воина, казалось, разбудили въ душѣ его воспоминаніе о чемъ-то давноминувшемъ. Минутъ пять стоялъ онъ печально, безмолвно; потомъ вдругъ опомнился, поспѣшно поднялъ съ земли дорогую саблю убитаго, отцѣпилъ ножны, поймалъ за узду коня его, вскочилъ на сѣдло, не трогая стремени, и какъ птица скрылся въ дремучемъ лѣсу.

«Пунцовый амарантъ цвѣлъ возлѣ того мѣста, куда опустилась голова несчастнаго юноши. Недалеко полевая лилія, развернувъ небрежно душистые, бѣлые листочки, дышала свѣжимъ воздухомъ ночи. Густая капля крови съ плеча убитаго попала въ середину ея нѣжной чашечки — и подъ тяжестію темнобагровой влаги лилія печально склонила головку къ землѣ. Въ кустахъ цвѣла роза. Покрытая темнымъ одѣяломъ ночи, она отдыхала на пышномъ ложѣ зеленыхъ листьевъ; а тамъ, вверху, подъ тѣнью чинара, голосистый любовникъ ея, пѣвецъ-соловей, качался на вѣткѣ, стерегъ свою возлюбленную, убаюкивалъ ее сладками пѣснями.

«А между-тѣмъ смерть боролась съ послѣдними остатками жизни на лицѣ молодаго воина; адъ кипѣлъ въ груди его — и вотъ, въ предсмертномъ бреду, слышитъ онъ тихую пѣснь соловья.

ПѢСНЬ СОЛОВЬЯ.

«Свѣтитъ, свѣтитъ тихо мѣсяцъ ясный;
Звѣздъ хороводы текутъ по синему небу:
Роза, царица души моей, звучной пѣсни подруга,
Спишь ли ты, роза-красавица? спишь ли ты, роза душистая?
Или люди, злыя чада раздора, съ ихъ вѣчной враждою,
Съ ихъ страшно-гремящимъ оружіемъ, сонъ твой успѣли нарушить?
Роза, очей моихъ свѣтъ!
Проснись и пошли мнѣ, сквозь сумракъ ночной,
Мимо тѣнистыхъ узоровъ зелени пышной,
Твой поцѣлуй ароматный!
Пусть онъ разбудитъ въ груди моей громкую трель гармоническихъ звуковъ.
Но ты блѣдна, моя роза: о чемъ же грустишь ты, печально склонивши головку?
«Злые, злые люди!» Роза шептала, печально качая головкой:
«Они оскорбили меня; они найдутъ чѣмъ обидѣть
Не только подобныхъ себѣ, но даже и бѣдный цвѣтокъ,
Ничѣмъ невиновный предъ ними.
Въ нашу поляну, вчера на зарѣ, молодая Лезгинка пришла;
Сладко пѣла она; станомъ была кипарису подобна;
Очи игривыя лани младой, лице какъ у полной луны; а коса
Темной ночи чернѣе, длиннѣе вечера лѣтняго.
Долго стояла она; пѣсня лилася; мы тихо смотрѣли одна на другую:

И вдругъ нѣжная ручка ея мелькнула между листочковъ —
И юную розу, меньшую сестрицу мою, съ зеленаго стебля сорвала;
Заткнула головку ея за поясъ шелковый и скрылась,
Оставивъ меня всю въ слезахъ.
Горько плакала я цѣлый день объ участи бѣдной сестрицы
И только-что къ ночи успѣла заснуть.
Но и ты, какъ я вижу, не веселъ, мой милый пѣвецъ; спой мнѣ пѣсню
Про то, какъ на пышныхъ долинахъ Ирана
Юная роза тихо цвѣла,
И какъ по ночамъ къ ней леталъ любовникъ ея, соловей голосистый,
И нѣжно любилъ ее, такъ же, какъ ты меня любишь,
И какъ на разсвѣтѣ однажды, поймавши ихъ, добрая Пери,
Шутя, подарила имъ душу живую, такую же душу,
Какую имѣютъ и люди,
И какъ они стали съ тѣхъ поръ говорить, и смѣяться, и плакать,
Такъ же, какъ люди,
И какъ не могли они послѣ разстаться, затѣмъ, что имѣли
Двое одну только душу.

СОЛОВЕЙ.

Роза, сегодня я спѣть не могу любимой пѣсни твоей:
Сердце въ груди у меня злою растерзано грустью;

Ахъ! тамъ на зеленой полянѣ —
Проклятіе неба постигло нашего счастія тихой пріютъ—
Гамъ человѣкъ человѣка зарѣзалъ, и тѣла его не хо-
тѣлъ схоронить,
И бросилъ на землю его, на пищу воронамъ алчнымъ.
Тамъ алая кровь
Горячимъ ключемъ бьетъ изъ бѣлаго тѣла,
Густую траву орошая кругомъ.
Ахъ! прости, моя роза!
Завтра сюда на пиръ отвратительный хищныя птицы
слетятся:
На вѣткѣ зеленой, гдѣ часто сидѣлъ я, черные кор-
шуны гнѣзда совьютъ.
Проклятіе неба постигло нашъ тихой пріютъ.
Завтра я прочь улечу, далеко, далеко отсюда —
И роза завянетъ безъ пѣсней;
А твой соловей, тоскуя, зачахнетъ безъ милаго
друга
Въ чужой сторонѣ.
И соловей, на розовой спустившись кустъ, съ по-
другою прощаться началъ,
А алые листочки юной розы
Росы покрыли утреннія слезы.

«А между-тѣмъ жизнь боролась еще со смертію на лицѣ молодаго воина; адъ кипѣлъ въ груди его. И вотъ, въ предсмертномъ бреду, въ огнѣ послѣднихъ мукъ, видитъ онъ мать свою, слышитъ голосъ ея:

«Сынъ мой, милый мой другъ! не ѣзди, останься; взгляни на меня,
«Посмотри, какъ горячія слезы льются ручьями
«По блѣднымъ щекамъ!
«Останься, останься со мной!» И казалось ему, что, рыдая,
Мать передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ,
И что слезы изъ глазъ ея жгутъ его руку, облитую потомъ холоднымъ кончины.
«Поздно!» шепчетъ онъ милому призраку, «поздно!» и смерть желѣзной рукою
Убитаго вѣжды навѣки сомкнула.

«Высоко надъ трупомъ кружились два черные ворона. Ихъ дикая, мрачная пѣсня одна нарушала безмолвную тишину глухаго часа полуночи. Ниже и ниже спускались они — и сѣли наконецъ на хладныя развалины того, что было нѣкогда красотою и силою.

«Тутъ, подъ черными лапами ихъ, еще недавно кипѣло отвагою сердце богатырское. Тутъ, въ потухшихъ очахъ, еще недавно сіяла яркимъ лучемъ безсмертія высокая, гордая мысль. Такъ, на развалинахъ храма древней Греціи, черный евнухъ позорною пятою топчетъ мраморное изображеніе Юпитера, поверженное въ прахъ, разбитое, обезображенное.

«На разсвѣтѣ молодая Лезгинка снова пришла

въ лѣсъ слушать пѣсню соловьиную, украсить свой поясъ свѣжимъ розаномъ. Въ густой травѣ нога ея встрѣтила что-то тяжелое. Она наклонилась, хотѣла взглянуть на то, что лежало внизу — и волосы стали дыбомъ на головѣ ея, и блѣдная, трепещущая, закрывъ глаза рукою, умчалась она быстрѣе серны назадъ въ домъ отца своего.»

Этотъ расказъ, выдержанный до конца съ художественною точностію, исполненный истиннаго вдохновенія и проникнутый всею поэзіею эпохи и мѣстстныхъ красокъ, болѣе, нежели можемъ сдѣлать мы, обвиняетъ автора за пренебреженіе условій искуства, къ которому призваніе въ немъ тамъ несомнѣнно.

ИМПРОВИЗАТОРЪ,

или

МОЛОДОСТЬ И МЕЧТЫ ИТАЛЬЯНСКАГО ПОЭТА.

РОМАНЪ АНДЕРСЕНА.

(Продолженіе.)

IX.

Воспитаніе. Маленькая Игуменья.

—

И–такъ я въ палаццо Боргезе былъ принятъ какъ родной; со мною обращались теперь снисходительнѣе и ласковѣе, нежели въ прежніе годы, хотя иногда еще проявлялся въ рѣчахъ наставительный тонъ и какая-то оскорбительная невнимательность въ обращеніи; но вѣдь я зналъ, что мнѣ искренно желаютъ добра.

Жаркіе мѣсяцы провели мои благодѣтели на

мызѣ, и я покуда оставался одинъ въ великолѣпномъ палаццо. Къ зимѣ они воротились въ Римъ, и тутъ для меня возобновились прежнія отношенія. Окружающіе забывали, что я уже въ зрѣломъ возрастѣ; имъ казалось, что они все еще имѣютъ передъ собою маленькаго мальчика изъ Кампаньи, для котораго каждое слово—священная истина, или воспитанника Іезуитской школы, котораго безпрестанно надобно учить, какъ ему вести себя.

Какъ широкое озеро, гдѣ волна поглощаетъ волну, лежатъ за мною шесть лѣтъ моего пребыванія здѣсь; я благодарю Бога, что переплылъ ихъ счастливо. Ты, который слѣдуешь за мною на поприщѣ тревожной жизни моей, ускори шагъ: я въ немногихъ строкахъ передамъ тебѣ одно только общее впечатлѣніе этаго періода, который могу назвать борьбою духовнаго моего воспитанія. Со мною обходились какъ съ ребенкомъ, чтобы я сдѣлался человѣкомъ. Всѣ хвалили мои достоинства и дарованія; говорили, что со-временемъ изъ меня можетъ что-нибудь выйти; всѣ занимались моимъ воспитаніемъ. Тѣ, къ которымъ я находился въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, позволяли это себѣ въ сознаніи своихъ правъ надо мною; другіе пользовались кротостью моего характера. Я живо и глубоко чувствовалъ всю тягость своего положенія, но вооружился терпѣніемъ. Вѣдь это было воспитаніе.

Принцъ жаловался на мою неосновательность; онъ говорилъ, что чтеніе ни къ чему не служитъ мнѣ, потому-что я извлекаю изъ книгъ только то, что льститъ моимъ страстишкамъ. Домашніе пріятели и мои милостивцы мѣрили меня по идеалу, какой каждый изъ нихъ создавалъ себѣ соотвѣтственно своимъ склонностямъ и способностямъ — и, разумѣется, передъ ними я былъ виноватъ. Математикъ говорилъ, что воображеніе у меня беретъ перевѣсъ надъ разсудкомъ. Ученый утверждалъ, что я не довольно занимаюсь изученіемъ Латинскаго языка. Тотъ, кого занимала политика, безпрестанно спрашивалъ меня, въ присутствіи другихъ гостей, о политическихъ новостяхъ, которыя были мнѣ чужды — и поступалъ такъ только для того, чтобы въ глазахъ людей унизить бѣднаго сироту. Молодой nobile, который жилъ только для своихъ верховыхъ лошадей, не могъ надивиться моему невѣжеству на счетъ коноводства и вмѣстѣ съ прочими вопилъ, что я занимаюсь самимъ собою болѣе, нежели его лошадьми. Одна пріятельница дома Боргезе, которая, благодаря своему положенію въ обществѣ и необычайной надменности, умѣла прослыть тонкимъ критикомъ, но вовсе не была такъ умна, какъ хотѣла казаться, вызвалась разобрать поэтическія красоты и форму моихъ стихотвореній, но съ тѣмъ, чтобъ я ей доставилъ ихъ на бумагѣ съ широкими полями для замѣтокъ. Габбасъ Дада видѣлъ во мнѣ дарованіе, когда-то много обѣщавшее, но

теперь давно угасшее. Первая танцорка въ городѣ презирала меня за то, что я не былъ способенъ играть роли въ бальной залѣ. Грамматикъ негодовалъ на меня за то, что я ставилъ точку тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдовало бы поставить точку съ запятою; а Франческа говорила, что меня избаловали преувеличенными похвалами, и что потому-то она должна быть вдвое строже и взыскательнѣе ко мнѣ. Каждый вливалъ въ мое сердце по нѣскольку капель яду; я предвидѣлъ, что оно или ожесточится, или истечетъ кровью.

Все прекрасное и благородное пробуждало во мнѣ сочувствіе и плѣняло меня. Въ спокойныя минуты я вспоминалъ о всѣхъ моихъ воспитателяхъ—и, въ томъ мірѣ природы и обще-человѣческихъ интересовъ, въ какомъ я жилъ мыслями и душею, они представлялись мнѣ мастеровыми, изъ которыхъ каждый стоитъ за свое ремесло. Міръ являлся мнѣ прекрасной дѣвушкою, которая нравится столько же качествами ума и сердца, какъ наружностью и нарядомъ; но вотъ ко мнѣ приходитъ башмашникъ и говоритъ: прошу покорно взглянуть на ея башмаки—фасонъ отмѣнный, а это самое главное въ дамскомъ туалетѣ! швея кричитъ: пустяки! обратите лучше вниманіе на ея платье: что за покрой, что за цвѣтъ, что за работа! все это надобно разсмотрѣть подробно! парикмахеръ визжитъ: сдѣлайте милость, разсмотрите ея косу, она стоитъ того! грамматикъ

возглашаетъ: однако согласитесь, что всего замѣчательнѣе въ ней правильность языка; наконецъ танцмейстеръ въ свою очередь вопитъ: извините, всего болѣе вниманія заслуживаетъ ея станъ, фигура: посмотрите, какъ она держитъ себя! «Боже милосердый!» воскликнулъ я, отвѣчая разомъ на всѣ возгласы: «меня плѣняетъ все вмѣстѣ; я вижу всѣ отдѣльныя превосходства, которыя вы мнѣ исчисляете, но я никакъ не могу вамъ въ угодность сдѣлаться башмашникомъ или портнымъ; мое призваніе воспринимать красоту въ ея цѣлости; не гнѣвайтесь и не осуждайте меня за это, милостивые государи и государыни!» «Это для васъ слишкомъ низко; это недостойно вашей поэтической души», съ усмѣшкою восклицаютъ они тутъ всѣ въ одинъ голосъ. Нѣтъ звѣря, который былъ бы такъ жестокъ, какъ человѣкъ. Будь я богатъ и независимъ — и я бы игралъ совершенно иную роль въ свѣтѣ. Всѣ были умнѣе, основательнѣе, благоразумнѣе меня. Я научился вѣжливо улыбаться, когда мнѣ хотѣлось плакать; кланяться тѣмъ, кого я не могъ уважать — и со вниманіемъ слушать пустую болтовню глупцевъ; ожесточеніе, притворство, отвращеніе къ жизни — вотъ плоды воспитанія, какое мнѣ дали люди и обстоятельства. Всѣ указывали только на мои недостатки; уже ли у меня не было ни однаго благороднаго свойства души? Я принужденъ былъ самъ открывать въ себѣ добрыя качества и навязывать тѣмъ, которые не хотѣли признавать ихъ; люди,

безпрестанно заставлявшіе меня наблюдать за собою, упрекали меня за то, что я слишкомъ занятъ своею особою.

Государственный человѣкъ называлъ меня эгоистомъ за то, что я не исключительно занимался тѣмъ, что составляло его конекъ; молодой дилеттантъ поэзіи, родственникъ фамиліи Боргезе, училъ меня, какъ надобно мечтать, думать и сочинять — и въ наставленіяхъ его всегда проявлялось чувство превосходства знатнаго господина надъ маленькимъ пастухомъ; ему казалось, что я долженъ быть вдвойнѣ благодаренъ ему и за уроки его и за оказываемую мнѣ честь. Охотникъ до красивыхъ лошадей, несочувствовавшій кромѣ ихъ ничему въ мірѣ, называлъ меня пустѣйшимъ человѣкомъ за то, что я интересовался не одними его конями. Не сами ли эти господа были эгоисты? Можетъ быть, они были и правы? Возможно: вѣдь я былъ бѣдный сирота, для котораго сдѣлали очень много. Но судьба, отказавшая мнѣ въ знатномъ имени, одарила меня благородной душею, которая глубоко чувствовала малѣйшія оскорбленія. Я, который всѣмъ сердцемъ привязался къ людямъ, какъ жена Лота превратился теперь въ горькую соляную статую. Въ душѣ моей родилась гордость. Иногда во мнѣ пробуждалось чувство моего внутренняго достоинства; оно развивалось демономъ высокомѣрія, который съ жалостію смотрѣлъ на нелѣпости моихъ разумныхъ

учителей и голосомъ тщеславія шепталъ мнѣ: твое имя будетъ жить и переходить изъ устъ въ уста, въ то время, какъ они будутъ или давно забыты, или вспоминаемы только потому, что нѣкогда тебя окружали — соринки и горькія капли, попавшія въ чашу твоей жизни. Тогда я вспоминалъ о Тассо, о тщеславной Леонорѣ и о гордыхъ владыкахъ Феррары: послѣдніе заимствуютъ теперь свою славу единственно отъ имени Тассо; дворцы ихъ превратились въ прахъ, между-тѣмъ, какъ къ темницѣ поэта стекаются странники со всѣхъ концевъ міра. Я самъ замѣчалъ, что сердце мое оковано тщеславіемъ; но при такомъ воспитаніи, какое я получилъ, оно непремѣнно должно было или покориться этой слабости, или истечь кровью. Снисходительность и сочувствіе сохранили бы мнѣ чистоту мыслей и преисполнили душу любовью: отъ каждой ласковой улыбки, отъ каждаго привѣтливаго слова оттаявали, будто отъ лучей солнца, ледяные корни моего тщеславія; но капли яда падали на сердце чаще, нежели лучи солнца.

Я уже не былъ добръ, какъ прежде, а между-тѣмъ меня называли прекраснымъ, отличнымъ молодымъ человѣкомъ. Я безпрестанно изучалъ книги, природу, міръ и самаго себя, а между-тѣмъ говорили, что я ничему не хочу учиться Такимъ образомъ мое воспитаніе продолжалось цѣлыя шесть, или безъ малаго даже семь лѣтъ; но въ концѣ

седьмаго года волны моей жизни приняли другое направленіе. Эти шесть долгихъ лѣтъ конечно прошли для меня не безъ событій, изъ которыхъ многія, можетъ быть, гораздо замѣчательнѣе тѣхъ, съ которыми я познакомилъ читателя прежде; но всѣ они слились въ одну каплю яда, какимъ отравляется жизнь каждаго человѣка, стоящаго выше толпы и не имѣющаго ни денегъ, ни родственныхъ связей.

Я былъ аббатомъ и пріобрѣлъ въ Римъ нѣкоторую извѣстность тѣмъ, что въ Тибрской академіи импровизировалъ и читалъ кой-какія поэмы моего сочиненія, которыя всѣ были приняты съ единодушными кликами одобренія. Франческа впрочемъ говорила — и весьма справедливо — что всѣ читаемыя здѣсь произведенія собираютъ одинаковую жатву похвалъ. Габбасъ Дада былъ однимъ изъ первыхъ при академіи; этою честью онъ былъ обязанъ тому, что болѣе всѣхъ ораторствовалъ и болѣе всѣхъ писалъ; всѣ его собраты находили, что онъ одностороненъ, задорливъ, несправедливъ — и мѣжду-тѣмъ терпѣли его въ кругу своемъ, а онъ знай-себѣ писалъ да писалъ. Онъ просмотрѣлъ мои — какъ самъ изъяснялся — писанныя водяными красками стихотворенія: слабое дарованіе, какое онъ замѣчалъ во мнѣ когда-то (а именно въ то время, когда я пресмыкался во прахѣ передъ его мнѣніемъ) умерло въ зародышѣ, сказалъ онъ, и

«хорошо бы было, если бъ друзья могли уговорить его не выпускать въ свѣтъ этихъ произведенiй, потому-что всѣ они болѣе или менѣе поэтическiе уроды». Въ заключенiе онъ прибавилъ, что, на-бѣду, всѣ великiе генiи писали еще въ молодости, и что я хочу подражать имъ.

До меня никогда ничего не доходило объ Анунцiатѣ. Мнѣ казалось, что ея уже и въ-живыхъ нѣтъ, и что она въ предсмертную минуту положила свою окостенѣлую руку на мое сердце, чтобы оно потомъ тѣмъ сильнѣе чувствовало всякое горестное впечатлѣнiе. Мое пребыванiе въ Неаполѣ и всѣ воспоминанiя, вынесенныя мною изъ этаго города, являлись мнѣ въ красотѣ, окаменѣлой при видѣ Медузиной головы Когда дулъ жаркiй сирокко, я вспоминалъ теплое дыханiе вѣтерка въ Пестумѣ, Лару и лучезарную пещеру, въ которой я видѣлъ ее. Когда я, какъ школьникъ, стоялъ передъ моими воспитателями и воспитательницами, мнѣ приходили на умъ рукоплесканiя, какими меня осыпали въ пещерѣ разбойниковъ и въ Сантъ Карло. Когда я, какъ чужой, сидѣлъ одиноко, притаившись въ углу, я думалъ о Сантѣ и о томъ, какъ она, простирая ко мнѣ руки, умоляющимъ голосомъ говорила: «убей, но не оставляй меня!» Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ, шесть долгихъ лѣтъ — мнѣ теперь былъ двадцать седьмой годъ.

Фламинію, маленькую игуменью, какъ ее называли — дочь Франчески и Фабіани — которую святой Отецъ съ самой колыбели посвятилъ въ невѣсты Христа, я не видѣлъ съ того времени, какъ носилъ ее на рукахъ своихъ и рисовалъ для нея забавныя картинки. Она воспитывалась въ монастырѣ у Quadri fontanae и никогда не выходила оттуда; самъ Фабіани не видѣлъ ее уже цѣлыя шесть лѣтъ; одна Франческа, какъ матъ и женщина, могла навѣщать ее. Говорили, что она физически уже достигла полнаго развитія, и что, благодаря благочестивымъ ея воспитательницамъ, душа ея развилась въ одинаковой степени. По старому обычаю, маленькая игуменья должна была на нѣсколько мѣсяцевъ воротиться въ свое семейство и, вкусивъ всѣ обольстительныя радости и наслажденія свѣта, сказать имъ потомъ вѣчное прости. Правда, отъ нея зависѣло, по прошествіи извѣстнаго срока, отдаться свѣту, или заключиться въ тихой обители; но, начиная съ дѣтскихъ игръ ея, когда ей дарили куклы, одѣтыя монахинями, до самаго воспитанія ея въ монастырѣ — все было приведено въ дѣйствіе, чтобы привязать ея мысли и душу къ жизни отшельнической.

Часто, проходя мимо Quadri fontanae, гдѣ стоитъ монастырь, я думалъ о ласковой дѣвочкѣ, которую нѣкогда носилъ я на рукахъ, о томъ, какую теперь бы нашелъ я въ ней перемѣну, и какъ спо-

койно течетъ ея жизнь въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ. Одинъ разъ мнѣ даже удалось попасть въ церковь монастырскую и слышать пѣніе монахинь за рѣшеткою. Можетъ быть, тутъ же сидитъ и маленькая игуменья, думалъ я, но не рѣшился спросить, участвуютъ ли и пансіонерки въ пѣніи и церковной музыкѣ. Одинъ звонкій чудно-меланхолическій голосъ первенствовалъ между всѣми голосами; онъ напомнилъ мнѣ пѣніе Анунціаты; мнѣ казалось, что я опять слышу ее — и всѣ воспоминанія давно-минувшихъ дней съ новою силою пробудились въ моей душѣ.

«Въ будущій понедѣльникъ къ намъ будетъ наша маленькая игуменья,» сказалъ Принцъ. Я нетерпѣливо желалъ увидѣть ее. Она представлялась мнѣ, какъ я самъ — пойманной птичкой, которую вынимали изъ клѣтки, чтобы она съ цѣпью на ножкѣ могла насладиться свободой въ чудномъ Божіемъ мірѣ.

Я въ первый разъ увидѣлъ ее за обѣдомъ. Она была довольно высока ростомъ; блѣдное лице ея вовсе не поражало красотою, но нравилось очаровательнымъ выраженіемъ кротости и душевной доброты.

Къ столу были приглашены только самые близкіе родственники. Никто не сказалъ новоприбыв-

шей моего имени; казалось, что она меня не узнавала; она съ необыкновенною для меня привѣтливостью отвѣчала на немногія слова, съ которыми я къ ней обращался; была одинаково вѣжлива со всѣми присутствующими и вовлекла также меня въ разговоръ. Она (такъ думалъ я) навѣрное не знаетъ, кто я.

Всѣ были веселы; разговоръ шелъ живо; анекдотамъ и забавнымъ расказамъ не было конца; маленькая игуменья смѣялась. Это ободрило меня— и я въ свою очередь рѣшился пустить въ дѣло нѣсколько каламбуровъ, которые въ самое это время были въ модѣ и играли большую роль во всѣхъ обществахъ; но мнѣ удалось разсмѣшить только одну маленькую игуменью; всѣ прочіе нашли расказанное мною ужасно пошлымъ; напрасно я увѣрялъ, что то же самое безпрестанно повторяется въ лучшихъ обществахъ Рима.

«Я не понимаю, что можно находить интереснаго въ глупыхъ каламбурахъ», сказала Франческа, «и удивляюсь, что̀ тебѣ за охота, Антоніо, повторять такіе вздоры! Они могутъ занимать только людей съ пустыми умишками».

Я конечно не былъ изъ числа тѣхъ, которые особенно занимаются такими произведеніями, только хотѣлъ показать свое желаніе также способство-

вать къ общей веселости; то, что я расказалъ, находилъ я — какъ и многіе другіе — довольно забавнымъ. Я смутился и замолчалъ.

Вечеромъ были гости. Я смиренно забился въ уголъ. Все обступило блестящаго Перини. Это былъ молодой человѣкъ моихъ лѣтъ; при знатности происхожденія, онъ отличался необыкновенною веселостью и ловкостью въ обращеніи и вообще обладалъ всѣми преимуществами, какими дорожитъ свѣтъ; былъ извѣстенъ своею любезностью и остроуміемъ, и потому всѣ находили его любезнымъ и остроумнымъ. Я стоялъ на опустѣломъ концѣ залы и слышалъ, что громко чему-то смѣются, особенно Принцъ. Я подошелъ ближе: Перини расказывалъ тѣ самые каламбуры, съ которыми мнѣ такъ не посчастливилось за столомъ; онъ передавалъ ихъ слово въ слово такъ, какъ я — и всѣ хохотали.

«Это безподобно!» воскликнулъ Принцъ, хлопая въ ладоши. «Неоцѣненно! не правда ли»? прибавилъ онъ, обращаясь къ маленькой игуменьѣ, которая стояла тутъ же и вмѣстѣ съ другими смѣялась.

«Да, и мнѣ оно показалось презабавно; за обѣдомъ вѣдь Антоніо расказывалъ намъ то же самое,» отвѣчала она. Въ этихъ словахъ, сказанныхъ съ свойственною ей кротостью, не было ничего

колкаго; я готовъ былъ упасть передъ нею на колѣна.

«Это прелесть,» сказала Франческа, говоря о каламбурахъ.

Сердце у меня сильно билось; я подошелъ къ окну и за длинными занавѣсами освѣжился на чистомъ воздухѣ.

Я привелъ это маленькое событіе только для примѣра. Каждый день случалось что-нибудь подобное; но маленькая игуменья была все также мила и любезна: она обращалась со мною дружески и привѣтливо, какъ будто желая этимъ вознаградить меня за холодность другихъ. Что до меня, то (я долженъ сознаться въ слабости) я былъ тщеславенъ, но недовольно гордъ. Вѣроятно тому причиной было мое происхожденіе, первое воспитаніе, какое я получилъ у Доменики, зависимость моего положенія, и наконецъ тѣ несчастныя отношенія, въ какихъ я находился съ самаго дѣтства, къ людямъ, оказывавшимъ мнѣ милости. Я безпрестанно твердилъ себѣ, какъ много я имъ обязанъ — и эта мысль связывала мнѣ языкъ и удерживала отъ исполненія намѣреній, внушаемыхъ гордостью. Въ этомъ конечно обнаруживалось благородство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слабость.

Все это вмѣстѣ отнимало у меня возможность перемѣнить мое положеніе. Всѣ сознавались, что я человѣкъ совѣстливый, знаю свои обязанности; но тутъ же прибавляли, что геній неспособенъ къ дѣльнымъ занятіямъ. Самые вѣжливые увѣряли, что у меня для того слишкомъ много души. Если они были искренни, то какое ложное понятіе они составляли себѣ о человѣкѣ съ чувствомъ! И такъ, по ихъ мнѣнію, безъ Принца мнѣ бы пришлось умереть съ голоду. Какъ высоко я долженъ былъ цѣнить его благодѣянія!

Около самаго этаго времени я написалъ большое стихотвореніе: *Давидъ*, въ которомъ высказалась вся душа моя. Безпрестанная борьба съ обстоятельствами, воспоминаніе о моемъ побѣгѣ въ Неаполь, событія въ этомъ городѣ, первая несчастная любовь моя — однимъ словомъ, все, что я пережилъ въ эти послѣдніе годы, еще усилило мою наклонность къ поэзіи. Были минуты, когда жизнь человѣческая представлялась мнѣ большой поэмой, въ которой я самъ игралъ роль. Самыя ничтожныя вседневныя обстоятельства, мои собственныя страданія, несправедливость окружающихъ — все для меня облекалось въ поэзію. Сердце мое чувствовало неодолимую потребность излиться — и Давидъ представлялъ мнѣ сюжетъ, соотвѣтствующій настроенію моего духа. Я живо чувствовалъ, что въ произведеніи моемъ было много хорошаго — и душа

моя преисполнилась благодарностью и любовью: при каждой строфѣ, которою я былъ доволенъ, я обращался къ вѣчному Богу и, какъ дитя, благодарилъ его за радостную минуту, за милость, какую онъ ниспослалъ мнѣ. Я былъ въ восторгѣ отъ своей поэмы—и то, что мнѣ, со стороны окружающихъ, казалось нападками, уже не такъ ожесточало меня. Когда они прочтутъ мое произведеніе, думалъ я, они увидятъ, до какой степени они были несправедливы, и они будутъ обращаться со мною совсѣмъ иначе. Наконецъ поэма моя была готова; но кромѣ меня еще ничей земной глазъ не видалъ ея. Она представлялась мнѣ чистымъ образомъ красоты, какъ Аполлонъ Ватиканскій; она была извѣстна только Богу да мнѣ; я не могъ дождаться того дня, когда мнѣ можно будетъ прочесть ее въ Тибрской академіи. Никто изъ домашнихъ не долженъ былъ знать о ней; но въ одинъ день — это было въ самомъ началѣ прибытія маленькой игуменьи въ родительскій домъ — Франческа и Фабіани были такъ добры и ласковы ко мнѣ, что я не могъ долѣе скрываться отъ нихъ: я расказалъ имъ о моей поэмѣ—и они изъявили желаніе прочесть ее сперва въ домашнемъ кругу. Я согласился, но не безъ сильнаго внутренняго волненія и какаго-то страха. Въ самый тотъ вечеръ, когда я долженъ былъ читать ее, пришелъ Габбасъ Дада. Франческа уговорила его остаться, увѣряя, что я за честь почту имѣть его въ числѣ своихъ слушателей. Ничего не

могло быть для меня противнѣе. Я зналъ его привязчивость и угрюмый, раздражительный нравъ; на прочихъ я также не слишкомъ надѣялся. Но внутреннее сознаніе превосходства моего труда оживляло меня. Маленькая игуменья, казалось, была въ восторгѣ: она ожидала много удовольствія отъ моего Давида. Едва ли при моемъ дебютѣ въ Сантъ Карло сердце у меня билось такъ сильно, какъ теперь при такомъ маломъ числѣ слушателей. Поэма моя должна была совершенно перемѣнить ихъ обо мнѣ мнѣніе, и вообще произвести переворотъ въ судьбѣ моей. Я предпринималъ родъ духовной операціи, и потому не удивительно, что я робѣлъ. Невольное чувство побудило меня изобразить только то, что я самъ испыталъ. Пастушеская жизнь Давида, которою начиналась поэма, была заимствована изъ воспоминаній моего дѣтства, житья моего у Доменики.

«Да это твой портретъ,» воскликнула Франческа; «это ты живой, каковъ ты былъ въ Кампаньѣ!»

«Это можно было знать напередъ,» сказалъ Принцъ; «ему никакъ невозможно обойтись безъ самаго себя. У него особенный родъ дарованія: онъ вездѣ умѣетъ выставлять только свою особу!»

«Стихи требуютъ нѣкоторой полировки,» замѣ-

тилъ Габбасъ Дада. «Я бы совѣтовалъ придерживаться Горацiева правила: работа должна лежать, лежать и лежать до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ надлежащей зрѣлости.»

Мнѣ казалось, что у моей прекрасной статуи уже раздавили руку. Я еще прочелъ нѣсколько стиховъ, но не услышалъ ничего, кромѣ холодныхъ, поверхностныхъ замѣчанiй. Тамъ, гдѣ я высказывалъ завѣтныя чувства моего сердца, говорили, что я заимствовалъ у другихъ поэтовъ; тамъ, гдѣ душа моя горѣла восторгомъ, гдѣ я надѣялся тронуть и увлечь, меня равнодушно привѣтствовали общими мѣстами и холодными, ничтожными замѣчанiями. Я остановился на концѣ второй пѣсни; далѣе я никакъ не могъ читать; поэма моя, представлявшаяся мнѣ до того времени прекраснымъ, одушевленнымъ созданiемъ, теперь являлась мнѣ безобразной куклой, Бефаной въ очкахъ и съ искаженными чертами лица. На образъ красоты дохнули ядомъ.

«Этотъ Давидъ не побьетъ Филистимлянина,» сказалъ Габбасъ Дада. Я однако удостоился отзыва, что въ моей поэмѣ есть нѣкоторыя очень порядочныя мѣста, и что я не дурно умѣю выражать все дѣтское, чувствительное. Я стоялъ молча и кланялся въ знакъ благодарности, какъ преступникъ, надъ которымъ произносятъ слово милости. «Не забывайте Горацiева правила,» сказалъ Габбасъ Да-

да; при этомъ онъ пожалъ мнѣ руку и назвалъ меня поэтомъ. Черезъ минуту, сидя смиренно и одиноко въ углу, я слышалъ, какъ онъ говорилъ Фабіани, что мой трудъ ничтожная, жалкая компиляція.

И-такъ ни меня, ни моей поэмы не хотѣли понять. Этаго душа моя не могла вынести: я удалился въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ каминѣ пылалъ огонь. Руки мои судорожно сжимали тетрадь. Всѣ мои надежды, всѣ мои мечты рушились въ одинъ мигъ. Я чувствовалъ себя ничтожнымъ существомъ, неудачнымъ отпечаткомъ того, по подобію котораго я былъ созданъ. То, что я любилъ и лелѣялъ, во что я вдохнулъ свою душу — моя живая мысль полетѣла въ каминъ: твореніе мое запылало въ багровомъ огнѣ.

«Антоніо! что вы дѣлаете!» воскликнула маленькая игуменья, которая вдругъ очутилась подлѣ меня. Съ этими словами она поспѣшно захватила уже загорѣвшіеся листы; но отъ быстроты движенія у нея поскользнулась нога — и она упала лицемъ къ огню. Мною овладѣлъ ужасъ. Она закричала. Я бросился къ ней и поднялъ ее. Поэма моя была уже вся обхвачена пламенемъ. Всѣ сбѣжались. Испугъ изображался на лицѣ каждаго.

«Jesus Maria!» воскликнула Франческа. Маленькая игуменья лежала какъ смерть на рукахъ

моихъ. Она приподняла голову и улыбаясь сказала матери: «я поскользнулась и только немного обожгла руку. Хорошо еще, что здѣсь случился Антоніо: безъ него могло бы быть гораздо хуже!» Я стоялъ какъ осужденный и не могъ выговорить ни слова. Фламинія сильно обожгла себѣ лѣвую руку. Все засуетилось. Никто изъ домашнихъ не узналъ объ уничтоженіи моей поэмы. Я ожидалъ, что меня въ-послѣдствіи спросятъ о ней, но ошибся; я не упоминалъ, а другіе давно забыли о ней. Уже ли всѣ? Всѣ, кромѣ одной—кромѣ Фламиніи, маленькой игуменьи. Я видѣлъ въ ней добраго генія, насъ всѣхъ охраняющаго. Своею добротою, своимъ участіемъ она умѣла пробуждать мою прежнюю ребяческую довѣренность. Я былъ почти неразлученъ съ нею. Болѣе двухъ недѣль у нея болѣла рука; рана не заживала; бѣдняжка страдала жестоко, но не менѣе того страдало и мое сердце.

«Фламинія, я много виноватъ передъ вами!» сказалъ я однажды, когда вдвоемъ мы были одни: вы изъ-за меня такъ страдаете!»

«Ради Бога замолчи, Антоніо!» отвѣчала она, «и никому не говори о томъ: ты напрасно себя обвиняешь; у меня поскользнулась нога — и послѣдствія могли бы быть гораздо хуже, если бы ты не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь. Это и родители

мои знаютъ. Они очень любятъ тебя, Антоніо, любятъ болѣе, нежели ты воображаешь!»

«Я имъ всѣмъ обязанъ,» отвѣчалъ я,» «и они каждый день еще увеличиваютъ цѣну своихъ благодѣяній.»

«Не говори о томъ, Антоніо; нельзя не сознаться, что они немного странно съ тобою обходятся, но вѣдь намѣреніе у нихъ доброе. Ты не можешь себѣ представить, какъ маменька мнѣ хвалила тебя. Вѣдь у насъ у всѣхъ есть недостатки, Антоніо! Ты самъ» — она пріостановилась — «хорошо ли было съ твоей стороны, что ты сжегъ свою прекрасную поэму?»

«Она не была достойна лучшей участи,» отвѣчалъ я; «мнѣ бы давно надобно было бросить ее въ огонь.»

Фламинія покачала головою. «Какой свѣтъ недобрый!» сказала она; «въ монастырѣ у сестеръ моихъ было гораздо лучше.»

«Правда,» возразилъ я; «я не такъ непороченъ и добръ, какъ вы: мое сердце чувствительнѣе къ одной каплѣ горечи, нежели къ цѣлой чашѣ благословеній, которую подноситъ рука милосердія.»

«Въ моемъ любезномъ монастырѣ гораздо лучше, нежели здѣсь, даромъ-что вы всѣ меня такъ любите,» говорила она часто, когда мы были одни. Я привязался къ ней всею душою; она была ангеломъ-хранителемъ моей непорочности и всѣхъ благородныхъ чувствъ моего сердца; мнѣ также казалось, что домашніе обходились со мною теперь ласковѣе и снисходительнѣе прежняго — и я зналъ, что этимъ обязанъ Фламиніи.

Она такъ охотно говорила о томъ, что всего болѣе занимало меня: о поэзіи, о божественно-чудной поэзіи; и я расказывалъ ей о великихъ геніяхъ, прославившихся на этомъ поприщѣ; иногда я увлекался—и уста мои становились краснорѣчивы; она сидѣла сложа руки, и молча смотрѣла мнѣ въ глаза, какъ ангелъ невинности.

«Какъ ты счастливъ, Антоніо!» сказала она однажды, «счастливѣе милліоновъ людей—и однако, мнѣ кажется, что должно быть такъ страшно принадлежать свѣту, какъ ты по своему призванію принадлежишь ему. Какъ много добра ты можешь принести людямъ словомъ своимъ, но и какъ много зла»! Она удивлялась, что поэты безпрестанно воспѣваютъ земныя дѣла и событія. По ея мнѣнію, Божій пророкъ, какимъ въ ея глазахъ былъ поэтъ, долженъ бы воспѣвать только вѣчнаго Бога и радости неба.

«Но вѣдь онъ и воспѣваетъ Бога въ его созданіяхъ,» отвѣчалъ я; «онъ прославляетъ его въ томъ, что Господь сотворилъ для своего прославленія.»

«Я не понимаю этаго, сказала Фламинія; «то, что я хотѣла сказать, ясно представляется моему воображенію, но выразить моей мысли я не умѣю. Говоря, что поэтъ долженъ бы воспѣвать только вѣчнаго Бога, я разумѣла, что ему слѣдовало бы высказывать только одно божественное въ мірѣ и въ нашемъ сердцѣ, чтобы привязывать насъ къ небу, а не къ порочному свѣту.» Потомъ она спросила, каково быть поэтомъ, и что̀ я чувствую импровизируя. Я объяснилъ ей, какъ могъ, состояніе души въ такія минуты.

«Что касается до мыслей, то мнѣ это понятно,» сказала она: «идеи раждаются въ душѣ, нисходятъ отъ Бога: этаго нельзя не чувствовать; но какъ слагаются стихи, какъ мысли облекаются въ выраженія — вотъ чего я не понимаю.»

«Въ монастырѣ вамъ вѣрно случалось иногда,» сказалъ я, «заучивать прекрасную духовную пѣсню, или священную легенду въ стихахъ. Не замѣчали лы вы, что часто, когда вы вовсе не думали о томъ, отъ какаго-нибудь ничтожнаго случая у васъ раждалась мысль, которая вдругъ припоминала вамъ то,

или другое затверженное стихотвореніе, такъ-что вы бы могли написать его слово въ слово; каждый предыдущій стихъ, каждая рифма какъ будто невольнымъ образомъ наводили васъ на слѣдующую рифму, и стихъ между-тѣмъ какъ самый смыслъ и содержаніе стиховъ ясно представлялись уму вашему. То же самое бываетъ съ поэтомъ-импровизаторомъ, по крайней мѣрѣ, сколько я знаю по опыту. Часто мнѣ кажется, что въ душѣ моей пробуждаются воспоминанія и слышатся колыбельныя пѣсни, которыя невольно я повторяю, какъ что-то давно мнѣ знакомое.»

«Я сама часто испытывала что-то подобное, но не умѣла ни себѣ, ни другимъ объяснить того,» отвѣчала Фламинія: «мною овладѣваетъ иногда какая-то безотчетная, томительная тоска, я сама не знаю о чемъ. И потому мнѣ всегда кажется, что мѣсто мое не въ этомъ шумномъ свѣтѣ. Жизнь въ немъ представляется мнѣ длиннымъ, чуднымъ сномъ. Вотъ почему я желаю воротиться въ свой монастырь, въ свою келью. Не знаю, отъ чего это происходитъ, Антоніо; но тамъ ко мнѣ такъ часто являлись Пресвятая Дѣва и Божественный Женихъ мой, а здѣсь я ихъ вижу такъ рѣдко; я безпрестанно мечтаю о земномъ счастіи, о мірскихъ радостяхъ и обо всемъ суетномъ. Я уже совсѣмъ не такъ добра, какъ прежде, когда была у сестеръ. Ахъ, зачѣмъ я давно къ

нимъ не воротилась! Знаешь, Антоніо — съ тобою вѣдь я могу говорить откровенно: душа моя лишилась своей невинности; я полюбила наряды, и мнѣ пріятно, когда говорятъ, что я хороша собою. Въ монастырѣ мнѣ всегда говорили, что такія мысли бываютъ только у порочныхъ людей.»

«Ахъ, зачѣмъ я не такъ же чистъ мыслями, какъ вы!» сказалъ я—и, поклонившись, поцѣловалъ у нея руку. Она расказала мнѣ, что еще помнитъ, какъ я носилъ ее на рукахъ, когда она была ребенкомъ, и рисовалъ для нея картинки.

«Которыя вы, минуту спустя, рвали на кусочки?» замѣтилъ я.

«Это было очень дурно съ моей стороны. И ты не сердился за то на меня?»

«Люди разорвали лучшія картины моего сердца, и я однако не сержусь на нихъ,» отвѣчалъ я — и она дружески провела рукою по моей щекѣ. Она съ каждымъ днемъ становилась все драгоцѣннѣе моему сердцу; всѣ кромѣ ея отвергали меня; она одна оказывала мнѣ участіе и пріязнь.

Все семейство удалилось на два самые жаркіе лѣтніе мѣсяца въ Тиволи. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ другими — конечно только для Фламиніи. Прекра-

сная природа, роскошные оливковые лѣса и шумящіе водопады поразили мою душу такъ же сильно, какъ море, когда я впервые увидѣлъ его близъ Террачина. Я чувствовалъ себя совершенно инымъ человѣкомъ вдали отъ душнаго Рима и безплодной Кампаньи. Свѣжій воздухъ и горы съ своими темными оливковыми лѣсами живо напоминали мнѣ Неаполь и пребываніе мое въ этомъ городѣ.

Фламинія съ своей камеръ-юнгферой часто прогуливалась на ослахъ вокругъ долины близъ Тиволи и позволяла мнѣ провожать себя. Она страстно любила природу — и я долженъ былъ срисовать для нея всю окрестность: безпредѣльную Кампанью, гдѣ Петровскій куполъ подымается на горизонтѣ; роскошные скаты горъ съ густыми оливковыми лѣсами и виноградными полями; самый Тиволи, лежащій высоко на скалѣ, изъ-подъ которой безчисленные пороги съ шумомъ и пѣною низвергаются въ бездну.

«Кажется,» сказала однажды Фламинія, когда мы опять вмѣстѣ прогуливались, «будто весь городъ стоитъ на отдѣльныхъ камняхъ, которые вода, того и гляди, увлечетъ съ собою. Между-тѣмъ мы, живущіе тамъ, ничего не знаемъ объ угрожающей намъ опасности и преспокойно танцуемъ и веселимся надъ разверзнутой могилой.»

«Это часто бываетъ съ людьми,» отвѣчалъ я; «Провидѣніе скрываетъ отъ нашихъ взоровъ могилу— и это счастіе. Шумящіе водопады, которые мы видимъ передъ собою, конечно заключаютъ въ себѣ что-то ужасное; но еще гораздо ужаснѣе вообразить Неаполь, подъ которымъ клокочетъ огонь, какъ здѣсь вода.»

Тутъ я сталъ расказывать о Везувіи, о моемъ восхожденіи на гору, о Помпеѣ и Геркуланѣ — и она съ жадностію слушала мои расказы. Дома я долженъ былъ еще подробнѣе описать ей всѣ эти чудеса по другую сторону болотъ.

О морѣ она не могла составить себѣ яснаго понятія; она видѣла его не иначе, какъ съ высоты горъ — и тогда оно представлялось ей серебряной лентой на краю горизонта. Я сказалъ ей, что оно походитъ на Божіе небо, если бъ можно было разостлать его на землѣ — и она, сложивъ руки, воскликнула: «ахъ, какъ прекрасно Богъ создалъ вселенную!»

«Потому-то, что она создана такъ прекрасно и наполнена столькими чудесами, не надобно бы отворачиваться отъ нея и запираться въ мрачный монастырь,» подумалъ я, но не смѣлъ сказать.

Мы однажды вмѣстѣ стояли у древняго храма

Сивиллы и оттуда любовались двумя высокими водопадами, которые, какъ свѣтящіяся облака, низвергались въ бездну; брызги воды образовали столбъ, который, возвышаясь между темною зеленью деревъ, упирался въ синій эѳиръ; солнечные лучи озарили столбъ — и на немъ явилась чудная радуга. Въ пещерѣ, надъ меньшимъ водопадомъ, свили себѣ гнѣзда стаи голубей; они большими кругами летали подъ нами надъ шумящей массой воды, которая падая разбивалась.

«Ахъ, какъ прекрасно!» воскликнула Фламинія; «кабы ты, Антоніо, воспѣлъ для меня то, что мы видимъ передъ собою; мнѣ бы хотѣлось послушать, какъ ты импровизируешь.»

Я вспомнилъ о мечтахъ моего сердца, которыя всѣ разбились, подобно водопаду, шумящему у ногъ нашихъ — и, по желанію Фламиніи, началъ пѣть: «Какъ этотъ потокъ воды, съ шумомъ течетъ жизнь человѣческая; но не въ каждой каплѣ ея отражается солнце: только надъ цѣлымъ мірозданіемъ, надъ цѣлымъ человѣчествомъ разлито сіяніе красоты.»

«Это слишкомъ печально,» сказала Фламинія; «тебѣ надобно пѣть для меня только тогда, когда ты чувствуешь себя въ веселомъ расположеніи духа. Не знаю, отъ чего, Антоніо, но на тебя я смотрю совсѣмъ иначе, нежели на всѣхъ другихъ му-

щинъ, которыхъ я знаю: тебѣ я могу говорить все, что думаю, почти какъ моимъ родителямъ.»

Я пользовался полною ея довѣренностью и платилъ ей тѣмъ же. Душа моя была такъ полна—ей надобно было излиться. Разъ вечеромъ я расказывалъ Фламиніи о моемъ дѣтствѣ, о странствіи въ катакомбахъ, о цвѣточномъ праздникѣ въ Дженцано, о смерти моей матери, и какъ мы съ нею попали подъ лошадей Принца. Она въ первый разъ слышала объ этомъ.

«О, Боже!» воскликнула она, «и-такъ мы виновны въ твоемъ несчастіи, бѣдный Антоніо!» Она взяла меня за руку и съ горестію смотрѣла мнѣ въ глаза. Старая Доменика очень интересовала ее. Она спросила, часто ли я ее навѣщаю — и я, къ стыду моему, долженъ былъ признаться, что, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, только два раза былъ у нея; но въ Римѣ я съ нею видѣлся нѣсколько разъ, и тогда обыкновенно — о чемъ конечно не стоитъ и говорить — дѣлился съ нею своимъ кошелькомъ.

Она безпрестанно просила меня расказать ей еще что-нибудь—и я расказалъ ей обо всемъ, что со мною было въ молодости—о Бернардо и Анунціатѣ. Чистый взоръ ея покоился на мнѣ—и она какъ будто смотрѣла мнѣ въ душу. Присутствіе невинности управляло моими словами. Я расказалъ Фламиніи

также о моемъ пребыванiи въ Неаполѣ и коснулся даже темной стороны его, но очень слегка — и однако расказъ мой привелъ ее въ ужасъ; она содрогалась при мысли о Сантѣ, этомъ змѣѣ-соблазнителѣ въ моемъ раѣ.

«Туда я бы никогда не желала попасть,» сказала она. Ни море, ни пылающая гора не могутъ искупить всего дурнаго и отвратительнаго, что этотъ городъ вмѣщаетъ въ себѣ. Ты добръ и богобоязливъ, и потому Мадонна осѣнила тебя своею благостiю.»

Я вспомнилъ объ изображенiи Матери Божiей, которое упало на меня со стѣны въ самую ту минуту, когда уста мои прикоснулись къ устамъ Санты; но этаго я не могъ расказать Фламинiи: тогда она не назвала бы меня добрымъ и богобоязливымъ. Я былъ грѣшенъ, какъ и всѣ люди; обстоятельства и милость Пресвятой Дѣвы охраняли меня; но въ минуту искушенiя я былъ слабъ, какъ всѣ тѣ, кого я зналъ.

Лара очень полюбилась ей. «Никто кромѣ ея и не могъ явиться тебѣ, когда ты былъ у Бога на небесахъ,» сказала она. «Я такъ живо представляю себѣ ее и ту лазоревую пещеру, въ которой ты въ послѣднiй разъ увидѣлъ ее.» Къ Анунцiатѣ она была какъ-то нерасположена. «Какъ она могла

любить этаго ужаснаго Бернардо? Я очень рада, что она не сдѣлалась твоей женою. Женщина, которая является такимъ образомъ передъ публикой, женщина — я не могу ясно выразить моей мысли... Я отдаю справедливость ея красотѣ, ея уму, ея превосходству надъ столькими другими женщинами; по мнѣ все-таки кажется, что она не по-тебѣ. Лара была бы для тебя ангеломъ-хранителемъ.»

Я долженъ былъ расказать ей о моемъ дебютѣ въ Сантъ-Карло; и ей казалось, что положеніе мое на сценѣ было гораздо ужаснѣе, нежели въ пещерѣ разбойниковъ. Я показалъ ей diario di Napoli, гдѣ была помѣщена критика на первыя мои импровизаціи. Какъ часто я послѣ того ее перечитывалъ!

Фламиніи весело было читать все, что стояло въ газетѣ незнакомаго ей города. Вдругъ она подняла на меня глаза и сказала: «ты мнѣ и не говорилъ, что Анунціата была въ Неаполѣ въ одно время съ тобою? Здѣсь стоитъ, что она явится на сценѣ завтра; слѣдовательно это было въ самый день твоего отъѣзда.»

«Анунціата!» воскликнулъ я и съ любопытствомъ вперилъ глаза въ листокъ, который столько разъ былъ у меня въ рукахъ; но я читалъ въ немъ только то, что касалось собственно до меня. «Я совсѣмъ не замѣтилъ этаго,» продолжалъ я — и мы

молча смотрѣли другъ на друга. «Слава Богу, что я не встрѣчалъ и не видѣлъ ея; вѣдь она уже болѣе не принадлежала мнѣ.»

«Ну, а теперь?» спросила Фламинія: «желалъ ли бы ты видѣть ее теперь?»

«Нѣтъ,» сказалъ я, «это было бы для меня невыносимая мука. Той Анунціаты, которая, какъ чистый идеалъ, до сихъ поръ живетъ въ моей памяти, я бы уже не нашелъ; она казалась бы мнѣ какимъ-то новымъ существомъ, которое пробудило бы во мнѣ только воспоминаніе о томъ, что я долженъ стараться забыть, на что я долженъ смотрѣть какъ на собственность смерти. Для меня Анунціата уже не существуетъ.»

Въ одинъ жаркій день послѣ обѣда, я вошелъ въ большую общую залу, гдѣ передъ окнами висѣли густою тканью зеленыя ползучія растенія. Фламинія сидѣла облокотясь и дремала, но такъ легко, что можно бы подумать, не для шутки ли она закрыла глаза. Грудь ея подымалась; ей что-то снилось. «Лара!» сказала она. Во снѣ она вѣрно перенеслась съ видѣніемъ моего сердца въ лучезарный міръ, гдѣ въ послѣдній разъ явилось мнѣ это видѣніе. На устахъ ея мелькнула улыбка; она открыла глаза. «Антоніо! ты здѣсь?» сказала она; «я спала и видѣла во снѣ — знаешь кого?»

«Лару!» отвѣчалъ я; видя Фламинію съ закрытыми глазами, я невольно вспомнилъ о ней.

«Именно,» отвѣчала она. «Я съ нею вдвоемъ летѣла черезъ необъятное, чудное море, о которомъ ты расказывалъ мнѣ. Въ водѣ стояла гора; тутъ мы увидѣли тебя, Антоніо: ты сидѣлъ грустный и задумчивый, какимъ ты часто бываешь. Слетимъ къ нему на гору, сказала Лара и опустилась на землю. Я хотѣла летѣть къ тебѣ вслѣдъ за нею, но воздухъ удерживалъ меня въ вышинѣ—и когда я била крыльями, чтобы приблизиться къ тебѣ, я только все болѣе и болѣе удалялась. Уже я думала, что я отъ васъ въ неизмѣримомъ разстояніи, какъ вдругъ ты очутился подлѣ меня и Лара съ тобою!»

«Такъ же неожиданно мы всѣ соединяемся за гробомъ!» сказалъ я. «Кто исчислитъ богатства смерти: все, что у насъ есть драгоцѣннаго сердцу, дѣлается ея собственностью.» Я сталъ говорить съ Фламиніей о милыхъ, похищенныхъ у меня смертію. Моя мысль, моя любовь также принадлежатъ ей. Мы часто возвращались къ этимъ воспоминаніямъ.

Она спросила, буду ли я вспоминать и о ней, когда мы разстанемся. Я зналъ, что скоро она должна воротиться въ монастырь, чтобы постричь-

ся въ монахини и сдѣлаться невѣстой Христа — и тогда мы уже съ нею никогда болѣе не увидимся.

Глубокая горесть овладѣла мною при этой мысли; я живо чувствовалъ, что всёю душею привязался къ Фламиніи.

Разъ я гулялъ вмѣстѣ съ нею и съ Франческой въ саду у Villa d'Este, гдѣ растутъ исполинскіе кипарисы, и мы вошли въ длинную аллею, украшенную фонтанами. Оборванный нищій лежалъ на землѣ и какъ будто пололъ; увидя насъ, онъ сталъ просить подаянія. Я далъ ему паоло; Фламинія, ласково улыбаясь, дала ему столько же.

«Мадонна да наградитъ васъ, Eccellenza, васъ и прекрасную невѣсту вашу,» закричалъ онъ намъ вслѣдъ.

Франческа громко засмѣялась; огонь пробѣжалъ по моей крови; я не смѣлъ взглянуть на Фламинію. Въ душѣ моей пробудилась мысль, въ которой я однако не смѣлъ сознаться передъ собою. Незамѣтно, но глубоко вросла Фламинія въ мое сердце; я чувствовалъ, что оно истечетъ кровью, когда я разстанусь съ нею. Она была единственное существо, къ которому я еще былъ привязанъ душею, которое откликалось на мои мысли и чувства. Можетъ быть, то была любовь? Но то, что я къ ней ощу-

щалъ, не походило на чувство, какое пробудила во мнѣ Анунціата, ни на то, какое внушила мнѣ Лара, тогда-какъ послѣднія два чувства имѣли что-то сходное между собою. Въ Анунціатѣ меня прельщала красота, исполненная одушевленія; идеально-прекрасное поразило меня съ перваго взгляда въ Ларѣ и привело въ волненіе мои чувства. Но не такова была моя любовь къ Фламиніи. То не была стремительная, жгучая страсть; то была тихая дружба, живѣйшая любовь брата къ сестрѣ. Я живо чувствовалъ мои отношенія къ ея родственникамъ; я зналъ, что участь ея невозвратно рѣшена—и мною овладѣвало отчаяніе; мысль, что я потеряю ее, была для меня невыносима. Но я не жаждалъ прижать ее къ моему сердцу, или слиться съ нею душей въ пламенномъ поцѣлуѣ, какъ прежде съ Анунціатой, какъ съ слѣпой дѣвушкой въ Пестумѣ, съ этимъ совершенно чуждымъ для меня сущесвомъ, къ которому меня влекла невидимая, неодолимая сила.

Слова нищаго безпрестанно раздавались въ душѣ моей; я старался угадывать малѣйшія желанія Фламиніи и вездѣ слѣдовалъ за нею, какъ тѣнь ея. Въ присутствіи другихъ я становился мраченъ и грустенъ. Я чувствовалъ всю тяжесть цѣпей, стѣснявшихъ меня; я былъ молчаливъ и разсѣянъ — и только передъ Фламиніей уста мои становились

краснорѣчивы. Она была такъ дорога моему сердцу — и я долженъ былъ лишиться ея.

«Антоніо!» сказала она однажды: «ты боленъ, или что-нибудь съ тобою случилось. Отъ чего ты не хочешь сказать мнѣ? Зачѣмъ, зачѣмъ ты скрываешься отъ меня?» Она была предана мнѣ всею душею, и видѣла во мнѣ вѣрнаго, любящаго брата; между-тѣмъ всѣми моими рѣчами управляло желаніе заставить ее полюбить свѣтъ. Я расказалъ ей, какъ я въ одно время самъ желалъ поступить въ монахи, и какъ бы я былъ несчастливъ, если бъ это желаніе исполнилось: рано, или поздно, сердце беретъ права свои.

«Что до меня,» сказала она, «то мысль, что я скоро ворочусь къ благочестивымъ сестрамъ моимъ, наполняетъ меня блаженствомъ. Тамъ мнѣ такъ привольно и хорошо. Я часто буду вспоминать о томъ времени, когда я жила въ свѣтѣ, обо всемъ, что ты мнѣ расказывалъ, о тебѣ самомъ и о твоей дружбѣ ко мнѣ. Я уже впередъ наслаждаюсь этими прекрасными грезами. Я буду молиться за тебя, буду молиться, чтобы порочный свѣтъ не развратилъ тебя, чтобы ты былъ счастливъ, чтобы пѣсни твои раздавались на радость міру, и чтобы ты позналъ всю благодать милосердаго Бога надъ тобою и всѣми нами.»

Слезы навернулись у меня на глазахъ, и я съ глубокою горестію сказалъ: «тогда уже намъ никогда нельзя будетъ видѣться.»

«Мы увидимся у Бога и Мадонны,» сказала она съ ангельскою улыбкою. «Тамъ ты мнѣ покажешь Лару; тамъ глаза ея откроются свѣту. Ахъ, какъ хорошо должно быть у Мадонны, лучше, нежели гдѣ-либо здѣсь на землѣ!»

Мы возвратились въ Римъ. Я слышалъ, что Фламинія должна черезъ нѣсколько недѣль отправиться въ монастырь и вскорѣ послѣ того произнести обѣтъ. Сердце у меня разрывалось отъ горести; но я не смѣлъ обнаруживать своихъ чувствъ. Какъ все мнѣ будетъ казаться пусто и безотрадно безъ нея; какъ одиноко я буду стоять въ мірѣ; какъ сердце мое будетъ тосковать по ней! Но я скрывалъ свои страданія; я старался быть веселъ и не показывать того, что происходило въ моей душѣ.

Всѣ говорили о торжественномъ обрядѣ ея постриженія въ монахини, какъ о радостномъ праздникѣ. Уже ли она въ самомъ дѣлѣ оставитъ насъ? Бѣдняжка! На нее вѣрно дѣйствовали хитростями, ослѣпили ея разумъ. Я воображалъ, какъ отпадутъ ея длинные прекрасные волосы; какъ ее, полную жизни, одѣнутъ въ саванъ; она услышитъ свой погребальный звонъ и изъ мертвыхъ возстанетъ

уже невѣстою неба. Въ порывѣ отчаянія, я все это представилъ Фламиніи; я просилъ ее обдумать, что она дѣлаетъ; просилъ не зарывать себя заживо въ могилу.

«Ради Бога, не говори такъ, Антоніо!» отвѣчала она съ необычайною важностью. «Ты слишкомъ привязанъ къ свѣту. Подыми свои взоры къ небу!» Она сильно закраснѣлась и, какъ будто испугавшись строгихъ словъ своихъ, взяла меня за руку и съ несказанною кротостью прибавила: «вѣдь ты не хотѣлъ огорчить меня, Антоніо!»

Тутъ я упалъ передъ нею на колѣна; она стояла передо мной какъ святая — и я былъ готовъ боготворить ее. Всю слѣдующую ночь я провелъ въ слезахъ; я упрекалъ себя за сильныя чувства мои къ ней — вѣдь она была невѣстою церкви. Я каждый день видѣлся съ нею, и каждый день цѣнилъ ее все выше: она обходилась со мною какъ съ братомъ, останавливала на мнѣ свои взоры, протягивала мнѣ руку и часто говорила, что стосковалась по мнѣ, и что я дорогъ ея сердцу. Мнѣ стоило ужасныхъ усилій, чтобы не показать мрачнаго унынія, таившагося въ душѣ моей; но это мнѣ удавалось: никто не замѣчалъ моей горести. Да пошлетъ Богъ отраду смерти всякому сердцу, страждущему такъ, какъ я страдалъ!

Минута разлуки представлялась мнѣ со всѣми ея ужасами. Вотъ почему злой духъ безпрестанно шепталъ мнѣ: «ты любишь ее.» А между-тѣмъ я любилъ ее совсѣмъ не такъ, какъ Анунціату. Сердце мое при воспоминаніи о ней билось не такъ, какъ когда уста мои прикасались къ челу Лары. «Скажи Фламиніи, что ты не можешь жить безъ нея; вѣдь она же привязана къ тебѣ, какъ сестра къ брату. Скажи, что ты любишь ее. Принцъ и все семейство его проклянутъ тебя. Они прогонятъ тебя какъ преступника; но вѣдь и съ нею ты все теряешь: выборъ не труденъ.»

Нѣсколько разъ я былъ готовъ открыться Фламиніи въ любви; но у меня не ставало духу; я молчалъ: горячка, смертельная горячка бушевала у меня въ крови, мутила мысли мои.

Въ палаццо дѣлались приготовленія къ блестящему балу, къ цвѣточному празднику въ честь несчастной жертвы. Я видѣлъ ее въ пышномъ, великолѣпномъ нарядѣ; она была невыразимо-плѣнительна.

«Будь веселъ какъ мы всѣ, Антоніо!» говорила она. «Когда я вижу, что ты такъ грустенъ, и мнѣ становится грустно; изъ-за тебя я часто, сидя въ своей кельѣ, буду вспоминать о свѣтѣ, который теперь навсегда оставляю; а вѣдь это грѣхъ, Анто-

ніо! Обѣщай мнѣ, что ты не будешь печалиться. Обѣщай простить моимъ родителямъ ихъ строгость къ тебѣ. Они желаютъ тебѣ добра. Обѣщай мнѣ, что ты будешь прощать людямъ ихъ несправедливости; что ты всегда останешься добръ и богобоязливъ какъ теперь: тогда и мнѣ можно будетъ вспоминать о тебѣ; Мадонна такъ милостива и добра.»

Такія рѣчи вѣяли смертью на мое сердце. Я еще какъ будто вижу ее въ послѣдній вечеръ передъ ея отъѣздомъ: она была такъ спокойна; я помню, какъ она поцѣловала отца своего, и съ какимъ равнодушіемъ старый Принцъ говорилъ о разлукѣ съ нею; слыша его, иной подумалъ бы, что дѣло идетъ о кратковременной поѣздкѣ.

«Ты еще не простилась съ Антоніо!» сказалъ Фабіани. Онъ одинъ изъ всего семейства казался тронутъ. Я поспѣшно подошелъ къ ней и наклонился, чтобы поцѣловать у нея руку.

«Антоніо!» сказала она сладостнымъ голосомъ — и слезы брызнули у меня изъ глазъ; «будь счастливъ!»

Я едва помнилъ себя; я хотѣлъ удалиться. Взоръ мой въ послѣдній разъ остановился на ея кроткомъ, безмятежномъ лицѣ.

«Прощай!» сказала она безъ словъ, безъ звука; потомъ, наклонившись надо мною, поцѣловала меня въ лобъ и прибавила: «благодарю тебя за всю твою любовь, любезный братъ мой.»

Болѣе я ничего не помню. Знаю только, что я выбѣжалъ изъ залы и очутился въ своей комнатѣ. Тутъ я могъ плакать на свободѣ. Мнѣ казалось, что подо мною рушился цѣлый міръ. — — И я опять увидѣлъ ее, увидѣлъ, когда настало время. Солнце сіяло такъ весело, такъ свѣтло. Я видѣлъ, какъ Фламинія, во всемъ блескѣ роскоши и молодости, шла между отцемъ и матерью къ алтарю; я слышалъ пѣніе, и мнѣ казалось, будто вокругъ меня много людей; но ясно мнѣ представлялся только одинъ блѣдный, кроткій ликъ дѣвушки: передъ главнымъ алтаремъ вмѣстѣ съ канониками стоялъ на колѣнахъ ангелъ. Я видѣлъ, камъ съ головы ея сняли драгоцѣнное покрывало; видѣлъ, какъ пышные волосы по плечамъ опустились на землю; я слышалъ звукъ, когда ножницами ихъ рѣзали. И вотъ съ нея совлекли богатую одежду; она легла въ гробъ; ее накрыли саваномъ и чернымъ покрываломъ съ изображеніями мертвыхъ головъ. Церковный колоколъ возвѣстилъ погребеніе; раздалась похоронная пѣснь по усопшей. Она умерла; она для свѣта была закрыта въ могилѣ. Вотъ поднялась черная рѣшетка передъ хорами монастыря. Монахини въ бѣломъ одѣяніи запѣли новой сестрѣ привѣтствіе;

епископъ подалъ ей руку; умершая возстала изъ гроба невѣстою неба. Ее нарекли Елисаветой. Я видѣлъ прощальный взоръ, брошенный ею на собраніе; видѣлъ, какъ она подала руку монахинѣ, стоящей всѣхъ ближе къ ней — и живая вошла въ могилу. Черная рѣшетка опустилась. Еще мелькнулъ передо мною ея образъ, потомъ край ея одежды — и она скрылась.

X.

Старая Доменика. Открытіе. Вечеръ въ Непи. Терни. Пѣснь пловца. Венеція.

Въ палаццо Боргезе принимали поздравленія: вѣдь Фламинія-Елисавета была невѣстою неба. Принужденная улыбка, блуждавшая на устахъ Франчески, не скрывала ея печали, и видно было, что спокойствіе, какое она старалась сохранить на лицѣ своемъ, улетѣло изъ ея сердца. Фабіани съ растроганнымъ видомъ сказалъ мнѣ: «Ты лишился своей лучшей покровительницы; ты недаромъ опечаленъ. Она просила меня дать нѣсколько скуди Доменикѣ. Ты вѣрно расказывалъ ей о своей доброй воспитательницѣ. Отдай ей эту бездѣлицу отъ Фламиніи.»

Смерть какъ змѣя обвилась вокругъ моего сердца; я чувствовалъ отвращеніе къ жизни — и меня это ужасало; я готовъ былъ сдѣлаться самоубійцею. Въ домѣ все было такъ мрачно и пусто. Скорѣе на воздухъ — туда, гдѣ я провелъ мое первое дѣтство, гдѣ Доменика пѣла для меня колыбельныя пѣсни, гдѣ я игралъ, гдѣ я мечталъ.

Мертво и печально разстилалась передо мною обгорѣлая Кампанья: ни одинъ зеленый листокъ не оживлялъ сердца надеждою; желтый Тибръ катилъ свои волны въ море и тамъ исчезалъ. Вотъ знакомая гробница съ каморкою; густой плющъ по-прежнему покрываетъ ея крышу и стѣны: это тотъ маленькій міръ, который въ дѣтствѣ я называлъ своимъ. Дверь была отворена; грустно-сладостное чувство преисполнило мое сердце; я думалъ о привязанности ко мнѣ Доменики, и какъ она обрадуется, когда увидитъ меня. Я уже цѣлый годъ не былъ у нея — и въ послѣдній разъ видѣлъ ее, безъ малаго восемь мѣсяцевъ тому назадъ, въ Римѣ. Какъ она тогда просила меня вскорѣ опять навѣстить ее! Я часто вспоминалъ о ней, часто говорилъ про нее съ Фламиніей; но пребываніе мое въ Тиволи, а потомъ душевное волненіе были причиной, что я не могъ ранѣе исполнить желаніе моей старушки и мое собственное. Я въ воображеніи уже слышалъ всѣ ея радостныя восклицанія. Приблизившись къ дверямъ, я пошелъ на-цыпочкахъ, что-

бы она не замѣтила, какъ я войду. Я заглянулъ въ каморку; у огня, разведеннаго на полу, стоялъ мальчикъ и усердно раздувалъ пламя подъ желѣзнымъ котломъ. Онъ оглянулся и пристально сталъ смотрѣть на меня: это былъ Піетро, тотъ самый ребенокъ, котораго я нѣкогда качалъ въ колыбели. «Sant Giuseppe!» воскликнулъ онъ, радостно подбѣжавъ ко мнѣ. «Вы ли это, Eccellenza? Вы уже давно, очень давно не изволили быть у насъ.»

Я протянулъ ему руку, и онъ хотѣлъ поцѣловать ее. «Полно, любезный Піетро», сказалъ я; «ты вѣрно думаешь, что я забылъ моихъ старыхъ друзей; но я могу увѣрить тебя, что совсѣмъ нѣтъ.»

«Это говорила и добрая наша Доменика,» отвѣчалъ онъ.» Боже мой, какъ бы она вамъ обрадовалась!»

«А гдѣ же она?» спросилъ я.

«Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ она лежитъ въ могилѣ! отвѣчалъ Піетро. Она умерла, пока вы были въ Тиволи. Больна она была только нѣсколько дней — и все время только и говорила, что о своемъ миломъ Антоніо. Простите, Eccellenza, что я такъ называю васъ; она васъ такъ горячо любила. Дай Богъ мнѣ еще разъ увидѣть его прежде, нежели гла-

за мои навѣки закроются, говорила она, и все поджидала васъ. Видя, что конецъ ея приближается, я разъ послѣ-обѣда пошелъ въ Римъ — я зналъ, что вы не прогнѣваетесь на меня за мою смѣлость — я хотѣлъ просить васъ тотчасъ ѣхать со мною къ нашей старушкѣ; но въ палаццо Боргезе я узналъ, что вы и все семейство Принца уѣхали въ Тиволи. Я съ грустнымъ чувствомъ немедленно отправился назадъ, и когда пришелъ домой, ея уже не было.» Онъ закрылъ лице руками и горько заплакалъ. Слова его ложились тяжело мнѣ на сердце: она перешла въ вѣчность, думая обо мнѣ, между-тѣмъ, какъ мои мысли въ это время были такъ далеко отъ нея. «Кабы я по крайней мѣрѣ простился съ нею передъ отъѣздомъ въ Тиволи! Я дурной человѣкъ!» Я оставилъ Піетро кошелекъ Фламиніи и всѣ деньги, какія были при мнѣ; онъ упалъ передо мною на колѣна и называлъ меня своимъ ангеломъ-хранителемъ. Его слова отдавались въ моемъ сердцѣ какъ злая насмѣшка. Я оставилъ Кампанью въ глубокомъ огорченіи и съ растерзаннымъ сердцемъ. Я не помню, какъ я добрался до дому.

Цѣлыхъ три дня я лежалъ безъ памяти и въ сильной горячкѣ. Не знаю, что я говорилъ въ бреду; но Фабіани часто сидѣлъ у моей постели. За мною ухаживала глухая Фенелла. О Фламиніи никогда не было и помину. Я больной воротился изъ

Кампаньи и слегъ въ постель, какъ скоро обнаружилась горячка.

Силы мои возвращались медленно. Напрасно старался я казаться веселымъ и бодрымъ. Когда докторъ въ первый разъ позволилъ мнѣ выйти на воздухъ, прошло уже около шести недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Фламинія произнесла священный обѣтъ. Я почти невольно пошелъ къ Porta pia. Взоры мои были обращены къ Qvadri Fontanae; но я не рѣшился пройти мимо монастыря. Только нѣсколько дней спустя, вечеромъ, когда новый мѣсяцъ засвѣтился на небѣ, я послѣдовалъ неодолимому влеченію сердца. Передо мною были сѣрыя стѣны монастыря и рѣшетчатыя окна — это былъ гробъ Фламіи. Зачѣмъ же мнѣ не посѣщать могилу умершей? думалъ я, оправдываясь передъ самимъ собою. Каждый вечеръ я возвращался сюда; но когда мнѣ случалось встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, я говорилъ, что хожу прогуливаться въ вилла Албани. «Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится», шептало мое сердце, «долго мнѣ не вытерпѣть этихъ страданій.» И я незамѣтно очутился у цѣли.

Было необыкновенно темно; на стѣнѣ отражался лучь свѣта, пробивавшійся изъ окна монастырскаго зданія. Я прислонился къ угловому дому и, уставивъ глаза на свѣтлую точку, думалъ о Фламиніи. «Антоніо!» сказалъ вдругъ кто-то подлѣ ме-

я. «Что ты тутъ дѣлаешь!» Это былъ Фабіани. Поідемъ со мною домой! «Я согласился. Во всю дорогу мы не сказали другъ другу ни слова. Я налъ, что таіна моя извѣстна ему такъ же хорошо, какъ и мнѣ самому. Я былъ неблагодарное существо и не смѣлъ поднять на него глаза. Мы были одни въ комнатѣ.

«Ты все еще боленъ, Антоніо!» сказалъ онъ довольно сурово. «Тебѣ нужно движеніе и разсѣяніе — и я полагаю, что для тебя было бы совсѣмъ нехудо пошататься немного по бѣлу свѣту. Ты вѣдь разъ уже пустился-было летѣтъ на крыльяхъ свободы. Можетъ быть, мнѣ бы не слѣдовало птичку снова сажать въ клѣтку. Человѣку вѣдь всегда надобно поставить на-своемъ. Попадетъ онъ послѣ въ бѣду — то ужъ ни на кого и не жалуйся: своя вина. Ты уже въ такихъ лѣтахъ, что можешь самъ управлять собою. Мнѣ кажется, маленькое путешествіе было бы для тебя очень полезно; докторъ того же мнѣнія. Ты не знаешь ничего, кромѣ Неаполя Поѣзжай на сѣверъ Италіи. Издержки я беру на себя. Это исцѣлитъ тебя лучше всякаго лекарства, и»—прибавилъ онъ съ важностью, съ строгостью, какой я прежде не замѣчалъ въ немъ—» я увѣренъ, что ты никогда не забудешь благодѣяній нашихъ; что слѣпая страсть, или легкомысліе не доведутъ тебя до чего-либо такаго, что бы могло осрамить, обесчестить, или огорчить насъ. Чело-

вѣкъ можетъ все, чего хочетъ, лишь бы только онъ твердо хотѣлъ добра.

Слова его поразили меня какъ молнія; я упалъ на колѣна и прижалъ къ губамъ его руку. «Я знаю», сказалъ онъ почти иронически, «что мы никогда не умѣли цѣнить тебя, что мы всегда были къ тебѣ строги и несправедливы. Но ты не найдешь никого, кто бы такъ искренно желалъ тебѣ добра, какъ мы. Съ тобою будутъ обращаться ласковѣе, будутъ говорить тебѣ больше любезностей; но никто такъ, какъ мы, не будетъ заботиться о твоемъ благѣ. Я тебѣ даю годъ осмотрѣться въ свѣтѣ; потомъ мы увидимъ, что изъ тебя вышло и до какой степени мы были несправедливы къ тебѣ.» Онъ удалился.

Уже ли я еще не осушилъ до дна чаши страданій! Уже ли міръ готовитъ мнѣ новыя капли яда! Единственная отрада, какая оставалась мнѣ — свобода летѣть въ міръ Божій — и ее какъ ядъ вливали въ глубокія раны моего сердца. Классическій Римъ, роскошный югъ, столь богатыя цвѣтами воспоминанія, я оставляю васъ! Я черезъ Аппенины лечу на сѣверъ: тамъ лежитъ снѣгъ на высокихъ горахъ. Холодъ, дующій съ Альповъ, освѣжитъ мою распаленную кровь. На сѣверъ, къ пловучей Венеціи, къ прекрасной невѣстѣ моря! Боже, не дай мнѣ никогда возвращаться въ Римъ, въ могилу моихъ

воспоминаній! Прости, мое жилище, прости, родина моихъ предковъ! Карета покатилась по пустынной Кампаньѣ. Петровскій куполъ скрылся за высотами. Мы проѣхали мимо Monte Soracte, черезъ горы къ тѣсному Непи. Ночь была лунная. Передъ входомъ въ гостинницу монахъ читалъ проповѣдь. Толпа повторяла его viva santa Maria и съ пѣніемъ провожала его по улицамъ. Многолюдство пугало меня. Старые водопроводы, густо поросшіе ползучими растеніями, и темные оливковые лѣса сообщали окрестности что-то мрачное, соотвѣтствующее настроенію моей души. Я вышелъ изъ тѣхъ же самыхъ воротъ, въ которыя вошелъ. Тутъ я увидѣлъ передъ собою большую руину укрѣпленнаго замка или монастыря. Черезъ разрушенные своды пролегала большая дорога. Узкая тропинка вела съ дороги въ чащу лѣса. Плющъ и волосатикъ вились вдоль стѣнъ уединенной кельи. Я вошелъ въ обширную залу, гдѣ высокая трава покрывала обломки камней и обвалившіяся капители. Широколистыя виноградныя лозы кивали въ окна, гдѣ только мѣстами видны были куски расписанныхъ стеколъ. Кусты и деревья всюду покрывали стѣны; лучи мѣсяца падали на картину al fresco, гдѣ былъ представленъ св. Себастіанъ, окровавленный и пронзенный стрѣлами. Въ залѣ безпрестанно раздавались какъ будто звуки органа. Я пошелъ въ ту сторону, откуда они слышались и, пройдя узкія монастырскія двери, очутился посреди миртовой ро-

щи и роскошнаго виноградника, близехонько отъ глубокой пропасти, гдѣ съ отвѣсной стѣны низвергается водопадъ, котораго бѣлая пѣна при свѣтѣ луны казалась еще бѣлѣе. Это романтическое мѣсто сильно поражаетъ воображеніе. Но горесть конечно бы скоро изгладила его изъ моей памяти, если бы зрѣлище, тутъ же представившееся глазамъ моимъ, не напечатлѣло его кровавыми чертами въ моемъ сердцѣ. Я пошелъ по узкой, почти совершенно заросшей тропинкѣ, ведущей къ пропасти и вышелъ на широкую дорогу. Тутъ надъ высокой бѣлой стѣпой, освѣщенной луннымъ сіяніемъ, за рѣшеткой, я увидѣлъ три блѣдныхъ лица: эти были головы разбойниковъ, которыя, какъ въ Римѣ на Порта дель Анджело, выставляются здѣсь въ желѣзной клѣткѣ, чтобы служить страшилищемъ народу. Для меня въ этомъ видѣ не было ничего ужасающаго: въ первой моей молодости онъ привелъ бы меня въ содроганіе; но несчастіе ведетъ къ философіи. Удалая голова, носившая въ себѣ замыслы убійства и крови — смѣлый орелъ горъ теперь превратился въ робкую, безгласную птицу, которая, подобно другимъ, бывшимъ тутъ казненнымъ птицамъ, смирно и уничиженно сидѣла въ своей клѣткѣ. Я подошелъ ближе. Эти люди конечно были еще только на-дняхъ казнены: еще можно было ясно видѣть всѣ черты лица ихъ. Я остановилъ взоры на среднемъ — и пульсъ мой забился сильнѣе: это была голова женщины. Цвѣтъ

лица у нея былъ темно-желтый, глаза полу-открытые; длинные, длинные сѣдые какъ лунь волосы просовывались черезъ рѣшетку и развѣвались на вѣтру. Я взглянулъ на прибитыя къ стѣнѣ каменныя дощечки, гдѣ обыкновенно выставляются имена казненныхъ и ихъ преступленія. На одной стояло: Фульвія; тутъ же было означено мѣсто ея рожденія: Фраскати. Вся душа моя была потрясена; я отошелъ на нѣсколько шаговъ. И-такъ это была Фульвія, та самая таинственная женщина, которая спасла мнѣ жизнь, доставила мнѣ средства ѣхать въ Неаполь, однимъ словомъ—была геніемъ-хранителемъ моей жизни. Эти посинѣвшія уста когда-то коснулись чела моего; они разили толпу пророческими словами; они возвѣщали жизнь и смерть. Теперь они умолкли—и еще наводили ужасъ своимъ молчаніемъ. Ты мнѣ пророчила счастіе. Смѣлый орелъ твой лежитъ на землѣ съ раздавленными крыльями; онъ никогда не долеталъ до солнца. Въ борьбѣ съ своимъ несчастіемъ, онъ погружается въ великое озеро жизни. У него нѣтъ силъ взлетѣть въ вышину. Я залился слезами — и, повторяя имя казненной прорицательницы, медленно пошелъ назадъ подъ пустынными сводами. Никогда не забуду я этаго вечера въ Непи.

На другое утро мы отправились въ Терни, мѣсто, знаменитое величайшимъ и прекраснѣйшимъ водопадомъ во всей Италіи. Я верхомъ поѣхалъ за

городъ черезъ густой оливковый лѣсъ, первый, который мнѣ случилось здѣсь видѣть. Густыя облака висѣли надъ вершинами горъ. Вся дорога отъ Рима на сѣверъ казалась мнѣ скучною и непривлекательною: здѣсь не было ни цвѣтущихъ болотъ, ни померанцевыхъ садовъ и пальмовыхъ деревьевъ, которыми я восхищался въ Террачинѣ. Но не сердце ли мое сообщало мрачный колоритъ всему, что меня окружало?

Мы ѣхали черезъ садъ; прекрасная аллея, обсаженная роскошными померанцевыми деревьями, тянулась между скалами и рѣкою, которая мчалась съ быстротою стрѣлы. Вдругъ я увидѣлъ между горъ высоко подымавшееся облако водяной пыли, украшенное радугою самыхъ блестящихъ цвѣтовъ. Мы стали взбираться между дикимъ розмариномъ и миртами. Съ вершины горы по скаламъ низвергалась огромная масса воды, а рядомъ съ нею, будто серебряный поясъ, свѣтился небольшой рукавъ той же рѣки. Подъ горою водопадъ соединялся съ рѣкой и, образуя широкій каскадъ, будто молочный потокъ изливался въ черную бездну. Я вспомнилъ каскады у Тиволи, гдѣ я импровизировалъ для Фламиніи. Шумъ водопада раздавался въ ушахъ моихъ какъ могучіе звуки органа; онъ пѣлъ о моей потерѣ, о моихъ страданіяхъ: терзаться, умирать, превращаться въ ничто — вотъ законы природы.

«Здѣсь, въ прошломъ году, разбойники убили какаго-то Англичанина,» сказалъ нашъ проводникъ; «они были изъ той шайки, что называется *съ Сабинскихъ горъ*, хоть она и разсѣяна по всѣмъ горамъ отъ Рима до самаго Терни. Нынче полиція все насторожѣ, и ей удалось захватить трехъ изъ этихъ несчастныхъ: я видѣлъ, какъ ихъ скованныхъ везли на телегѣ въ городъ. У воротъ сидѣла всезнающая Фульвія съ Сабинскихъ горъ, какъ мы называли ее: она лѣтами была уже стара, а духомъ не перемѣнялась и знала много такаго, за что иному монаху досталась бы кардинальская шапка. Она предсказывала преступникамъ будущность въ двусмысленныхъ выраженіяхъ. Послѣ говорили, что это были тайные знаки, потому-что она находилась съ ними въ тайныхъ сношеніяхъ. Вчера схватили старуху съ нѣсколькими другими разбойниками; часъ ея пробилъ: теперь голова ея торчитъ да скалитъ зубы надъ городскими воротами въ Непи.» Казалось, что природа и люди сговорились преслѣдовать мою душу черными мыслями. Я бы готовъ былъ на крыльяхъ вѣтра помчаться черезъ окаянную страну эту. Темные оливковые лѣса еще усиливали мое уныніе; горы стѣсняли мнѣ грудь. Я нетерпѣливо желалъ достигнуть моря, гдѣ свѣжій вѣтеръ навѣваетъ прохладу, гдѣ одно небо стелется подъ ногами, другое надъ головою. Кровь моя горѣла любовью; сердце томилось желаніемъ. Два раза въ жизни загоралось въ груди моей чистое, священное пламя. Я

взглянулъ на Аннунціату — и привязался къ ней всѣми силами только-что разцвѣтшей души моей; но она любила другаго. Фламинія медленно вросла въ мое сердце; это было не ослѣпленіе, не минутный восторгъ: я позналъ цѣну алмаза. Каждый разъ, когда она братски протягивала мнѣ руку, и я прижималъ ее къ губамъ моимъ, каждый разъ, когда она, нѣжно утѣшая меня, просила быть твердымъ въ искушеніяхъ свѣта, она все глубже вонзала стрѣлу въ мое сердце. Я любилъ ее не какъ невѣсту — и какъ между-тѣмъ чувствовалъ, что не могъ бы видѣть ее въ объятіяхъ другаго! Теперь она умерла, по крайней мѣрѣ для свѣта. Другой уже не прижметъ ее къ своему сердцу, не напечатлѣетъ на устахъ поцѣлуя, не будетъ обладать ею: какъ судьба ни была ко мнѣ жестока, она однако избавила меня отъ этой адской муки. Я старался утѣшиться этими мыслями. Теперь я называлъ чувства мои къ Фламиніи любовью — этою пламенною страстью души и крови. Что если бы мнѣ привелось видѣть ее невѣстою какаго-нибудь знатнаго господина, и каждый день быть свидѣтелемъ ихъ блаженства, и замѣчать, что она со мною, бѣднымъ пастухомъ изъ Кампаньи, обходится по-прежнему ласково и привѣтливо, но уже безъ любви! Я бы сошелъ съ ума. Теперь она принадлежитъ монастырю; никто не смѣетъ поднять къ ней взора и мысли; никто не видитъ ее: это лучше, несравненно лучше. Велики должны быть бѣдствія жиз-

ни, если я и свою участь находилъ не только сносною, но даже достойною зависти.

Къ морю, къ чудному морю! Тамъ меня ожидаетъ новый міръ. Въ Венецію, въ этотъ дивный, пловучій городъ, къ этой царицѣ Адріи! но не черезъ мрачныя лѣса, не черезъ громадныя горы — черезъ синюю волну, на крыльяхъ вѣтра! Такъ я мечталъ.

Я сперва намѣревался посѣтить Флоренцію и оттуда ѣхать на Болонью и Феррару, но потомъ измѣнилъ свой планъ и, оставивъ веттурино въ Сполето, взялъ мѣсто въ почтовой каретѣ и ночью проѣхалъ черезъ Аппенины и Лоретто, не посѣтивъ священнаго зданія — да проститъ мнѣ Мадонна! Съ горныхъ высотъ, по которымъ пролегаетъ дорога, я мелькомъ уже видѣлъ Адріатическое море. Оно, будто серебряная полоска, свѣтилось на краю горизонта, между-тѣмъ, какъ близехонько отъ меня, будто исполинскія волны, возвышались горы. Теперь передо мною было синее, волнующееся море съ множествомъ кораблей, надъ которыми развѣвались флаги и значки всѣхъ націй міра. Это напомнило мнѣ Неаполь; но тутъ не было ни Везувія съ его чернымъ столбомъ дыма, ни прелестнаго Капри. Здѣсь я переночевалъ. Во снѣ меня посѣтили чудныя видѣнія о Фульвіи и Фламиніи. «Пальмы твоего счастія зеленѣютъ,» сказали онѣ обѣ, ласково

улыбаясь мнѣ. Я проснулся; въ комнатѣ было свѣтло.

«Синьоръ!» сказалъ камеріере, «сейчасъ отходитъ отсюда корабль въ Венецію; но вы вѣрно желаете прежде осмотрѣть нашъ городъ?»

«Нѣтъ, нѣтъ! я ѣду въ Венецію,» отвѣчалъ я; «я желаю быть тамъ, какъ можно, скорѣе!» Неизъяснимое чувство влекло меня въ этотъ городъ. Я сѣлъ на корабль—и, положивъ подлѣ себя свой маленькій чемоданъ, весь погрузился въ созерцаніе необъятнаго моря. «Прости, мое отечество!» Теперь только, когда нога моя уже не касалась болѣе земли, мнѣ казалось, что я дѣйствительно лечу въ міръ Божій. Я зналъ, что на сѣверѣ Италіи найду совершенно иную природу, нежели какая на югѣ. Самая Венеція не походитъ ни на одинъ изъ Итальянскихъ городовъ: это богато-убранная невѣста могущественнаго моря. Крылатый левъ Венеціи уже развѣвался надъ моею головою: я плылъ на кораблѣ Венеціанскомъ. Паруса надувались отъ вѣтра и скрывали отъ меня берегъ. Я сѣлъ на перила кормы и сталъ смотрѣть на тревожное море. Недалеко отъ меня мальчикъ пѣлъ пѣснь о блаженствѣ любви и краткости жизни.

«Спѣши цѣловать коралловыя уста: завтра ты сдѣлаешься добычею смерти. Упивайся любовію.

пока сердце молодо, пока кровь пламенѣетъ: сѣдые волосы — цвѣты смерти; тогда кровь холодна какъ ледъ, тогда пламя гаснетъ. Войди, красавица, въ легкую гондолу; мы укроемся въ ея каморкѣ; мы завѣсимъ окна и двери; никто не увидитъ тебя; никто не узнаетъ о нашемъ блаженствѣ. Волны понесутъ насъ. Онѣ обнимаются, какъ мы обнимаемъ другъ друга. Упивайся любовью, пока молодость кипитъ въ твоей крови; темная ночь и море единственные свидѣтели твоего счастія. Старость мертвитъ снѣгомъ и холодомъ.»

Въ продолженіе этой пѣсни мальчикъ, улыбаясь, кивалъ окружающимъ его товарищамъ—и послѣ него всѣ они хоромъ стали пѣть о любви и поцѣлуяхъ, пока сердце еще молодо. Пѣснь ихъ дышала веселостью; но въ моемъ сердцѣ она раздавалась какъ смертный напѣвъ. Да, годы летятъ, пламя юности угасаетъ. Я пролилъ священный елей любви; ему не суждено было горѣть для распространенія свѣта и тепла. Отъ него, правда, не произошло никакихъ бѣдствій; но онъ исчезъ, не успѣвъ ни освѣтить, ни согрѣть меня. Никакія обѣщанія, никакія обязанности не связывали меня. Зачѣмъ я оттолкнулъ отъ себя чашу наслажденій, которыхъ такъ жаждала душа моя. Я былъ какъ-то недоволенъ самимъ собою: огонь, пылавшій въ груди моей, жегъ мой разсудокъ. Я негодовалъ на себя за то, что ѳѣжалъ Санты. Священное изображеніе Мадонны

упало на меня: чтожъ? сломился ржавый гвоздь; во мнѣ заговорила монастырская строгость Іезуитской школы, зашевелилось козье молоко, которымъ разведена кровь моя — и я въ испугѣ бѣжалъ, какъ мальчишка отъ розогъ. Какъ прекрасна была Санта! Я вспомнилъ ея пламенный, нѣжный взглядъ — и мнѣ было досадно. Зачѣмъ я не похожу на Бернардо, на тысячу другихъ людей, на всѣхъ моихъ пріятелей? Никто изъ нихъ не сдѣлалъ бы такой глупости. Сердце мое просило любви — чтожъ? не самъ ли Богъ вселилъ въ меня это чувство, не самъ ли онъ велитъ намъ любить? Но вѣдь я еще молодъ. Въ Венеціи веселятся; Венеція богата красавицами. Чѣмъ мнѣ ззплатитъ свѣтъ за мою добродѣтель, за мою дѣтскую непорочность? Онъ будетъ смѣяться надо мною, а время приноситъ разочарованіе и сѣдины. И я вмѣстѣ съ прочими сталъ пѣть о любви и поцѣлуяхъ, пока сердце еще молодо.

Я былъ какъ въ горячкѣ; горесть раждала въ душѣ моей эти безумныя мысли. Тотъ, кто даровалъ мнѣ жизнь и чувство, тотъ, кто руководилъ моею судьбою, да проститъ меня! У каждаго человѣка бываютъ внутреннія боренія, бываютъ мысли, въ которыхъ онъ не смѣетъ громко признаться, потому-что въ груди его передъ грѣхомъ ангелъ невинности преклоняется. Тѣ, для которыхъ осуществилось желаніе сердца, конечно будутъ смѣять-

ся надъ моими словами, будутъ критиковать ихъ. Не судите, да не судими будете. Я чувствовалъ, что во мнѣ поселился злой духъ, и что онъ совершенно поработилъ меня. Я не могъ молиться, однако жъ довольно скоро заснулъ подъ мѣрное качаніе корабля, быстро несущагося на сѣверъ къ богатой Венеціи.

Когда разсвѣло, глазамъ моимъ открылось множество бѣлыхъ зданій и башень; онѣ походили на корабли съ распущенными парусами; налѣво разстилалась Ломбардія съ своими ровными берегами. Альпы представлялись свѣтло-голубыми облаками на краю горизонта. Здѣсь небо было необъятно. Здѣсь цѣлая половина его свода могла отразиться въ сердцѣ.

Утренній вѣтерокъ утишилъ волненіе моихъ чувствъ; я былъ спокойнѣе. Я думалъ объ исторіи Венеціи, думалъ о ея богатствѣ и великолѣпіи, о ея самостоятельности и силѣ, о могуществѣ дожей и о ихъ бракосочетаніи съ моремъ. Мы все болѣе и болѣе приближались къ городу. Я уже могъ различить всѣ зданія за лагунами; но они были сѣровато-желтаго цвѣта, казались ни новы, ни стары, смотрѣли неприветливо; башню св. Марка я также представлялъ себѣ выше. Мы поплыли между твердою землею и лагунами, гдѣ земляной валъ кривою линіею вдается въ море. Все было такъ плоско; бе-

регъ, казалось, едва на палецъ возвышался надъ поверхностію воды. Благодаря нѣсколькимъ жалкимъ домикамъ, это мѣсто называется городомъ *; тамъ и сямъ торчатъ кусты можжевельника; но впрочемъ ничего не видно было, кромѣ плоской земли. Я думалъ, что мы уже близехонько отъ Венеціи; намѣсто того намъ еще оставалась цѣлая миля. Все это пространство состояло изъ густой тинистой воды, надъ которою возвышались цѣлые острова грязи; птичка не нашла бы здѣсь, гдѣ ступить—и нигдѣ не видно было ни единой травки. Вездѣ были прокопаны глубокіе каналы и разставлены высокія сваи для означенія фарватера. Тутъ я увидѣлъ первыя гондолы; онѣ показались мнѣ необыкновенно узки и длинны, плыли съ неимовѣрною быстротою и поразили меня мрачною своею наружностью. Маленькая каморка на серединѣ была обита чернымъ сукномъ; мнѣ казалось, что я вижу погребальную колесницу, которая съ быстротою стрѣлы мчится передо мною. Вода здѣсь была уже не синяго цвѣта, какъ въ открытомъ морѣ, или у береговъ Неаполя, а грязно-зеленаго. Мы проѣхали мимо какаго-то острова, гдѣ дома какъ будто выросли изъ воды, или покоились на обломкахъ корабля; на стѣнѣ однаго дома была представлена Мадонна съ младенцемъ Іисусомъ; казалось, она смотритъ на разстилающуюся передъ нею картину смерти и разру-

* Фузина.

шенія. Мѣстами поверхность моря была покрыта волнистыми коврами какой-то утиной зелени, разстилающимися между глубокой водою и островами мягкаго ила. Солнце сіяло на Венецію; раздавался звонъ колоколовъ — и между-тѣмъ все было такъ мертво и угрюмо. Въ гавани стоялъ только одинъ корабль, и еще не видно было ни одной живой души.

Я вошелъ въ черную гондолу и завернулъ въ уединенную улицу, которая вся сплошь состояла изъ воды, такъ-что рѣшительно негдѣ было бы ступить ногою. Дома были все высокіе; отъ открытыхъ дверей вездѣ спускалась лѣстница прямо въ воду, которая, въ видѣ каналовъ, текла подъ широкія ворота. Самые дворы походили на четвероугольные колодецъ; въ нихъ гондола могла свободно войти, но поворотить ее почти не было никакой возможности. Нижняя часть домовъ была покрыта приставшею зеленою тиною воды; мраморныя зданія едва держались отъ ветхости; широкія окна были вездѣ заколочены досками, прибитыми къ позолоченнымъ полусогнившимъ бревнамъ. Казалось, величавое, исполинское тѣло готово было распасться на части: видъ этотъ наводилъ на душу тоску. Колокола замолкли; только однообразный шумъ веселъ прерывалъ тишину. Я до сихъ поръ все еще не видѣлъ ни души: прекрасная Венеція лежала какъ мертвый лебедь надъ водною гладью. Мы повернули еще въ другія улицы, гдѣ узенькіе каменные

мостики перегибались черезъ каналы. Тутъ я наконецъ увидѣлъ людей, которые надъ моею головою или бѣгали между домами, или входили въ самые домы. Я рѣшительно не видѣлъ другихъ улицъ, кромѣ тѣхъ, по которымъ скользили гондолы. «Гдѣ же люди ходятъ здѣсь?» спросилъ я у моего гондольера—и онъ указалъ мнѣ на идущіе съ мостовъ маленькіе проходы между домами; тутъ сосѣды изъ седьмаго этажа могутъ черезъ улицу другъ другу подавать руку; по самымъ же этимъ, такъ называемымъ, улицамъ три человѣка съ трудомъ могли бы пройти одинъ мимо другаго; лучи солнца никогда не проникаютъ сюда. Когда мы проѣхали, опять водворилась глубокая тишина.

«Такъ это Венеція, богатая невѣста моря, владычица міра!»

Но вотъ передо мною великолѣпная площадь св. Марка. «Здѣсь вы найдете жизнь,» сказали мнѣ. Какая разница съ Неаполемъ, даже съ Римомъ на шумномъ Корсо: между-тѣмъ площадь св. Марка—сердце Венеціи, гдѣ еще обнаруживаются кое-какіе признаки жизни. Лавки съ книгами, бусами и картинами украшали длинныя галлереи со сводами, гдѣ однако также было немного жизни. Греки и Турки въ пестрыхъ одеждахъ, ни слова не говоря, чинно сидѣли передъ кофейными домами; на солнцѣ сіяли золотые куполы церкви св. Марка и ко-

лоссальные бронзовые кони, украшающіе главный входъ храма; на красныхъ мачтахъ Кипра, Кандіи и Мореи неподвижно висѣли флаги; стаи голубей расхаживали по широкимъ плитамъ площади.

Я пошелъ на ponte rialto: вотъ боевая жила, гдѣ трепещетъ жизнь, и скоро я разгадалъ Венецію, эту великую картину горести, отпечатокъ собственной души моей. Мнѣ казалось, что я все еще плыву по морю: я только перешелъ съ маленькаго корабля на бо́льшій; я воображалъ, что нахожусь въ плывущемъ ковчегѣ.

Когда насталъ вечеръ, и трепещущій свѣтъ луны сталъ всюду набрасывать черныя тѣни, мнѣ казалось, что я уже менѣе чуждъ окружавшему меня новому міру; только въ часъ жизни духовъ я могъ сдружиться съ мертвой невѣстой. Я сталъ у открытаго окна; по водѣ, гдѣ отсвѣчивалась луна, быстро скользила гондола. Я вспомнилъ пѣсню пловца о любви и поцѣлуяхъ; я упрекалъ Анунціату за то, что она легкомысленнаго Бернардо могла предпочесть мнѣ, и за что? можетъ быть, именно за его легкомысліе, которое она находила оригинальнымъ. Таковы женщины. Я сѣтовалъ даже на невинную, богобоязливую Фламинію: она болѣе дорожила тишиною и спокойствіемъ монастыря, нежели моею братскою душевною привязанностью. Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю болѣе ни ту ни другую: вмѣсто

всего драгоцѣннаго, наполнявшаго мое сердце, т
перь въ немъ была ужасная пустота. Я не хотѣл
думать ни о той, ни о другой—и, какъ падшій дух
носился въ воображеніи между олицетвореніем
красоты—Ларою, и дщерью соблазна—Сантою.
сѣлъ въ гондолу и поплылъ по улицамъ город
Темная ночь безмолствовала. Гребцы начали пѣт
чередуясь, но не изъ Gerusalemme liberata — Ве
неціанцы забыли даже мелодіи сердца съ тѣхъ пор
какъ вымерли Дожи, съ тѣхъ поръ, какъ чуж
руки связали крылья у льва Венеціи и впрягли е
въ свою тріумфальную колесницу. Я осушу до п
слѣдней капли чашу наслажденій, подумалъ я —
гондола остановилась. Мы прибыли къ гостинн
цѣ, гдѣ я жилъ; я взошелъ на верхъ и побѣжал
въ свою комнату, чтобы отдохнуть. Такимъ обр
зомъ провелъ я первый день въ Венеціи.

XI.

Буря. Вечеръ у моего банкира. Племянница Подесты.

—

Рекомендательныя письма доставили мнѣ знак
мыхъ, даже, какъ говорится, друзей. Меня называ
Signore Abbate. Здѣсь не было ученыхъ, котор
бы критиковали меня. Мнѣнія мои удостоивали

одобренія; во мнѣ признавали таланты. Отъ Принца и Франчески я слышалъ однѣ оскорбительныя рѣчи и замѣчанія. Все, что они говорили, было для меня непріятно, и даже я почти готовъ былъ думать, что они обращали противъ меня всѣ возможныя обвиненія только для того, чтобы сказать, что другіе совсѣмъ не такъ искренно поступали со мною. Здѣсь и это прекратилось. И-такъ у меня вовсе не было искреннихъ друзей: вѣдь только отъ нихъ я прежде слышалъ непріятности. Я уже болѣе не страдалъ отъ зависимости моего положенія, которое даже доброта Фламиніи не въ состояніи была облегчить.

Я уже успѣлъ посѣтить великолѣпный дворецъ Дожей. Я пробѣжалъ всѣ богатые, но пустые хоромы и осмотрѣлъ комнату Инквизиціи съ страшной картиною, гдѣ представленъ адъ со всѣми его ужасными муками. Пройдя тѣсную галлерею на самомъ верху у крыши, я очутился на крытомъ мосту, перегибавшемся черезъ каналъ, гдѣ скользили гондолы: отсюда входили въ Венеціанскія темницы. Эта арка — «мостъ вздоховъ.» У самаго моста находятся колодцы. Верхнія темницы, освѣщаемыя только висящею въ коридорѣ лампою, которой свѣтъ съ трудомъ пробивается черезъ массивныя желѣзныя рѣшетки, еще кажутся свѣтлыми, веселыми покоями въ сравненіи съ нижними. Подъ опускною дверью, обросшею грибами, во глубинѣ, равной съ

глубиною воды въ каналахъ, несчастные терзались и чертили свои страданія на мокрыхъ стѣнахъ. Душа моя была сильно потрясена этимъ зрѣлищемъ и жаждала свѣта и воздуха. Я поспѣшно оставилъ эти мѣста ужаса и, сѣвъ въ гондолу, удалился отъ стараго блѣдно-краснаго зданія съ колоннами. Я миновалъ св. Θеодора и льва Венеціи, и по зеленой водѣ поплылъ къ лагунамъ и Лидо, чтобы надышаться свѣжимъ морскимъ вѣтромъ. Передо мною было кладбище. Здѣсь на маленькой полосѣ земли хоронятъ иностранцевъ протестанскаго исповѣданія, умирающихъ на далекой чужбинѣ. Волны понемногу уносятъ тлѣнные ихъ остатки. Изъ-подъ песку торчали бѣлыя человѣческія кости; никто кромѣ волны не проливалъ надъ ними слезъ. Сюда невѣсты и жены рыбаковъ приходили встрѣчать своихъ возлюбленныхъ, которые искали себѣ пропитаніе на неугомонномъ морѣ. Бури то свирѣпо бушевали, то покоились на своихъ мощныхъ крыльяхъ; женщины пѣли строфы изъ Gerusalemme liberata, прислушиваясь, не отвѣчаетъ ли издали голосъ; но никто не откликался на призывную пѣснь любви; красавица сидѣла одиноко, не спуская взоровъ съ безмолвнаго моря; скоро и ея уста умолкали; она уже не видѣла ничего, кромѣ бѣлыхъ костей на берегу; она только слышала однообразный плескъ волнъ, между-тѣмъ, какъ ночь разстилала свой черный покровъ надъ мертвой, безмолвной Венеціей.

Мысли мои были заняты этой мрачной картиной — и настроеніе моей души сообщало ей необыкновенно живой колоритъ. Природа представлялась мнѣ священнымъ храмомъ, напоминающимъ о смерти и невидимомъ Божествѣ. Въ ушахъ моихъ раздавались слова Фламиніи, что Божію пророку, каковъ поэтъ, слѣдовало бы пѣть только для прославленія Бога — цѣли, къ которой долженъ стремиться духъ человѣческій. Безсмертная душа да воспѣваетъ безсмертное. Минуты сверкали безчисленно-разнообразными красками; жизнь и вдохновеніе вспыхивали во мнѣ и опять угасали. Задумчиво вошелъ я въ гондолу и поплылъ къ Лидо. Передо мною разстилалось широкое, открытое море; длинныя волны его напомнили мнѣ бухту у Амальфи.

Недалеко отъ меня, между поростью и камнями, сидѣлъ съ карандашемъ въ рукахъ молодой человѣкъ—безъ сомнѣнія, какой-нибудь иностранный живописецъ. Фигура его показалась мнѣ однако знакома. Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что не ошибся. Я узналъ въ незнакомцѣ — Поджіо, молодаго Венеціанскаго дворянина, съ которымъ я нѣсколько разъ встрѣчался въ обществѣ.

«Синьоръ!» воскликнулъ онъ, увидя меня: «какими судьбами вы здѣсь, на Лидо? Вы, я воображаю, забрались такъ далеко, чтобы любоваться,

если не самимъ Адріатическимъ моремъ, то какимъ-нибудь изъ прекрасныхъ созданій, живущихъ на немъ.»

Мы протянули другъ другу руки. Онъ былъ бѣденъ; но природа въ-замѣнъ богатства одарила его отличнымъ талантомъ къ живописи. Характера онъ былъ повидимому самаго веселаго и живаго и въ обществѣ слылъ даже шалуномъ. Между-тѣмъ я слышалъ отъ людей, коротко его знавшихъ, что въ уединеніи своемъ онъ величайшій мизантропъ. По рѣчамъ его надобно было думать, что онъ до крайности легкомысленъ, тогда-какъ на дѣлѣ онъ былъ чрезвычайно степененъ. Свѣтъ считалъ его вторымъ Донъ-Жуаномъ, а онъ, какъ св. Антоній, торжествовалъ надъ всѣми искушеніями. Говорили, что въ сердцѣ его таится глубокая скорбь; но была ли она слѣдствіемъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, или несчастной любви — этаго никто не зналъ. Въ разговорѣ его замѣчалась какая-то особенная откровенность — и, слушая его, иной подумалъ бы, что онъ готовъ высказать все, что у него на сердцѣ; но, не смотря на непринужденность, на это, можно сказать, дѣтское простодушіе, никому не удавалось проникнуть въ тайны души его. Все это заинтересовало меня. Я былъ очень радъ этой неожиданной встрѣчѣ: она разсѣяла тучи души моей.

«У васъ Римлянъ нѣтъ такой синей волную

щейся равнины,» сказалъ онъ, указывая на море. «По мнѣ, море служитъ лучшимъ украшенiемъ земли. Недаромъ Венера родилась изъ пѣны морской, и»—прибавилъ онъ улыбаясь—недаромъ Адрiя вдова всѣхъ могущественныхъ Дожей Венецiи.»

«Венецiанцы особенно должны любить море,» сказалъ я; «они должны почитать его какъ свою бабушку, которая носитъ ихъ на рукахъ и играетъ съ ними ради своей прекрасной дочери — Венецiи!»

«Она уже болѣе не прекрасная,» отвѣчалъ онъ; «она потеряла свободу.»

«Однако вѣдь она не несчастна подъ скипетромъ Императора Франца?»

«Почетнѣе быть царицей на морѣ, нежели карiатидой на сушѣ. Однако Венецiанцамъ было бы грѣшно жаловаться на судьбу свою. Въ политикѣ я, правда, немного смыслю; но за то я знатокъ въ красотѣ — и если, какъ я вовсе не сомнѣваюсь, и вы поклоняетесь ей, то взгляните сюда: вотъ дочь моей хозяйки; она идетъ просить васъ принять участiе въ скромной моей трапезѣ.» Мы вошли въ маленькой домикъ на берегу. Вино было хорошо, Поджiо веселъ и разговорчивъ. Видя и слушая эта-

го человѣка, никто бы не могъ подумать, что серд-
це у него втайнѣ обливается кровью.

Мы провели часа два въ пріятной бесѣдѣ, и
еще не думали трогаться съ мѣста, какъ вдругъ
вошелъ одинъ изъ гребцовъ моихъ: онъ спросилъ,
не хочу ли я воротиться домой прежде, нежели
поднимется буря, потому-что море уже въ силь-
номъ волненіи. Онъ прибавилъ, что не надобно те-
рять ни минуты—иначе волны, которыя уже начи-
наютъ появляться между Лидо и Венеціею, какъ-
разъ опрокинутъ легонькую гондолу.

«Наконецъ-то я дождался бури,» воскликнулъ
Поджіо. «Но теперь вамъ никакъ нельзя ѣхать» ска-
залъ онъ, обращаясь ко мнѣ; къ вечеру буря вѣ-
роятно утихнетъ, а не то, вы можете переночеват
здѣсь; пусть вѣтеръ бушуетъ надъ нашими голова-
ми: волны будутъ убаюкивать насъ своими пѣ-
снями.»

«Я, для обратнаго пути, могу достать гондол
здѣсь на островѣ, сказалъ я гребцу и отпустил
его. Окна затряслись отъ сильнаго вѣтра. Мы вы-
шли на берегъ. Заходящее солнце золотило темно
зеленое бурное море; валы бѣлою пѣною подыма-
лись и опять опускались; вдали, гдѣ, будто волка-
ны, извергающіе огонь, громоздились тучи. Мы
увидѣли нѣсколько кораблей; но скоро они исчез

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

далъ меньшую изъ грацій. Я видѣлъ ее только у обѣдни и разъ въ театрѣ Sant Moses. Всѣ молодые люди Венеціи были въ восхищеніи отъ нея; я также, съ тою однако разницею, что они всѣ лежатъ у ногъ ея, а я только втайнѣ обожаю ее. Она слишкомъ степенна для моей чувственной природы. Не правда ли, господинъ Аббатъ?»

Я вспомнилъ Фламинію — и разыгравшаяся во мнѣ веселость внезапно исчезла.

«Что вы задумались?» сказалъ Поджіо; «вино безподобное, а волны прекрасно угощаютъ насъ своимъ пѣніемъ и пляскою.»

«У Подесты часто бываютъ собранія?» спросилъ я, только чтобы сказать что-нибудь.

«Напротивъ, довольно рѣдко, и то только самыя избранныя. Красавица робка какъ антилопа; это олицетворенная скромность, но» прибавилъ онъ съ усмѣшкою, «вѣдь это лучшій способъ привлечь къ себѣ поклонниковъ. Что до ея родства — то я знаю только, что у Подесты были двѣ сестры, съ которыми онъ много лѣтъ жилъ въ разлукѣ: меньшая, которая вышла замужъ въ Греціи, вѣроятно мать нашей красавицы; другая до сихъ поръ еще дѣва и уже старая дѣва: года четыре тому назадъ

она пріѣхала сюда съ прекрасной своей племянницей.»

Поджіо не успѣлъ договорить, какъ насъ окружилъ ужаснѣйшій мракъ; черная ночь какъ будто бы заключила насъ вдругъ въ свои объятія; въ туже минуту окрестность освѣтилась багровою молніей, и загремѣлъ громъ. Это напомнило мнѣ изверженія Везувія. Мы невольно наклонили голову и перекрестились.

«Jesus Maria!» сказала хозяйка, вбѣгая въ комнату; «что за ужасы! Шестеро изъ нашихъ лучшихъ рыбаковъ въ морѣ; Мадонна да осѣнитъ ихъ своимъ покровомъ! Бѣдная Агнеса! не шутка остаться съ пятерыми дѣтьми! намъ не миновать бѣды!»

Не смотря на ревъ бури, мы вдругъ услышали духовное пѣніе. На берегу, гдѣ волны разбивались о камни, стояла вокругъ Распятія толпа женщинъ и дѣтей; молодая крестьянка сидѣла на камнѣ и не сводила глазъ съ моря; маленькій ребенокъ лежалъ у ея груди; другой постарше стоялъ возлѣ, прислонившись головкой къ ея колѣнамъ. Еще разъ сверкнула молнія; буря какъ будто начала утихать; горизонтъ прояснился; пѣна валовъ становилась бѣлѣе.

«Вотъ они!» воскликнула женщина, вспрыгнувъ

съ своего мѣста и указывая на море, гдѣ мелькала черная точка. Точка становилась все яснѣе и яснѣе.

«Мадонна да помилуетъ ихъ!» сказалъ старый рыбакъ съ густыми черными волосами; онъ сложилъ руки и цѣпенѣя смотрѣлъ на черную массу. Въ ту же минуту она исчезла подъ бѣлой пѣною набѣжавшей волны.

Глаза старика не обманули его; вокругъ меня раздался вопль отчаянія; смятеніе и горесть усиливались по мѣрѣ того, какъ море становилось тише, небо яснѣе, бѣдствіе несомнѣннѣе. Дѣти выпустили изъ рукъ Распятіе; оно упало на песокъ—и малютки, рыдая, стали прижиматься къ матерямъ своимъ. Старикъ поднялъ Крестъ и, держа его высоко надъ головою, произнесъ священное имя Мадонны.

Къ полночи небо очистилось; море притихло; луна бросала длинные лучи на зеркальную поверхность бухты между островомъ и Венеціей. Поджіо сѣлъ вмѣстѣ со мною въ гондолу; мы оставили несчастныхъ, которымъ не могли принести ни помощи, ни утѣшенія.

На слѣдующій вечеръ мы сошлись съ нимъ у моего банкира, однаго изъ самыхъ богатыхъ капиталистовъ Венеціи; общество было многочисленно;

я не зналъ никого изъ дамъ и не интересовался ни одною.

Рѣчь зашла о бывшей наканунѣ бурѣ. Поджіо расказалъ о погибели рыбаковъ, о несчастномъ положеніи, въ какомъ остались ихъ семейства, и довольно ясно намекнулъ, какъ бы легко было облегчить участь ихъ маленькимъ сборомъ: каждый изъ присутствующихъ далъ бы бездѣлицу—и составилась бы сумма довольно значительная для бѣдныхъ людей. Но никто не хотѣлъ понять его; изъявляли свое соболѣзнованіе, пожимали плечами и заговаривали о другомъ. Дѣло дошло до пѣнія и музыки. Поджіо запѣлъ веселую баркаролу, но въ улыбкѣ его проявлялись холодность и неудовольствіе: благородный порывъ души его не нашелъ отголоска въ гордыхъ аристократахъ.

«Не поете ли вы также?» спросила меня хозяйка, когда онъ кончилъ.

«Если позволите, я буду импровизировать,» сказалъ я; въ душѣ моей блеснула счастливая мысль.

«Онъ импровизаторъ,» говорили шепотомъ со всѣхъ сторонъ; дамы бросали на меня огненные взгляды, мущины раскланивались; я взялъ гитару и попросилъ задать мнѣ тему.

«Воспойте Венецію!» сказала одна изъ присутствующихъ дамъ, надменно смотря мнѣ въ глаза; «да, да, Венецію,» повторила молодежъ вслѣдъ за дамою, которая была прекрасна собою. Я взялъ нѣсколько аккордовъ, и сталъ описывать блескъ и пышность Венеціи въ счастливые дни ея, частію припоминая читанное, частію передавая мечты моей фантазіи—и глаза всѣхъ слушателей засверкали отъ удовольствія: они воображеніемъ еще жили въ тѣхъ блаженныхъ временахъ. Я изобразилъ красавицу на балконѣ въ лунную ночь и вспоминалъ о Сантѣ и Ларѣ. Каждая изъ дамъ думала, что я рисую ея портретъ и благодарила меня рукоплесканіями. Самъ Сгриччи * никогда не имѣлъ такаго успѣха.

«Она здѣсь!» шепнулъ мнѣ Поджіо, подойдя ко мнѣ; «племянница Подесты здѣсь!» вотъ все, что онъ успѣлъ сказать мнѣ. Я долженъ былъ опять импровизировать: просьбу о томъ передала мнѣ депутація дамъ, которыми предводительствовалъ старый магнатъ. Я согласился, потому-что самъ желалъ этаго: я предвидѣлъ, что не отдѣлаюсь однимъ стихотвореніемъ, и надѣялся, что въ заданныхъ темахъ мнѣ представится случай описать бурю, которой я былъ свидѣтелемъ, и съ нею положеніе несчастныхъ. Я утѣшался мыслію, что могущество пѣнія произведетъ то, чего не могло произвести кра-

* Знаменитый импровизаторъ новѣйшихъ временъ.

сnорѣчіе. Мнѣ задали: апоѳеоза Тиціана. Ахъ, зачѣмъ онъ былъ не морской живописецъ! Онъ бы послужилъ мнѣ талисманомъ. Но тѣ идеи, какія я хотѣлъ пустить въ дѣло, не имѣли ничего общаго съ хвалою Тиціана. Тема была богатая; исполненіе удалось лучше всякаго ожиданія. Всѣ удивлялись мнѣ. Это была собственная моя апоѳеоза.

«Вы счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ!» сказала хозяйка. «Какое блаженство обладать талантомъ, который приводитъ все, что васъ окружаетъ, въ умиленіе и восторгъ!»

«Въ самомъ дѣлѣ, это прекрасное чувство,» отвѣчалъ я.

«Опишите намъ его въ стихахъ,» сказала она; «для васъ это бездѣлица, и потому я почти не совѣщусь просить васъ.»

«Я знаю чувство,» отвѣчалъ я—и мысль, одушевлявшая меня, придавала мнѣ смѣлости — «я знаю чувство еще выше и прекраснѣе того, о которомъ вы говорите: оно дѣлаетъ поэтомъ всякаго человѣка съ душею, пробуждаетъ въ слушателяхъ такое же прекрасное сочувствіе и восторгъ; я обладаю волшебнымъ даромъ пробуждать его въ сердцѣ кого бы то ни было—но эта тайна не достается даромъ: за нее надобно платить деньги.»

«Откройте, откройте намъ ее скорѣе!» раздалось со всѣхъ сторонъ.

«Здѣсь, на этомъ столѣ, я собираю вклады. Тотъ, кто всѣхъ болѣе дастъ, будетъ и въ тайну посвященъ болѣе другихъ.»

«Я даю мою золотую цѣпочку!» закричала одна изъ дамъ, какъ будто для шутки кладя на столъ драгоцѣнное украшеніе.

«А я всѣ деньги, какія назначила для картъ!» сказала другая, забавляясь выдумкою.

«Не думайте, что шучу!» сказалъ я, «разъ положенное уже не возвращается!»

«Мы, такъ и быть, жертвуемъ,» закричали всѣ тѣ, которые положили на столъ деньги, цѣпочки, кольца и проч., не слишкомъ впрочемъ довѣряя моему искуству.

«Ну, а если я не узнаю того блаженнаго чувства,» сказалъ одинъ старый служака; «уже ли я не получу назадъ моихъ двухъ дукатовъ?»

«Если вы сомнѣваетесь, то лучше совсѣмъ не кладите ихъ!» сказалъ Поджіо—и я поклонился въ знакъ одобренія.

Всѣ смѣялись; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки. Я началъ импровизировать. Во мнѣ горѣлъ священный огонь. Я пѣлъ о величавомъ морѣ, женихѣ Венеціи, о сынахъ его, отважныхъ пловцахъ, и о рыбакѣ, качающемся въ утлой лодкѣ своей. Я описалъ бурю, тоску и нетерпѣливое безпокойство женъ и невѣстъ о возлюбленныхъ ихъ. Я изобразилъ горестную сцену, которую самъ видѣлъ: дѣти опускаютъ изъ рукъ святой Крестъ и прижимаются къ матерямъ своимъ; старый рыбакъ подымаетъ Распятіе—и, съ благоговѣніемъ цѣлуя его, показываетъ несчастнымъ. Я чувствовалъ въ себѣ присутствіе Бога; я былъ орудіемъ могущественнаго слова Его. Въ залѣ царствовало глубокое молчаніе. Многіе изъ слушателей плакали. Тутъ я повелъ собраніе въ бѣдныя хижины рыбаковъ: нашимъ маленькимъ сборомъ мы доставили несчастнымъ помощь; мы оживили ихъ новою жизнію. Я пѣлъ о блаженствѣ дѣлать добро; пѣлъ о радости, которою было исполнено мое сердце и сердца всѣхъ тѣхъ, которые принесли несчастнымъ лепту свою: это чувство выше и прекраснѣе всякаго другаго; голосъ Божества, которое присутствуетъ въ сердцѣ творящаго добро, очищая и освящая душу, дѣлаетъ человѣка поэтомъ! И по мѣрѣ того, какъ тема подвигалась, голосъ мой становился звучнѣе и громче. Всѣ мои слушатели увлеклись моимъ пѣніемъ. Оглушительныя восклицанія «браво» привѣтствовали меня, когда при концѣ импровизаціи я передалъ Под-

жіо всѣ богатыя приношенія, съ тѣмъ, чтобы онъ обратилъ ихъ въ пользу несчастныхъ.

Какая-то молодая дама упала къ ногамъ моимъ. Прекраснѣйшаго тріумфа я бы не могъ ожидать отъ своего таланта. Она взяла меня за руку и смотрѣла на меня со слезами въ прекрасныхъ, одушевленныхъ глазахъ своихъ. Этотъ дивный, неземной взоръ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; онъ походилъ на тотъ, который однажды уже поразилъ меня въ чудномъ видѣніи.

«Да наградитъ васъ матерь Божія,» сказала она дрожащимъ голосомъ—и щеки ея пылали. Она закрыла лице руками и, какъ будто вдругъ испугавшись необдуманнаго своего поступка, отступила назадъ; но кто бы могъ смѣяться надъ чистымъ порывомъ невинности? Всѣ окружили меня. Похваламъ не было конца; только и говорили, что о несчастныхъ на Лидо и называли меня ихъ благодѣтелемъ. «Блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати!» Я позналъ это въ тотъ вечеръ. Поджіо заключилъ меня въ свои объятія.

«Прекрасный молодой человѣкъ,» сказалъ онъ; «я не могу не любить и не уважать васъ. Сама красота принесла вамъ свою дань удивленія. Та, которая однимъ взглядомъ можетъ составить счастіе

тысячи людей, въ прахѣ преклоняется передъ вами.»

«Кто была эта дама?» спросилъ я.

«Это первая красавица Венеціи,» отвѣчалъ онъ,» — племянница Подесты!»

Чудный взглядъ и образъ красавицы живо запечатлѣлись въ душѣ моей. Неизъяснимыя воспоминанія пробудились во мнѣ—и я невольно воскликнулъ: «въ самомъ дѣлѣ она прелестна!»

«Вы конечно не узнаете меня, Синьоръ,» сказала, подходя ко мнѣ, какая-то пожилая дама. Я имѣла удовольствіе съ вами познакомиться, назадъ тому уже нѣсколько лѣтъ.» Она улыбаясь протянула мнѣ руку и благодарила за импровизацію. Я вѣжливо поклонился. Черты лица ея казались мнѣ знакомы; но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда я видѣлъ ее—и долженъ былъ признаться въ томъ. «Не удивительно,» отвѣчала она; «мы видѣлись всего одинъ разъ въ жизни, а именно — въ Неаполѣ; мой братъ былъ тамъ лекаремъ, а вы пріѣзжали къ родственникамъ Боргезе.»

«Помню теперь!» отвѣчалъ я, «и знаю, кто вы! Я никакъ не ожидалъ встрѣтиться съ вами здѣсь въ Венеціи.»

«Братъ мой, у котораго я тогда управляла хо-
зяйствомъ,» продолжала она,» умеръ четыре год
тому назадъ. Теперь я живу у старшаго моего бра
та. Лакей нашъ дастъ вамъ нашъ адресъ. Племян
ница моя настоящій ребенокъ; она непремѣнно хо
четъ тотчасъ же ѣхать домой—и я должна испол
нить ея желаніе.» Старушка протянула мнѣ рук
и вышла изъ комнаты.

«Счастливецъ!» сказалъ Поджіо: «эта дама —
сестра Подесты. Вы съ нею знакомы и получил
позволеніе посѣщать домъ ея брата; вся Венец
будетъ завидовать вамъ. Постарайтесь только хоро
шенько защитить ваше сердце, а то оно какъ-раз
будетъ ранено; это случается даже съ тѣми, кото
рые не такъ близко, какъ вы, подходятъ къ непрія
тельской батареѣ.

Красавица скрылась. Она увлеклась своим
чувствомъ; она упала къ ногамъ моимъ: но, минут
спустя, она опомнилась — и въ ней заговорили ро
бость и свойственная ей скромность. Ей непріятн
было оставаться въ обществѣ послѣ того, какъ он
обратила на себя вниманіе всѣхъ присутствую
щихъ, а между-тѣмъ на нее сыпались изъявлені
восторга и удивленія — она раздѣляла мое торж
ство! Царица красоты очаровала все собраніе. Серд
це ея было такъ же благородно, какъ ея образъ.

Сознаніе добраго дѣла озарило свѣтлымъ лучемъ мою душу. Я чувствовалъ благородную гордость; чувствовалъ, какъ я счастливъ, что обладаю даромъ пѣнія. Похвалы и любовь, какія меня всюду привѣтствовали, потушили въ моей душѣ всякое горькое чувство. Мнѣ казалось, что духовныя мои силы, послѣ долгой, болѣзненной ихъ летаргіи, снова пробудились, и стали чище и благороднѣе. Теперь я уже безъ горести могъ думать о Фламиніи: она бы конечно братски пожала мнѣ руку. Слова ея, что поэту слѣдовало бы воспѣвать одно божественное и только прославлять Бога, ясно представлялись душѣ моей. Я снова почувствовалъ бодрость духа и энергію. Мною овладѣло какое-то сладостное спокойствіе. Въ первый разъ послѣ долгаго времени я былъ опять веселъ. То былъ для меня счастливый вечеръ. Поджіо чокнулся со мною. Мы съ нимъ побратались и утвердили этотъ союзъ дружескимъ «ты». Я воротился домой очень поздно—но, не смотря на то, не могъ заснуть. Луна такъ чудно отражалась на гладкой поверхности каналовъ; сводъ неба былъ такъ высокъ и прозраченъ. Я сложилъ руки и съ чистымъ чувствомъ дитяти сталъ молиться: «Боже, прости мнѣ грѣхи мои! дай мнѣ сдѣлаться добрымъ и благороднымъ человѣкомъ, чтобы мнѣ можно было, не оскорбляя Тебя, вспоминать о Фламиніи, о сестрѣ моей! укрѣпи также и ея душу и не дай ей никогда узнать о моихъ страданіяхъ! осѣни насъ обоихъ Своею

благостью и помилуй насъ, вѣчный Боже!» У ме-
ня стало такъ легко на сердцѣ. Пустые каналы
ветхія зданія Венеціи представлялись мнѣ плову-
чимъ волшебнымъ міромъ.

На другой день я былъ необыкновенно въ ве-
селомъ расположеніи духа. Душа моя преисполни-
лась блаженства и благодарности къ Богу за т
духовную силу, какой онъ сподобилъ меня.
взялъ гондолу и поѣхалъ къ Подестѣ: вѣдь я был
знакомъ съ его сестрою—и къ тому же, признаюс
мнѣ хотѣлось ближе познакомиться съ молодою д
мою, которая такъ прекрасно выразила мнѣ сво
восторгъ, и которую единогласно называли цар
цею красоты.

«Palazzo d'Othello?» сказалъ гондольеръ и п
везъ меня черезъ большой каналъ къ старому зд
нію. Дорогою онъ расказывалъ мнѣ, что ту
жилъ Венеціанскій Мавръ, который задушилъ сво
прекрасную жену Десдемону, и что всѣ Англича
пріѣзжаютъ смотрѣть этотъ домъ, какъ арсенал
или церковь св. Марка.

У Подесты меня приняли какъ дорогаго ро
ственника. Роза, сестра его, расказывала мнѣ
своемъ покойномъ братѣ, о шумномъ, веселомъ I
аполѣ, съ которымъ она, четыре года тому назад

разсталась. «Марія,» прибавила она, «также горитъ желаніемъ путешествовать — и мы когда-нибудь да ужъ улетимъ отсюда. Прежде, нежели умру, мнѣ непремѣнно надобно еще разъ взглянуть на Везувій и чудный Капри.»

Тутъ вошла Марія и дружески протянула мнѣ руку. Она была прекрасна, даже почти прекраснѣе, нежели наканунѣ, когда упала къ ногамъ моимъ. Поджіо былъ правъ: такъ, вѣроятно, была создана меньшая изъ грацій. Я никогда не видѣлъ женщины съ такими прекрасными формами, исключая, можетъ быть, Лару. Да, Лара, эта слѣпая дѣвушка, покрытая лохмотьями, была прекрасная Марія въ богатомъ своемъ нарядѣ. Закрытые глаза ея смущали мое сердце сильнѣе, нежели этотъ огненной взоръ. Здѣсь, какъ у Лары, во всѣхъ чертахъ выражалась тихая грусть; но глаза дышали миромъ и радостью, какихъ Лара никогда не знавала. Многое въ Маріи напоминало мнѣ бѣдную слѣпую дѣвушку, которой она никогда не видала. Къ той и другой я чувствовалъ глубокое благоговѣніе, какъ будто къ какому-то высшему существу. Душевныя способности мои пріобрѣли болѣе гибкости. Я могъ выражать свои мысли краснорѣчивѣе прежняго. Я видѣлъ, что нравлюсь моимъ новымъ знакомымъ—и мнѣ казалось, что внушаю Маріи тѣ же чувства, какія мнѣ внушаетъ ея красота. Я смотрѣлъ на нее, какъ любовникъ смотритъ на

чудную женскую статую, въ которой онъ находитъ удачное изображеніе своей возлюбленной. Въ Маріи, будто въ зеркалѣ, отражалась красота Лары и ангельская красота Фламиніи. Нельзя было не чувствовать къ ней довѣренности. Мнѣ казалось, что мы уже давно знаемъ другъ друга.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

21. *Исторія святаго града Іерусалима* отъ временъ Апостольскихъ и до нашихъ. Двѣ части. Въ 8; 389 и 388. Спб.

Городъ Іерусалимъ и его исторія священны для каждаго Христіанина. Не удивительно, что въ литературѣ нашей, начиная съ древнѣйшихъ временъ, ни объ одномъ предметѣ не встрѣчается столько сочиненій (топографическихъ, статистическихъ, историческихъ и т. п.), какъ объ Іерусалимѣ. Между-тѣмъ ученая любознательность повсюду идетъ все далѣе и обогащаетъ исторію разнаго рода открытіями. Русскіе и въ этомъ отношеніи содѣйствуютъ успѣхамъ всеобщаго направленія. Изданная нынѣ у насъ книга объ Іерусалимѣ вноситъ въ сокровищницу Европейскихъ знаній много важныхъ прибавленій. Авторъ ея не упустилъ изъ виду ни однаго источника для достиженія своей цѣ-

ли, особенно пользуясь книгами ученія Православнаго. Онъ съ обиліемъ и достовѣрностію фактовъ счастливо соединилъ то неувядающее краснорѣчіе, которое заимствуетъ достоинство и цѣну свою отъ сердечнаго убѣжденія въ излагаемыхъ истинахъ.

22. Записка *объ открытыхъ въ Московскомъ Кремлѣ древностяхъ*, представленная II-му Отдѣленію И. А. Н. адъюнктомъ *Я. И. Бередниковымъ*. Съ девятью литографированными снимками. Въ 4; въ два столбца; 8 стран. Спб.

Авторъ говоритъ объ ученомъ трудѣ своемъ слѣдующее: «Въ Московскомъ Кремлѣ, противъ Константино-Еленской церкви, подъ горою, при рытіи ледниковъ, найденъ въ землѣ мѣдный, наполненный водою сосудъ, съ пергаминными и бумажными свертками и двумя кусками желѣзной руды, и глиняная фляга, въ которой оказалось небольшое количество ртути. По всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Императорскаго Двора, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ всѣ эти древности, обще съ рапортомъ Г. Гофмаршала Барона Боде, и запискою, составленною Помощникомъ Директора Оружейной Палаты Вельтманомъ, передать на разсмотрѣніе Академіи Наукъ. Это, по протоколу II-го Отдѣленія ея, 9 Октября 1843 года, возложено на меня. По исполненіи сего порученія, долгомъ считаю донести: Изъ открытыхъ въ

Московскомъ Кремлѣ древностей наиболѣе примѣчательны *акты*, заключающіеся въ пергаминныхъ и бумажныхъ сверткахъ. Находясь подъ землею въ наполненномъ водою сосудѣ, они болѣе или менѣе повредились, такъ-что на нѣкоторыхъ письменъ вовсе непримѣтно. Въ слѣдующемъ составленномъ мною описаніи, по-возможности, объяснены какъ внѣшній видъ, такъ и внутреннее содержаніе означенныхъ документовъ.» За симъ слѣдуетъ обстоятельное изложеніе касательно внѣшняго вида каждой изъ найденныхъ древностей и самыя слова разобранныхъ рукописей.

23. *Годъ въ чужихъ краяхъ* (1839). Дорожный дневникъ *М. Погодина.* 4 части. Въ 8; 230, 210, 225 и 228 стран. Моск.

Читателямъ журнала: Москвитянинъ, многое уже извѣстно изъ помѣщеннаго въ книгѣ г. *Погодина.* Какъ редакторъ, онъ внесъ предварительно въ свое изданіе замѣчательнѣйшіе изъ отрывковъ путешествія своего. Привыкнувъ къ расказамъ систематическимъ и по большой части велерѣчивымъ, которыми путешественники запасаются изъ готовыхъ уже трудовъ предшественниковъ, многіе конечно не оцѣнятъ надлежащимъ образомъ книги г. Погодина. Въ ней, какъ въ путевомъ движеніи самаго автора, все бросается въ глаза, поражаетъ вниманіе, печатлѣется въ памяти и остается въ ду-

шѣ, прикоснувшись къ ней дѣйствительно живымъ образомъ. Эта сила разнородныхъ очерковъ и истина мелькающихъ ощущеній до такой степени новы въ книжномъ языкѣ, что читатель приходитъ въ недоумѣніе, самъ ли онъ все это видѣлъ, или только сочинитель вызвалъ передъ него такую пестроту и разноголосицу. Въ дневникѣ, гдѣ съ этой точки брошенъ взглядъ на безконечную цѣпь явленій нравственныхъ, физическихъ, политическихъ, художественныхъ, литературныхъ, домашнихъ, публичныхъ, ученыхъ, пріятельскихъ, дипломатическихъ, въ этомъ дневникѣ должны были столкнуться всѣ характеры языка, стиля, красокъ и вкуса. Можетъ быть, немногіе почувствовали, что это совершенно новый родъ въ литературѣ, не только въ нашей, но и вообще въ Европейской. Ничто не дастъ столько средствъ къ нападеніямъ на автора, какъ это уклоненіе отъ колеи, которой всѣ привыкли держаться, и которая дѣйствительно одна только и поддерживаетъ бездушный автоматъ, по ней механически движущійся. Чтобы выйти изъ заблужденія при спорахъ, возникающихъ отъ появленія книгъ, столь несогласно обнимающихъ одинъ и тотъ же предметъ, довольно слѣдовать за ощущеніями въ себѣ, раждающимися во время чтенія. Все, написанное по формѣ и по требованіямъ безталантныхъ судей, усыпляетъ читателя и тяготитъ его вниманіе. Но расказъ, рвущійся съ языка въ минуты сердечнаго трепета, влечетъ и волнуетъ

читателя, не смотря ни на какія уклоненія отъ условій эстетики. Мы увѣрены, что книгу г. Погодина прочтутъ всѣ и всю, не смотря на ея тонъ странно-оригинальный.

24. *Казанскіе Татары*, въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Соч. *Д. С. С. Фукса*. Въ 8; 131 стран. Казань.

Мы всегда отдаемъ предпочтеніе спеціальнымъ трудамъ ученаго передъ универсальными компиляціями. Совершенство достигается только точностію, ясностію и полнотою изученія, въ какомъ бы родѣ это ни было. Г. Фуксъ, въ продолженіи тридцати лѣтъ, какъ онъ расказываетъ, постоянно обработывалъ избранный имъ предметъ, т. е. составленіе наилучшей этнографіи Казанскихъ Татаръ. И теперь ему удалось привести къ окончанію многолѣтній трудъ. Можно безъ преувеличенія сказать о немъ, что это образцовое произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Прочитавъ его книгу, вы такъ ознакомитесь съ описываемымъ народомъ, что живо представлять будете все любопытное въ гражданскомъ, семейномъ и нравственномъ быту этаго племени, столько вѣковъ сохраняющаго во всемъ особенности свои посреди господствующаго, многочисленнаго народа Русскаго, гдѣ оно представляетъ едва замѣтную частицу населенія.

25. *Семена Порошина записки*, служащія къ исторіи Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника престолу Россійскаго. Въ 8; XVIII и 563 стран. Спб.

Появленіе этой книги, естественно, возбуждаетъ всеобщее любопытство. Читатели становятся участниками въ интереснѣйшихъ событіяхъ 1764 и 1765 годовъ, Они живо чувствуютъ, что передъ ними не холодное сочиненіе, для котораго матеріалы сохранились въ сбивчивыхъ преданіяхъ, или выбраны изъ разныхъ книгъ. Нѣтъ: это самая жизнь, со всѣмъ своимъ трепетомъ, теплотою и яркостію. Это ежедневная съ собою бесѣда умнаго, тонкаго, образованнаго наблюдателя, который не позволилъ ускользнуть ни одному сердечному движенію окружающихъ его, не допустилъ остыть ни одному чувству, не забылъ ни однаго замѣчательнаго слова, излетѣвшаго изъ устъ обожаемаго имъ Воспитанника. Семенъ Алексѣевичь Порошинъ получилъ образованіе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. По врожденной склонности къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ, еще бывши ученикомъ, онъ участвовалъ въ издававшемся тогда у насъ журналѣ: *Ежемѣсячныя сочиненія*. Двадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, по выходѣ изъ корпуса, состоялъ флигель-адъютантомъ при Императорѣ Петрѣ III. Съ 1762 онъ опре-

дѣленъ былъ кавалеромъ къ Наслѣднику Престола Великому Князю Павлу Петровичу. Въ это время, въ теченіи года и четырехъ мѣсяцевъ (съ 20 сентября 1764 по 13 генваря 1766) онъ велъ ежедневныя записки, до сихъ поръ хранившіяся у его наслѣдниковъ какъ семейная драгоцѣнность. Изданіемъ ихъ мы обязаны внуку его, Профессору С. Петербургскаго Университета Виктору Степановичу Порошину, который, въ предисловіи къ нимъ, сообщилъ нѣсколько біографическихъ извѣстій объ авторѣ и собственныя свои мысли о воспитаніи вообще и въ особенности о воспитаніи Особъ, предназначенныхъ Провидѣніемъ къ Престолу. Какое счастіе, что рукопись столь занимательная, перешла по наслѣдству къ человѣку, умѣвшему оцѣнить ее и представить ее публикѣ въ достойномъ ея видѣ.

26. *Расказъ о путешествіи* по Германіи, Голландіи, Англіи и Франціи. *И. А. Корсакова.* Въ 8; 110 стран. Моск.

Авторъ не отступилъ отъ заглавія своей книги и коротко расказалъ, какъ онъ началъ свое путешествіе, гдѣ былъ и что видѣлъ. Болѣе ничего и не обѣщалъ онъ читателямъ. Изъ простаго его расказа подобный ему путешественникъ можетъ почерпнуть свѣдѣнія, чѣмъ надобно запастися для путешествія и на какіе предметы обратить вниманіе въ примѣчательнѣйшихъ городахъ Европы. Есть въ книгѣ

нѣсколько неисправностей относительно языка и правописанія: это можно и не брать за образецъ.

27. *Очерки береговъ Рейна и Швейцаріи.* Изъ записокъ Русскаго путешественника. *Князя Алексѣя Мещерскаго.* Въ 8; 342 стран. Моск.

Ограничась предметомъ столь опредѣленнымъ, авторъ защитился отъ неудобства, связывающаго почти всѣхъ путешественниковъ: это неудобство состоитъ въ обязанности касаться разнородныхъ предметовъ въ одномъ и томъ же расказѣ. Въ книгѣ Князя А. Мещерскаго есть предметъ, колоритъ и цѣль. Они вводитъ читателя въ обозрѣніе удовлетворительное и оставляющее въ душѣ ясныя идеи. Разсѣянное въ разныхъ сочиненіяхъ здѣсь совокуплено, обработано и пополнено: достоинства, которыя часто возвращать будутъ вниманіе читателей къ этой книгѣ.

28. Путешествіе по землямъ западныхъ и южныхъ Славянъ. *В. Панова. I. Которскій округъ въ Далмаціи.* Въ 8; 50 стран. Моск.

Русскіе путешественники, посѣщавшіе земли западныхъ Славянъ, воспоминаютъ о нихъ съ любовію и умиленіемъ. Это очень естественно: тамъ они во всемъ находятъ много нашего народнаго. Г. Пановъ, проникнутый чувствомъ состраданія къ еди-

новѣрцамъ, нуждающимся даже въ церковныхъ книгахъ и утваряхъ, описаніе своего путешествія издаетъ выпусками, назначая выручку за нихъ для покупки вышеозначенныхъ предметовъ Славянамъ въ Далмаціи и Герцоговинѣ. Мы увѣрены, что благомыслящіе читатели достойно оцѣнятъ его трудъ, представляющій сочиненіе любопытное по множеству и вѣрности фактовъ, и въ тоже время удовлетворяющее потребности Русскаго сердца, всегда готоваго къ благотворительности.

29. *Адресъ-Календарь Санктпетербургскихъ жителей*, составленный по оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ *К. Нистремомъ*. Три тома: 1. Указатель города С. п. бурга; 2. Календарь служащихъ чиновниковъ; 3. Календарь частныхъ лицъ. Въ 12; 227 и 300, X и 677, и 131. Спб.

Книга не только полезная, какъ матеріалъ статистики, но почти и необходимая для каждаго изъ жителей столицы. Составленіе этаго адресъ-календаря требовало неимовѣрныхъ трудовъ. Никто не долженъ послѣ того и удивляться, если встрѣтятся легкія ошибки въ изданіи.

30. *Атласъ всѣхъ частей свѣта*. Составилъ *Ст. Барановскій*. Въ б. 4; 14 листовъ. Спб.

Всѣ ученыя предпріятія свои г. Барановскій

исполняетъ съ необыкновенною добросовѣстностію, съ большимъ знаніемъ дѣла и съ рѣдкимъ усердіемъ къ пользѣ обучающагося юношества. Онъ не подражаетъ обыкновеннымъ издателямъ географическихъ картъ, перепечатывающимъ старыя изданія и повторяющимъ по нѣскольку разъ старыя ошибки. У г. Барановскаго все принято во вниманіе: новыя извѣстія путешественниковъ, открытія ученыхъ, соображенія лучшихъ педагоговъ. Онъ даетъ всему мѣсто въ своемъ изданіи. Такимъ образомъ вотъ какіе внесены имъ въ его атласъ предметы, обыкновенно не встрѣчаемые у другихъ издателей картъ: 1. Измѣненіе температуры отъ возвышенія надъ уровнемъ океана; 2. Средняя температура атмосферы; 3. Сравнительная высота материковъ надъ уровнемъ океана по вычисленію А. ф. Гумбольдта; 4. Распространеніе двухъ южныхъ урагановъ 1809 г.; 5. Распространеніе сѣвернаго урагана въ Августѣ 1837 г.; 6. Сравнительные чертежи горъ Швейцаріи и Франціи, Италіи и Германіи, Великобританіи и Скандинавіи; 7. Тоже въ отношеніи къ Азіи; 8. —къ Америкѣ; 9. —къ Африкѣ, и 10. Океаніи; 11. Планъ Москвы; 12. Окрестности Москвы; 13. Окрестности С. п. бурга; 14. Сравненіе климата и разстояній Россіи съ климатомъ и разстояніями западной Европы; 15. Длина и высота паденія Русскихъ рѣкъ; 16. Поверхность Европейской Россіи въ профилѣ.

31. *Пятидесятилѣтіе литературной жизни С.*

Н. Глинки. Соч. *Б. Өедорова.* Въ 8; 31 стран. Спб.

«Утѣшительно, говоритъ авторъ, обозрѣть поприще дѣятельности человѣка, котораго жизнь, можно сказать, проникнута вдохновеніемъ любви къ отечеству, а сочиненія были выраженіемъ этаго священнаго чувства.» Слова прекрасныя въ отношеніи къ автору и еще болѣе въ отношеніи къ тому, о комъ здѣсь говорится. С. Н. Глинка, въ продолженіе пятидесятилѣтней литературной своей жизни, ни разу не измѣнилъ высокому стремленію своему—возбуждать въ читателяхъ любовь къ отечеству. Г. Өедоровъ, въ обозрѣніи своемъ, раздѣлилъ всѣ сочиненія С. Н. Глинки на шесть отдѣловъ: 1. Отечественную Исторію; 2. Жизнеописанія и Анекдоты; 3. Всеобщую Исторію и топографію; 4. Воспитаніе; 5. Стихотворенія; 6. Театръ, и 7. Смѣсь. Какъ бы ни были неравны въ литературномъ отношеніи столь разнообразныя произведенія одпаго писателя; но единство въ ихъ направленіи составляетъ неотъемлемое ихъ достоинство; а число ихъ изумительно: доселѣ напечатано всѣхъ сочиненій г. Глинки пятдесятъ четыре.

32. *Изъясненіе знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ*, посредствомъ которыхъ можно узнавать, когда написаны, или напечатаны какія-либо книги, грамматы, рисунки, картинки и другія старинныя и

пестаринныя дѣла, на которыхъ не означено годовъ. Собралъ и издалъ *Корнилій Тромонинъ*, Въ 4; LXXXII стран. рисунковъ, 18 объясненій. Моск.

Люди, занимавшіеся старинными памятниками нашей письменности и книгопечатанія, знакомы со всѣми затрудненіями, безпрестанно встрѣчающимися при опредѣленіи времени, къ которому достовѣрно ихъ отнести надобно. Между-тѣмъ это опредѣленіе составляетъ важнѣйшую цѣль труда въ отношеніи къ стариннымъ рукописямъ, потому-что отъ вѣрности его зависятъ всѣ важнѣйшіе выводы касательно языка, формъ его и другихъ принадлежностей, входящихъ въ Исторію Литературы. Трудъ г. Тромонина теперь доставляетъ способъ рѣшить множество сомнѣній. Мы увѣрены, что каждый изъ Русскихъ ученыхъ поспѣшитъ пріобрѣсти это сокровище.

33. *25 стихотвореній А. С. Хомякова*. Въ 12; 42 стран. Моск.

Авторъ небольшаго собранія стихотвореній, нынѣ напечатанныхъ, давно извѣстенъ публикѣ: его пьесы всегда служили украшеніемъ тѣхъ журналовъ, въ которыхъ онъ помѣщалъ ихъ. А. С. Хомяковъ, въ нашу эпоху, принадлежитъ къ маленькому числу тѣхъ Русскихъ поэтовъ, которые удержали при изящномъ искуствѣ высокое его назначе-

ніе — вдохновенную мысль или чувство и все достоинство ихъ изображенія. Онъ поэтъ по-преимуществу лирическій — и обладающее имъ одушевленіе животворится святымъ пламенемъ любви къ родинѣ. Онъ сочувствуетъ ей и отвѣчаетъ ея доблестнымъ помысламъ. Во всемъ, до чего ни касается его дума, онъ открываетъ таинственную судьбу отечества. Это святое, неизмѣнно-горящее чувство переливается изъ поэзіи его въ душу читателя, такъ-что, посреди писателей, пресмыкающихся подъ ярмомъ эгоизма, корыстолюбія и унизительнаго раболѣпства передъ отвратительною ново-Европейскою школою клеветниковъ и торгашей, онъ является очистителемъ молодаго поколѣнія. Можно ли, на примѣръ, читать безъ умиленія и восторга слѣдующіе стихи?

РОССІИ.

«Гордись,» тебѣ льстецы сказали,
«Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
«Земля несокрушимой стали,
«Полміра взявшая мечемъ!
«Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ —
«И, прихотей твоихъ раба,
«Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
«Тебѣ покорная суьба.
«Красны степей твоихъ уборы,

«И горы въ небо уперлись,
«И какъ моря твои озеры.»
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны
И пышенъ хлѣбомъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей;
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей:
И что же Римъ? и гдѣ Монголы?
И, скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Кустъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Албіонъ.
Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный миръ святыни,
Сильна молящихся рука.

И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна
Глаголъ Творца пріяла ты:
Тебѣ онъ далъ свое призванье,
Тебѣ онъ славный далъ удѣлъ —
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ,
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.
О, вспомни свой удѣлъ высокой,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и, всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинства свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!...
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесной,
Прозрачный Вышняго покровъ.

34. *Гласъ скорби Россіянъ о кончинѣ* Е. И. В. Великой Княгини Александры Николаевны. Соч. *Виктора Лебедева.* Въ б. 8; 8 стран. Спб.

При столь трогательно-высокомъ содержаніи

брошюры всякое замѣчаніе критики представляется излишнимъ.

35. *Наказанный колдунъ.* Сказка въ стихахъ. Въ 8; 32 стран. Моск.

36. *Москва и Кавказъ.* Повѣствовательный расказъ. Стихотвореніе *Е. Гончаровскаго.* Въ 8; 19 стран. Моск.

37. *Въ день серебренной свадьбы* Д. С. и Ж. О. Шаугарту, Іюля 1844 года. Въ 8; 2 стран. Спб.

38. *Мужичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ,* Русская сказка въ двухъ частяхъ (въ стихахъ). Соч. *В. Потанова.* Въ 16; 71 и 64 стран. Моск.

Трудно вообразить что-нибудь ничтожнѣе этихъ четырехъ сочиненій въ стихахъ.

29. *Чуръ! Чепуха*; или нѣсколько фактовъ изъ жизни Украинскаго панства. Соч. *Кирила Тополи.* Въ 12 148 стран. Казань.

Нѣтъ здѣсъ совсѣмъ ничего похожаго на факты изъ жизни Украинскаго панства; за то есть обѣщанное первымъ заглавіемъ книжки.

40. *Сочиненія Князя В. Ѳ. Одоевскаго.* Три части. Въ 8; IX и 390, 436, и 374 стран. Спб.

Князь В. Ѳ. Одоевскій, въ наше время, есть самый многосторонній и самый разнообразный писатель въ Россіи. Его умственная дѣятельность свободно и съ любовію обращается къ каждому предмету наукъ, искуствъ, гражданственности, даже ремеслъ. Знаніе иностранныхъ языковъ, врожденная любознательность, способность къ наблюденіямъ, разнородное чтеніе такъ обогатили его умъ положительными свѣдѣніями, что сочиненія его представляютъ явленіе, достойное всеобщаго вниманія и даже изученія. Авторъ облекъ ихъ большею частію въ форму повѣстей и расказовъ, оставивъ только нѣкоторыя въ разговорномъ видѣ. Литературѣ нашей преимущественно не доставало сочиненій, которыя бы, питая любознательность, развивали въ читателяхъ этотъ философическій духъ возрѣнія на предметы, повсюду замѣчаемый въ сочиненіяхъ Князя В. Ѳ. Одоевскаго. Для него человѣкъ, жизнь, страсти, нравы, вкусъ, занятія, добродѣтели, пороки, ученье, большой свѣтъ, чернь, литераторы, словомъ — все, съ чѣмъ только можетъ человѣкъ столкнуться въ обществѣ, все обращалось въ тему изслѣдованія. Душа его, такъ сказать, растворена любовію къ общему благу, къ просвѣщенію, къ нравственности и религіозности. Онъ, въ своемъ филантропическомъ расположеніи духа, об-

нимаетъ безчисленное множество обстоятельствъ въ жизни, самыхъ мелкихъ, едва замѣтныхъ для другаго, но важныхъ по ихъ слѣдствіямъ. Есть особенное чистосердечіе, особенная искренность, съ которою входитъ онъ въ изъясненіе интересовъ обще-человѣческихъ. Создавши множество своеобразныхъ формъ изложенія истинъ, онъ обнаружилъ въ себѣ писателя независимаго и оригинальнаго. Вся первая часть его сочиненій, названная имъ *Русскія Ночи*, выражаетъ современное стремленіе духа удовлетворительно рѣшить важнѣйшіе вопросы въ природѣ и въ гражданственности. Съ запасомъ разностороннихъ знаній, почерпнутыхъ изъ философіи, естествовѣдѣнія и политики разныхъ эпохъ и лицъ, онъ своими проблеммами безпрестанно возбуждаетъ дѣятельность ума въ читателѣ, что неоспоримо составляетъ важную заслугу въ авторѣ. Повѣсти, расказы и описанія въ другихъ двухъ томахъ ознаменованы также относительными достоинствами, особенно по общему ихъ направленію. Чѣмъ выше стремленіе духа и чѣмъ ближе мы къ созерцанію вѣчныхъ истинъ; тѣмъ чаще является потребность въ утонченности выраженій, въ оттѣнкахъ самыхъ легкихъ и часто совершенно новыхъ терминахъ, или слишкомъ въ смѣломъ сочетаніи прежнихъ. Только долговременная опытность и нѣкотораго рода вдохновеніе, въ подобныхъ обстоятельствахъ, охраняютъ писателя отъ легкихъ ошибокъ или неточности. И такъ очень естественно, что въ раз-

сматриваемыхъ нами сочиненіяхъ не только способъ изложенія, но и самыя идеи могутъ быть представлены критикою не съ выгодной для нихъ стороны. Мы однако же думаемъ, что, посвятивъ много лѣтъ жизни размышленію, авторъ найдетъ лучшее удовлетвореніе за трудъ въ собственномъ сознаніи несомнѣннаго добра, которое приносятъ обществу любовь къ истинѣ и ея распространеніе. Ему всѣхъ знакомѣе пути, избираемые современною критикою для достиженія цѣлей, недостойныхъ призванія литератора, потому-что едва ли не первый изъ нашихъ писателей онъ серьёзно наложилъ руку на дѣйствія промышленниковъ этаго разбора, напечатавъ слѣдующее: «Журналистъ до истощенія силъ увѣряетъ въ своемъ безпристрастіи; но всѣ читатели очень хорошо знаютъ, что во вчерашнемъ засѣданіи акціонерской компаніи журналу опредѣлено быть того мнѣнія, а не другаго (I, 320).

41. *Архангельскій историко-литературный сборникъ, изданный Флегонтомъ Вальневымъ.* Въ 16; 240 стран. Спб.

Въ этомъ сборникѣ замѣчательнѣйшія статьи суть историческія, особенно старинныя Грамоты. Чисто-литературныя — изъ довольно обыкновенныхъ.

42. *Отрывки.* Въ 24: 47 стран. Спб

Сборъ статеекъ, писанныхъ кѣмъ-то очень давно тому назадъ и совсѣмъ не занимательныхъ.

43. *Стенографія*, или искуство писать такъ же скоро, какъ говорятъ. На Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Въ 8; 72 стран. Моск.

Книжка ничѣмъ не соотвѣтствующая обѣщанному въ ея заглавіи.

44. *Латинскія прописи* для упражненія въ чистописаніи Латинскихъ названій болѣзней, хирургическихъ операцій, лекарствъ употребительнѣйшихъ номенклатуръ, равно и нѣкоторыхъ другихъ медицинскихъ часто употребляемыхъ словъ, необходимыхъ для практическихъ занятій воспитанниковъ фельдшерскихъ школъ и состоящихъ на службѣ фельдшеровъ. Прописи сіи составлены инспекторомъ фельдшерской школы при Обуховской Больницѣ штабъ-лекаремъ Кол. Сов. и Кав. *Ф. Зауеромъ*; планы литографированы *Р. Гиллисомъ.* Спб.

Предположеніе очень полезное и исполнено прекрасно.

45. *Начальныя правила для обученія Латинскому языку*, въ пользу Русскаго юношества. Съ седьмаго изданія Зейденштюкера составленныя и

дополненныя *Яковомъ Лангеномъ*. Въ 9: 142 стран. Спб.

Успѣхъ Нѣмецкаго изданія этихъ правилъ уже достаточно говорить въ ихъ пользу.

46. Новѣйшая и полная *Нѣмецкая азбука*. Въ 12; 72 стран. Моск.

Подобно многимъ азбукамъ, и эта, хотя *новѣйшая и полная*, не ведетъ далѣе того, къ чему приходятъ съ обыкновенною азбукой.

47. *Начальныя правила для обученія Нѣмецкому языку*. Въ пользу Россійскаго юношества, по образцу Зейденштюкера составленныя Я. Л. Въ 8; 112 стран. Спб.

Много хорошихъ практическихъ замѣчаній собрано въ этой книгѣ.

48. *Самоучитель Французскаго языка*, или руководство научиться безъ помощи учителя читать, писать и говорить по-Французски. Въ двухъ частяхъ. Въ 12; 174 стран. Спб.

Всѣмъ извѣстно, до какой степени можно усвоить себѣ языкъ безъ руководства учителя, а тѣмъ болѣе Французской, котораго произношеніе тре-

буетъ такой утонченности. И-такъ эта книга ни къ чему не служитъ.

49. *Начальныя основанія Русской Этимологіи,* составленныя *Александромъ Студитскимъ.* Въ 8; 16 стран. Моск.

Это одинъ изъ опытовъ утвердить Грамматику на философіи. Но отъ опыта до совершенства большое осталось пространство.

50. *Руководство къ Статистикѣ,* написанное исправляющимъ должность профессора Статистики въ Харьковскомъ Университетѣ Над. Сов. *Александромъ Рославскимъ.* Въ 8; 231 стран. Харьковъ.

При совершенной у насъ бѣдности по части хорошихъ статистическихъ сочиненій, надобно благодарить г. Рославскаго за этотъ трудъ, впрочемъ видимо требующій дополненій касательно данныхъ науки.

51. *Новая метода для изученія хронологіи* достопамятнѣйшихъ лицъ и происшествій. Въ 8; 12 стран. Спб.

Страннѣе и безуспѣшнѣе этой методы выдумать уже нельзя: тутъ цифры замѣняются буквами, межъ коихъ вносятся еще буквы, такъ-что бы

наконецъ вышло слово, примѣняемое къ событію. Расказъ о первомъ самозванцѣ, на прим., означенъ цифрами: 1605. По новой методѣ тысяча всегда подразумѣвается, а для остальныхъ цифръ взяты буквы: Л, Ж и Ц. Вставивъ послѣ двухъ букву *е*, вы получаете слово Лжецъ, напоминающее Лжедимитрія. Отъ подобнаго облегченія можно потерять и послѣднее, что хранилось бы въ памяти касательно хронологіи.

52. Руководство къ познанію *Новой Исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній*, сочиненное *С. Смарагдовымъ*, Адъюнктъ-Профессоромъ Императорскаго Александровскаго Лицея. Въ 8; 611 и XXXIII стран. Спб.

Въ числѣ учебныхъ книгъ, изданныхъ у насъ въ послѣднее время по части Исторіи, это одно изъ лучшихъ. Авторъ не только воспользовался новѣйшими соображеніями ученыхъ, но и самому изложенію многосложныхъ событій умѣлъ сообщить возможную ясность и полноту. Много предметовъ важныхъ, прежде не входившихъ въ виды преподавателей, онъ ввелъ въ науку какъ необходимое дополненіе къ причинамъ, которыми объясняются событія.

53. *Рѣчи*, произнесенныя воспитанниками *Московскаго Коммерческаго Училища*, въ торжествен-

номъ собраніи онаго, Іюня 22 дня 1844. Въ 4; 108 стран. Москв.

Болѣе всего нравятся намъ въ этомъ собраніи Рѣчей ихъ темы и направленіе: то и другое во-первыхъ специально и приноровлено къ цѣли воспитанія молодыхъ людей, во-вторыхъ устремлено на практику, что важнѣе всего въ ихъ будущемъ.

54. Императорская *Эрмитажная галлерея*, литографированная лучшими артистами Франціи гг. *Дюпрессаромъ*, *Эмилемъ Робильяромъ*, *Ипполитомъ Робильяромъ*, *Гюо*, *Викторомъ Долле* и проч., печатаемая *Полемъ Пети*. Въ б. листъ. Четыре тетради. Спб.

Вотъ предпріятіе, которое должно наиболѣе способствовать развитію вкуса и любви къ изящнымъ искуствамъ. Драгоцѣнное собраніе картинъ, которымъ доселѣ можно было пользоваться только жителямъ С. п. бурга, переходитъ въ достояніе всѣхъ и каждаго. Литографія до такой доведена утонченности и совершенства, что сохраняются всѣ оттѣнки художниковъ. Получая копію картины, вы съ нею сверхъ того получаете біографію живописца ея и изложеніе самаго содержанія.

54. *Артиллерійскія записки*. Составлены Инспекторомъ классовъ Полковникомъ *Рѣзвымъ* для

преподаванія Е. И. В. Великому Князю Константину Николаевичу. Часть первая *Описаніе предметовъ матеріальной части Русской артиллеріи.* Въ 8. Спб.

Во всѣхъ отношеніяхъ это лучшее руководство для изученія артиллеріи. Авторъ, для окончательнаго совершенства труда своего, не упустилъ изъ виду ни однаго новаго опыта или открытія въ практической механикѣ, химіи, металлургіи и физикѣ, который только могъ быть примѣненъ къ его дѣлу.

56. Ручная книга, или теоретическій и практическій трактатъ къ *излеченію падучей болѣзни, дѣтскихъ конвульсій и истерики*, и проч. Составлено докторомъ *Марокетти*. Двѣ части. Въ 8; VI и III, и 136 стран. Спб.

Никто не можетъ сомнѣваться въ дѣйствительности медицинскихъ знаній врача, посвятившаго сорокъ лѣтъ жизни медицинской практикѣ. Это впрочемъ ни сколько не заставляетъ думать, что онъ въ такой же мѣрѣ покажетъ свои способности и знанія, рѣшившись написать книгу о своей профессіи— и болѣе всего подтвердилось явленіемъ сочиненія доктора Марокетти. Онъ внесъ въ книгу свою много любопытныхъ наблюденій и опытовъ, но не сообщилъ ей полноты, системы и изложенія въ та-

кой мѣрѣ совершенныхъ, какъ этаго требовало нынѣшнее цвѣтущее состояніе медицины не только въ государствахъ иностранныхъ, но и въ Россіи.

57. Краткая общая *Анатомія* тѣла человѣческаго. Издалъ *Илья Буяльскій.* Въ 8; 300 стран. Спб.

Сочиненіе заслуженаго профессора обнимаетъ избранный имъ предметъ такъ полно и въ каждой части своей представляетъ такую отчетливость, что наука является здѣсь во всемъ своемъ блескѣ, какой доставили ей усилія ученыхъ всей Европы. Это сочиненіе конечно будетъ принято у насъ всѣми съ тѣмъ энтузіасмомъ, какой заслуживаютъ ученые труды великихъ писателей и знатоковъ дѣла.

58. *Онанизмъ и его леченіе.* Сочиненіе *Л. А. К.* Въ 8; IV и стран. Спб.

Въ изданной нынѣ книгѣ объ онанизмѣ не всѣ собраны указанія, обнародованныя уже по этой части докторами во Франціи и въ другихъ земляхъ. Авторъ болѣе прочихъ руководствъ держался перевода на Русской языкъ Тиссотовой книги, которую перепечатывали здѣсь нѣсколько разъ. Кстати замѣтить, что каждая наука совершенствуется

изученіемъ всѣхъ предшествовавшихъ въ ней опытовъ, а медицина и преимущественно.

59. *Хозяйственный календарь*, съ присовокупленіемъ общеполезныхъ для городскаго и деревенскаго жителя примѣчаній. Соч. *В. Х.* Въ 8; III и 300 стран. Моск.

Въ книгѣ этой, составленной съ большимъ знаніемъ дѣла и написанной очень хорошимъ Русскимъ языкомъ, излагается для соображенія читателя, какую работу лучше приводить въ одномъ или другомъ мѣстѣ и какаго порядка надобно держаться въ распредѣленіи работъ. Но такъ-какъ указатель составленъ по опытамъ въ одной Смоленской губерніи; то естественно выходитъ, что примѣненіе общее было бы неестественно — и требуетъ собственныхъ соображеній каждаго читателя.

60. Новая ручная книга *Русской практической хозяйки*, составленная изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій *К. А...евой.* Въ 12; 304 стран. Спб.

Хозяйки Русскія становятся мало по малу удивительно смышлеными кухарками — и на оборотъ. Послѣднее видно, какъ нельзя яснѣе, изъ напечатанной теперь книги. Она обязана своимъ существованіемъ подобному кухонному произведенію, нѣсколько разъ перепечатывавшемуся и указанному

нами въ предшествовавшихъ томахъ. Видно, чт успѣхъ раждаетъ подражателей не въ одной обла сти романовъ.

61. Наставленіе *о воздѣлываніи табака. Д Струкова.* Въ 8; 101 стран. Спб.

О главномъ предметѣ сочиненія говорится в второй части этой книжки; а первая посвящен историческому взгляду на открытіе и распростра неніе описываемаго здѣсь злака, третія же указы ваетъ читателю на V т. Свод. Зак., гдѣ опредѣ ленъ акцизный сборъ съ произведеній изъ сего про дукта. Планъ довольно хорошо обдуманъ. Невы годно одно, что, говоря о воздѣлываніи табака авторъ выписываетъ безъ разбору изъ напечатан ныхъ статей о предметѣ семъ и не отдѣляетъ дѣль наго отъ безполезнаго.

62. Странныя и чудныя приключенія отстав наго солдата Архипа Сергѣича. *Старинное Русско преданіе, расказанное И. В. Крыловымъ.* Въ 12; 12 стран. Моск.

Здѣсь представляется намъ образецъ тѣхъ не лѣпостей, которыя сплетаются и издаются для до браго Русскаго народа. Хорошо, что по инстинкт онъ не падокъ на подобныя угощенія — и всѣ он нейдутъ далѣе переднихъ и прилавковъ.

63. *Народные Славянскіе расказы*, изданные *И. Боричевскимъ*. Въ 12; 224 стран. Спб.

Книги, украшаемыя громкимъ названіемъ «Славянскихъ,» получше собственно Русскихъ. Такъ, на прим., въ «народныхъ Славянскихъ расказахъ» найдешь не только смыслъ, но и краски и нѣкоторое мастерство въ изложеніи.

64. Краснобай, или дѣдушка Тарасъ расказывать гораздъ. *Русскія сказки*. Въ 16; 147 стран. Спб.

Въ «Краснобаѣ», какъ и быть должно, встрѣчаются между прозаическими расказами стихотворные эпизоды. Судя по всему, что представляется читателю въ книгѣ сей, авторъ могъ бы заняться чѣмъ-нибудь гораздо подѣльнѣе и обработать лучше, если бы его не соблазнила ложная идея быть народнымъ, примѣшивая ко всему однѣ поговорки, не сливающіяся съ духомъ сочиненія.

65. Самыя новѣйшія средства къ истребленію клоповъ, тараканов, мухъ, и проч. *Книга полезная для всѣхъ сословій*. Собрано изъ новѣйшихъ иностранныхъ открытій. Въ 12; 32 стран. Моск.

И это отрасль простонородной литературы, не

смотря на то, что сочинитель назначаетъ свою кни-гу для всѣхъ сословій, какъ нѣкогда то же бы-ло сказано другимъ авторомъ про историческое его сочиненіе.

66. Открытыя тайны древней магіи, или *со-браніе разнаго рода удивительныхъ и чудесныхъ опы-товъ*. Въ 12; 135 стрн. Моск.

Изданіе для охотниковъ до забавъ, отъ кото-рыхъ по несчастію отстали и самые нѣкогда ревно-стные къ нимъ приверженцы.

II.

67. *Творенія святыхъ Отцевъ въ Русскомъ пере-водѣ*. Повременное изданіе при Московской Духов-ной Академіи, съ прибавленіями духовнаго содер-жанія. *Годъ второй. Книжка 2.* Въ 8; 165, 324, 97 и 291 стран. Моск.

68. *Второе отдѣленіе этимологіи*. Измѣне-ніе частей рѣчи. *Тетрадь III*. Въ 8; 207 стран. Моск.

69. *Воскресныя посидѣлки*. Книжка для добр

го Русскаго народа. *Четвертый и пятый пятокъ.* Въ 16; 176 и 160 стран. Спб.

70. *Добавленіе къ описанію моего фантастическаго кабинета.* Въ 8; 8 стран. Спб.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

4. *Учебный курсъ рисованія*, по новой и легкой методѣ, составленный съ объяснительнымъ текстомъ *К. Брюнаремъ*, профессоромъ рисованія. Съ Парижскаго изданія издалъ В. Логиновъ. 18 тетрадей съ 72 чертежами. При каждомъ чертежѣ объяснительный текстъ. Моск.

Такъ-какъ мало у насъ хорошихъ руководствъ для обученія рисованію, то не безъ пользы можно употребить и изданное нынѣ, хоть въ немъ ничего нѣтъ вновь придуманнаго и облегчающаго, будь сказано не во гнѣвъ издателю.

5. Начальныя основанія артиллеріи. Часть I. *О порохѣ*. Сочиненіе артиллеріи полковника *Тиммерганса*. Перевелъ съ Французскаго артиллеріи полковникъ *Носовъ*. Въ 8; 378 стран. Спб.

Тиммергансъ такъ извѣстенъ всѣмъ артиллеристамъ Европы, что на переводъ прекрасной книги его надобно смотрѣть, какъ на трудъ общеполезный. Къ-счастію переводомъ занялся человѣкъ, владѣющій Русскимъ языкомъ и знатокъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь въ сочиненіи. Если г. Носовъ не остановится на первой части и кончитъ вполнѣ книгу, мы одолжены будемъ ему пріобрѣтеніемъ, важнымъ въ литературѣ военной.

6. *Руководство къ медицинской клиникѣ*, или частная паталогія и терапія, обработанная съ клинической точки зрѣнія. Соч. док. *Карла Канштата*. Пер. съ Нѣм. док. *А. Реми*. Книга первая. *Клиническая марфологія*, или элементарныя болѣзненныя формы. Въ 8; 503 стран. Моск.

Достоинство переведенной нынѣ книги преимущественно открывается съ той стороны, что авторъ ея, въ ученомъ трудѣ своемъ, умѣлъ найти средину между изысканностію системы и безпорядочностію такъ называемыхъ практикантовъ, т. е. людей, отвергающихъ важность науки. Переводъ хорошъ.

7. *Новый оракулъ*, или невинное Сивиллино гаданіе по сдѣланнымъ на удачу точкамъ. Къ пріятному препровожденію времени. Съ Нѣмецкаго перевелъ *Ѳ. А*. Въ 8; 24 стран. Моск.

Довольно издано и оригинальныхъ сочиненій по этой отрасли невѣжества, празднословіи и праздцолюбія; къ-чему бы, кажется, заимствовать съ Нѣмецкаго новый опытъ стремленія къ пагубѣ времени?

II.

8. *Руководство къ переправамъ чрезъ рѣки и построеніе военныхъ мостовъ*, составленное Французской службы артиллеріи капитаномъ *Гайльо*. Переводъ съ Французскаго. *Книжка вторая*. Съ четырьмя чертежами. Въ 8; 318 стран. Спб.

=

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

10. *Политическая и военная жизнь Наполеона.* Сочиненіе Генералъ-адъютанта *Барона Жомини*, переведенное съ Французскаго *П. Линдфорсомъ. Описаніе сраженій. Изданіе третіе*, исправленное. Въ 8; 120 стран. Спб.

11. *Ермакъ*, покоритель Сибири. Историческій романъ. *Изданіе четвертое.* Въ 12; 95 и 79 стран. Моск.

12. *Стенька Разинъ*, атаманъ разбойниковъ. Историческое сказаніе, взятое изъ временъ Царя Алексѣя Михайловича. Соч. *Докучаева. Изданіе второе.* Въ 12; 70 стран. Моск.

13. *Вечеръ въ клубѣ.* Шуточный расказъ въ

стихахъ. Соч. *С. С. Изданіе второе* съ дополненіемъ. Въ 8; 56 стран. Моск.

14. *Азбука Французская*, или легчайшій способъ научиться правильно читать и писать по-Французски, и проч. Соч. *С. Ушаковымъ. Шестое изданіе*. Въ 8; 111 стран. Спб.

15. *Французскіе и Русскіе разговоры*, составленные и раздѣленные на 150 уроковъ *I. Сомовымъ. Пятое изданіе*. Въ 8; 233 стран. Спб.

16. *Самоучитель Французскаго языка*, по методѣ *А. Ф. Язвинскаго*. Изданный изобрѣтателемъ методы. *Изданіе второе*. Двѣ части. Въ 8; III и 198, и 232 стран. Спб.

17. Книга для чтенія, *въ пользу начинающихъ учиться Нѣмецкому языку*. Съ подстрочнымъ переводомъ. *Изданіе третіе*. Въ 12; 101 стран. Спб.

18. *Русская Грамматика Александра Востокова*, по начертанію его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. *Изданіе шестое*, исправленное. Въ 8; 355 и XVI стран.

19. *Ариѳметика*. Въ вопросахъ и отвѣтахъ расположенная по новѣйшему методу. Въ двухъ час-

тяхъ для легчайшаго обученія дѣтей. Составленная *Меморскимъ*. Моск.

20. Географія. Часть первая. *Географія математическая и физическая.* Составилъ *Н. И. Соколовскій. Изданіе четвертое*, исправленное. Учебное руководство для военно-учебныхъ заведеній. Въ 12; 157 стран. Спб.

21. *Руководство къ познанію древней исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній*, сочиненное *С. Смарагдовымъ*, адъюнктъ-профессоромъ Императорскаго Александровскаго лицея. *Изданіе третіе*, исправленное. Въ 8; IV и 140 стран. Спб.

22. *Краткая всеобщая Географія Константина Арсеньева. Девятнадцатое издоніе*, вновь исправленное. Въ 8; 284 стран. Спб.

23. *Ручная книга Русской опытной хозяйки*, составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій доброй хозяйки Русской, *К. Авдѣевой. Изданіе четвертое.* Въ 12; XIII и 317 стран. Спб.

II.

24. *Политическая и военная жизнь Наполеона.* Сочиненіе Генералъ-адъютанта *Барона Жомини*, пе-

реведенная съ Французскаго *Н. Линдфорсомъ*, съ приложеніемъ 45 листовъ картъ и плановъ сраженій и особаго къ нимъ описанія. *Изданіе третіе*, исправленное. *Часть вторая*. Въ 8; 514 стран. въ два столбца. Спб.

═

ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «СОВРЕМЕННИКА».

I.

Имя поэта Рунеберга давно знакомо читателямъ «Современника». Много изъ блестящихъ произведеній этаго таланта мы заимствовали для журнала нашего. Спѣшимъ подѣлиться съ читателями извѣстіемъ, которое сообщено въ частномъ письмѣ изъ Гельзингфорса отъ $\frac{15}{27}$ Окт. сего года. «———
«Е. В. Король Оскаръ, по случаю коронаціи, помѣ-
«стилъ и Рунеберга въ число Кавалеровъ ордена *Сѣ-
«верной Звѣзды*, пожалованныхъ этимъ почетнымъ
«отличіемъ въ разныхъ странахъ. Орденъ сей, какъ
«извѣстно, дается за заслуги гражданскія, особенно
«литературныя.———»

II.

Многимъ изъ читателей нашихъ любопытно было узнать имя автора, котораго стихи, начина-

ющіеся словами: «*Когда дитя*» и помѣщенные на 109 стран. XXXVI т. Современника, такъ поразительно запечатлѣны глубокимъ и сильнымъ талантомъ. Сколько для дополненія статьи нашей объ *Е. А. Баратынскомъ* (Т. XXXV, стран. 298—329), столько же и для удовлетворенія любопытству читателей, мы за долгъ свой признаемъ объявить, что авторъ этихъ стиховъ тоже Е. А. Баратынскій. Они были написаны имъ въ Парижѣ передъ отѣздомъ въ Италію.

ПИСЬМО.

И такъ Богу угодно было изъ двухъ чашъ испытанія выбрать ту, которую должны изпить Отецъ и Мать; а чаша Дочери *прошла мимо* вмѣстѣ съ Ея земною жизнію; и такъ нашъ Ангелъ земной сталъ Ангеломъ небеснымъ; и такъ въ немногіе мѣсяцы болѣзни, перенесенной съ терпѣніемъ чистой души, милосердіе Божіе соединило все, что испытываетъ человѣкъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и молодая душа вдругъ созрѣла терпѣніемъ, вдругъ стала готова для новой жизни въ дому Отца, вдругъ перелетѣла туда, легкая, свѣтлая, безъ всякаго здѣшняго бремени. И въ послѣднюю минуту здѣшнюю Богу угодно было даровать Ей, какъ будто въ награду за все, лучшую радость земную, радость матери; Она слышала голосъ Своего младенца, и этимъ милымъ голосомъ сказалась Ей смерть; сынъ родился какъ будто только для того, чтобы позвать за собой на небо мать, и въ крикѣ его, въ этомъ призваніи смерти, выразилось для Нее все, и таинство разлуки съ покидаемыми, которая не иное что,

какъ узы тѣснѣйшія, и радость совокупной жизни съ родной душею, неиспытавшей превратностей земнаго, но получившей въ первую и единственную здѣшнюю минуту всѣ права на жизнь вѣчную — сколько здѣсь великаго, умиляющаго сердце, святаго!

Съ благоговѣніемъ передъ материнскою скорбію пишу эти строки. Не знаю, какъ выразить мнѣ теперешнее чувство — я назвалъ бы его молитвою. Я не смѣлъ писать, когда все еще было въ нерѣшимости. — — — Теперь же, когда уже все рѣшено и когда Богъ изъявилъ свою волю, осмѣливаюсь сказать и мое горестное слово. Но что сказать? Можно только стать на колѣна и прославить Бога, посылающаго благодать страданія тѣмъ, кого Онъ хочетъ себѣ присвоить. Если самыя лучшія, самыя высокія минуты наши суть тѣ, въ которыя мы живѣе чувствуемъ себя въ присутствіи Бога и Его присутствіе въ нашемъ сердцѣ; если и цѣль нашей жизни не иная, какъ постоянное пребываніе въ этомъ присутствіи, съ смиреннымъ признаніемъ высшей воли, съ совершеннымъ уничтоженіемъ передъ нею нашей собственной; если всѣ наши дѣйствія, все, что съ нами случается и добраго и злаго, всѣ наши надежды и радости, если все это можно выразить, объяснить и привести въ прекрасное устройство однимъ словомъ: *да будетъ воля твоя!* то гдѣ живѣе, сильнѣе, убѣдительнѣе и отраднѣе раз-

дается и понимается это слово, какъ не въ сердцѣ Отца и Матери въ ту минуту, какъ смерть Отцу небесному передаетъ земное дитя Ихъ. Пока длится тяжелая борьба послѣдняя, сердце проситъ: да пройдетъ чаша мимо! и любовь, всегда болѣе или менѣе своекорыстная, силится удержать свое сокровище по сю сторону гроба; но когда смерть — не смерть, разрушитель бытія, а воля Божія въ видѣ смерти — взяла свое, все измѣняется, все становится тихо, вѣрно, даже усладительно, ибо въ нашей утратѣ видѣли мы Бога лицемъ къ лицу; и не гробъ беретъ наше милое — нѣтъ, онъ беретъ только то, что видѣли глаза; но то, что любила душа, то въ ней и хоронимъ мы навсегда не мертвымъ тлѣніемъ, но вѣчно-живымъ воспоминаніемъ; и это воспоминаніе не есть тоска о томъ, чего уже нѣтъ и никогда не будетъ, а отрадная мысль о томъ, что живо и уже не подвержено никакой превратности, что болѣе наше, хотя мы его не видимъ и не слышимъ. Но эта *чувственная* разлука, это *невидѣніе* и *неслышаніе* только для насъ, остающихся здѣсь, это временная здѣшняя преграда, черезъ которую однако мы можемъ переступить вѣрою. Но для перешедшихъ въ жизнь вѣчную ни этой чувствительной разлуки, ни этихъ преградъ не существуетъ, все это брошено въ гробъ съ ихъ прахомъ; а все духовное свободно — они къ намъ ближе, нежели когда нибудь; для нихъ нѣтъ ни разстоянія, ни времени; они въ непосредственномъ союзѣ съ нами и

влятъ нашу душу, хотя для нашей и невидимы. Это вѣрно не потому только, что мы этому вѣримъ, но и потому, что это составляетъ сущность души, отъ всего здѣшняго освобожденной. Въ чистой душѣ, которую смиренное страданіе и смерть вполнѣ присвоили Богу, не изглаживается любовь земная, но отъ этой любви сохраняется только то, что въ ней было свято; все своекорыстное отъ нее отпадаетъ; и ничто не нарушаетъ ея свѣтлой тишины, кромѣ какъ если въ душѣ, ей на землѣ принадлежащей, скорбію объ утратѣ возмущается преданность въ волю Божію, что конечно должно отзываться болѣзненно въ душѣ освобожденной и ясно постигнувшей пути Провидѣнія Божія.... И такъ что же случилось? что были эти страданія, которыя такъ мучили сердце Отца и Матери и съ Ними всѣ сердца Ихъ семьи домашней и народной? Это были привидѣнія, посреди которыхъ вѣрующему сердцу надлежало пробиться къ истинному Богу. Смерть разогнала ихъ; они пропали въ гробѣ; Богъ явился и взялъ свое. Какъ сказать: Ее нестало? Глаза не видятъ, ухо не слышитъ, но душа къ душѣ ближе. Пусть глаза плачутъ и слухъ жаждетъ милаго голоса и руки ищутъ милой руки, и сердце, бѣдное, слабое сердце обо всемъ этомъ тоскуетъ — но душа, вѣрующая душа, торжествуй, благословляй, и печаль ея обратится въ радость, ибо другое имя этой печали есть Богъ-искупитель; она есть любовь, а любовь сильнѣе смерти.

Всѣ эти мысли сами собою ко мнѣ тѣснятся, и выражая ихъ передъ Вами, смѣю думать, что Вы найдете въ нихъ только жертву сердца, ищущаго для себя утѣшенія въ Вашей скорби. Считаю незамѣняемою для себя утратою, что я былъ далеко въ то время, когда такое бѣдствіе постигло Семейство Царское, съ Которымъ во все мое время я могъ раздѣлять однѣ только радости. Подобныя событія составляютъ истинное содержаніе нашей временной жизни; изъ тѣхъ воспоминаній, какія отъ нихъ сберегаетъ душа, скопляется наше существенное богатство — приданое души на жизнь грядущую. Мнѣ не далъ Богъ быть въ эти минуты близко Васъ; но я угадывалъ, что должно было происходить въ душѣ Вашей во все это время опыта; смѣю думать, что я понимаю, какова она и теперь, когда въ ней, какъ нѣкогда на Крестѣ, послышалось слово Спасителя: *совершишася!* Да подкрѣпитъ Онъ ее своею силою! А что Вы должны употребить все на то, чтобы сохранилась Ваша драгоцѣнная жизнь, это громкимъ голосомъ проповѣдуетъ Вамъ та любовь народная, которую вновь испытали Вы, опуская въ могилу милое дитя Свое, Ангела прелести для глазъ, Ангела доброты для сердца, Ангела чистоты для Неба, котораго минутное пребываніе на землѣ останется намъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, подобнымъ благоуханію отъ кадила, котораго дымъ улетѣлъ съ нашею молитвою къ Небу.

Мы всѣ молимъ Бога, чтобъ Онъ, пославъ Вамъ благодать страданія, послалъ Вашему сердцу и благодать своего утѣшенія. Да сохранитъ Онъ намъ долго, долго Вашу жизнь, залогъ нашего общаго счастія.

В. Жуковскій.

12/24 Августа, 1844.

Франкфуртъ н/М.

ИМПРОВИЗАТОРЪ,

или

МОЛОДОСТЬ И МЕЧТЫ ИТАЛЬЯНСКАГО ПОЭТА.

РОМАНЪ АНДЕРСЕНА.

(Окончаніе).

XII.

Пѣвица.

—

Новое событіе, послѣ того случившееся въ жизни моей, было такъ важно для меня, что почти совершенно заслоняетъ собою все прочее: такъ въ лѣсу высокой кедръ, окруженный молодыми низменными деревьями, исключительно обращаетъ на себя все вниманіе странника. Вотъ почему я здѣсь только слегка коснусь обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому событію и не относящихся прямо къ нему. Я часто посѣщалъ домъ Подесты, потому-что былъ, какъ меня тамъ называли, его живительнымъ геніемъ. Роза расказывала мнѣ про свой любезный Неаполь; я читалъ ей вслухъ божественную Комедію, Альфіери и Николини — и столько же восхищался чистотою души и чувствомъ Ма-

ріи, какъ и самыми поэтами. Я любилъ выѣзжать вмѣстѣ съ Поджіо. У Подесты это знали—и пригласили также его. Онъ благодарилъ меня за то, говоря, что обязанъ этимъ единственно мнѣ. Дружба привела его къ высшей цѣли желаній всей молодежи Венеціанской. Вездѣ удивлялись моему таланту къ импровизаціи и такъ высоко цѣнили его, что, когда являлся я въ общество, меня не выпускали, не услыхавъ отъ меня по крайней мѣрѣ однаго стихотворенія. Знаменитѣйшіе артисты дружески протягивали мнѣ руку и совѣтовали явиться предъ публикою. Я нѣкоторымъ образомъ исполнилъ это желаніе, рѣшившись импровизировать въ Academia dell'arte. Темы были: торжественное шествіе Дандоло въ Константинополь и бронзовые кони надъ церковью св. Марка. Я удостоился диплома и былъ принятъ въ члены общества. Но еще лучшая награда ожидала меня въ домѣ Подесты. Марія однажды вручила мнѣ маленькій ящичекъ, въ которомъ я нашелъ ожерелье изъ прекрасныхъ разноцвѣтныхъ раковинъ; онѣ были необыкновенно мелки, красивы и ровны, и нанизаны просто на шелковой ниткѣ. Это было приношеніе отъ несчастныхъ на Лидо, которые называли меня своимъ благодѣтелемъ.

«Не правда ли, какъ это мило?» сказала Марія.

«Вамъ надобно спрятать это,» сказала въ свою очередь Роза,» чтобы со-временемъ подарить вашей невѣстѣ; это самый случшій подарокъ, какой она можетъ получить отъ васъ: именно для этой цѣли онъ поднесенъ вамъ.»

«Для моей невѣсты?» возразилъ я: «у меня нѣтъ невѣсты.»

«Чего нѣтъ, то будетъ,» отвѣчала Роза. «У васъ будетъ невѣста, да еще красавица изъ красавицъ.»

«Никогда,» отвѣчалъ я, впервивъ глаза въ землю и съ горькимъ сожалѣніемъ о томъ, что я потерялъ. Марія также задумалась, увидя мое уныніе. Мысль передать мнѣ драгоцѣнный подарокъ, полученный отъ Поджіо, которому онъ былъ врученъ самими приносителями, впередъ такъ радовала ее — и вотъ, вмѣсто того, чтобы доставить мнѣ радость, онъ навелъ на меня грусть и уныніе. Я не могъ скрыть своихъ чувствъ и молча держалъ ожерелье въ рукахъ. Первая моя мысль была подарить его Маріи; но слова Розы заставили меня перемѣнить намѣреніе. Марія конечно угадала мою мысль: легкая краска пробѣжала по щекамъ ея, когда я посмотрѣлъ на нее.

«Какъ вы рѣдко къ намъ жалуете!» сказала

мнѣ разъ жена моего банкира, у котораго я былъ въ-гостяхъ: «васъ почти никогда не видно, тогда-какъ у Подесты!... Впрочемъ, вѣдь это и совсѣмъ другое дѣло: Марія первая красавица Венеціи, такъ, какъ вы первой импровизаторъ. Это была бы совсѣмъ недурная партія. У нея есть прекрасное имѣніе въ Калабріи; оно, если я не ошибаюсь, досталось ей въ наслѣдство, или куплено на ея деньги. Будьте только смѣлѣе — и вы увидите, что все уладится, какъ нельзя лучше. Вся Венеція будетъ завидовать вамъ.»

«Какъ вы можете думать,» отвѣчалъ я, «что меня занимаютъ такія корыстныя мысли! Я и не думалъ влюбляться въ Марію. Красота ея плѣняетъ меня, какъ вообще все прекрасное; но я не чувствую къ ней любви — а изъ-за денегъ я никогда не намѣренъ жениться.»

«Однако ими не надобно пренебрегать,» сказала она. «Любовь составляетъ блаженство только тогда, когда она въ соединеніи съ благосостояніемъ кухни и погреба. Безъ нихъ, право, плохое житье.» Она засмѣялась и протянула мнѣ руку.

Мнѣ досадно было, что можно такъ думать и, что̀ еще хуже, такъ говорить обо мнѣ—и рѣшился не такъ часто бывать у Подесты, не смотря на все удовольствіе, какое находилъ у него въ домѣ. Я

было-намѣревался провести тамъ вечеръ, но теперь одумался. Кровь моя пришла въ волненіе. «Но зачѣмъ мнѣ досадовать?» подумалъ я; «зачѣмъ мнѣ не веселиться? Жизнь прекрасна, когда только человѣкъ умѣетъ наслаждаться ею. Я свободенъ — и ничье мнѣніе не должно стѣснять меня. Силы и воли у меня станетъ.» Въ темный вечеръ я пошелъ бродить по тѣснымъ улицамъ, гдѣ домы съ обѣихъ сторонъ почти сходятся. Узенькіе переулки, которые въ эту минуту кипѣли народомъ, были освѣщены свѣтомъ, выходящимъ изъ оконъ. Огни бросали длинные лучи на большой каналъ, гдѣ гондолы быстро скользили подъ высокимъ сводомъ, на которомъ утвержденъ мостъ. Послышалось пѣніе: это была пѣснь о любви и поцѣлуяхъ—и, какъ змѣй у древа познанія добра и зла, она казала мнѣ соблазнительный образъ грѣха. Я опять вошелъ въ тѣсный проходъ. Одинъ изъ домовъ былъ освѣщенъ ярче другихъ. Я видѣлъ, что туда безпрестанно входили люди. Это былъ одинъ изъ маленькихъ театровъ Венеціи: если не ошибаюсь, онъ называется St. Lucas. Маленькая труппа играла на немъ оперы, и каждый день по два раза ту же самую пьесу, какую давали на театрѣ Фениче въ Неаполѣ. Въ четыре часа послѣ обѣда начиналось первое представленіе; около шести часовъ оно кончалось, а въ восемь часовъ начиналось другое. Мѣста были чрезвычайно дешевы — и все вмѣстѣ, какъ легко себѣ представить, довольно плохо. Но, благодаря любо-

пытству пріѣзжихъ и еще болѣе страсти низшихъ классовъ народа къ музыкѣ, театръ иногда оба раза былъ почти весь полонъ. На афишѣ стояло: Донна Каритеа, Королева Испанская, музыка Меркаданте. «Если будетъ скучно, то вѣдь я могу уйти,» подумалъ я. «Я посмотрю на хорошенькихъ женщинъ; кровь моя горяча; сердце у меня можетъ биться не хуже, какъ у Бернардо и Федериго; полно людямъ смѣяться надъ мальчикомъ изъ Кампаньи съ козьимъ молокомъ въ крови. Если бы я всегда былъ легкомысленъ, какъ теперь сбираюсь быть; я бы конечно былъ счастливѣе: жизнь коротка; лѣта приносятъ холодъ и снѣгъ!»

Я вошелъ. Мнѣ дали маленькій, грязный билетъ и указали на ложу у самой сцены. Театръ состоитъ только изъ двухъ ярусовъ; зала довольно глубока, но самая сцена походитъ на подносъ, что̀ однако не мѣшаетъ давать на ней блестящіе спектакли съ сраженіями и превращеніями. Ложи внутри были грязны и ободраны, а потолокъ—того и гляди, что провалится и задавитъ всю публику. Какой-то человѣкъ безъ фрака пришелъ зажигать лампы. Въ партерѣ шумѣлъ народъ. Музыканты разсѣлись по мѣстамъ въ оркестрѣ, изъ котораго едва бы могъ составиться и квартетъ. Все это обѣщало очень мало; однако я рѣшился, во что бы то ни стало, высидѣть одинъ актъ. Я сталъ разсматривать окружающихъ меня дамъ; но ни одна

изъ нихъ не нравилась мнѣ. Въ одну изъ боковыхъ ложъ вошелъ молодой человѣкъ, котораго я иногда видѣлъ въ обществѣ. Онъ протянулъ мнѣ руку и улыбаясь сказалъ, что не думалъ встрѣтиться здѣсь со мною; «однако,» прибавилъ онъ шепотомъ, «иногда можно попасть очень на пріятное сосѣдство, и въ этомъ полусвѣтѣ легко завязываются знакомства». Онъ продолжалъ болтать до того, что стали шикать, потому-что уже началась увертюра. Музыка была самая жалкая. Поднялся занавѣсъ. Весь хоръ состоялъ изъ двухъ женщинъ и двухъ мущинъ; они походили на работниковъ, которыхъ поймали на улицѣ и нарядили въ рыцарскіе костюмы.

«Это никуда не годится», сказалъ мой сосѣдъ; «но между актерами, поющими, бываютъ иногда очень порядочные. Здѣсь есть, на-примѣръ, комикъ, который могъ бы съ честію явиться на любомъ изъ большихъ театровъ. Ахъ, Боже мой,» воскликнулъ онъ, когда на сцену входила королева съ двумя наперсницами, «уже ли это она будетъ играть? Тогда вся опера не стоитъ и полуцванцигера. Жанета была несравненно лучше.»

Явившаяся особа была маленькая, невидная фигурка, съ худощавымъ, угловатымъ лицемъ и черными, впалыми глазами. Костюмъ ея также сидѣлъ на ней какъ-то неловко. Видно было, что бѣд-

ность облеклась въ королеву. При всемъ томъ ея пріемы и движенія отличались какимъ-то благородствомъ, которое удивило меня въ актрисѣ такаго разряда и противорѣчило всей ея наружности: хорошенькой, молоденькой дѣвушкѣ оно было бы очень къ-лицу. Пѣвица подошла къ лампамъ — сердце у меня сильно забилось; я не вѣрилъ глазамъ своимъ и едва могъ спросить у своего сосѣда: «какъ ее зовутъ?»

«Анунціатой!» отвѣчалъ онъ. «Она не умѣетъ пѣть; да это бы еще ничего, если бъ было по крайней мѣрѣ на что смотрѣть; а то этакая сосулька!» Каждое изъ словъ его, какъ капля яда падало на мое сердце. Я сидѣлъ какъ прикованный къ мѣсту и не спускалъ съ нея глазъ. Она запѣла; я не узналъ голоса Анунціаты: это были какіе-то слабые, безцвѣтные, дрожащіе звуки.

«Есть слѣды хорошей методы,» сказалъ мой сосѣдъ, «но вовсе нѣтъ голосу.»

«Она не походитъ,» сказалъ я запинаясь, «на свою соименницу Анунціату, молодую Испанку, которая нѣкогда играла такую блестящую роль въ Римѣ и Неаполѣ!»

«Да вѣдь это она и есть,» отвѣчалъ онъ. Семь, или восемь лѣтъ тому назадъ, она была въ боль-

шой чести: тогда она была молода — и, говорятъ, пѣла не хуже Малибранъ. Теперь позолота сошла: такова судьба всѣхъ талантовъ этаго рода. Въ нѣсколько лѣтъ они достигаютъ, такъ сказать, полуденной высоты. Ослѣпленные расточаемыми имъ похвалами и почестями, они не видятъ, что начинаютъ итти назадъ, и такъ неблагоразумны, что не хотятъ удалиться, пока еще сіяніе окружаетъ ихъ. Публика сама должна замѣтить происшедшую въ нихъ перемѣну: а это такъ грустно! Обыкновенно эти дамы живутъ такъ прытко, что въ скоромъ времени утрачиваютъ всѣ свои достоинства — и потомъ быстро опускаются. Вы конечно видѣли ее въ Римѣ?» спросилъ онъ.

«Да, и не одинъ разъ,» отвѣчалъ я.

«Я воображаю, какую вы въ ней нашли перемѣну. Нельзя не жалѣть о ней. Говорятъ, что она потеряла голосъ въ слѣдствіе тяжкой и продолжительной болѣзни, тому уже пять, или шесть лѣтъ; но вѣдь публикѣ до того нѣтъ дѣла. Однако вамъ надобно апплодировать ради знакомства; я помогу вамъ, если хотите: это обрадуетъ старуху.» Онъ сталъ хлопать изо всей силы; нѣкоторыя особы въ партерѣ послѣдовали его примѣру: но тутъ же сильное шиканье проводило королеву со сцены. Это была Аннунціата!

«Fuimus Troes!» сказалъ мой сосѣдъ. Тутъ явился на сцену герой пьесы: роль его играла хорошенькая, молодая дѣвушка съ роскошными формами и огненнымя глазами. Публика привѣтствовала ее громкими рукоплесканіями и кликами «браво.» Въ душѣ моей пробудился рой воспоминаній: я вспомнилъ восторгъ и энтузіасмъ Римлянъ, когда пѣла Анунціата; вспомнилъ, какъ ее возили въ тріумфѣ по городу, какъ несказанно я любилъ ее. И-такъ Бернардо ее покинулъ, или, можетъ быть, она не любила его. Но вѣдь я видѣлъ, какъ она склонила къ нему голову, какъ она прижала губы къ его челу. Онъ оставилъ ее, оставилъ больную, утратившую свою красоту: и-такъ онъ въ ней любилъ одну наружность.

Она опять вышла на сцену. Какой у нея былъ страждущій видъ! какъ ужасно она постарѣла! Она походила на нарумяненный трупъ; мнѣ страшно было смотрѣть на нее. Я не могъ простить Бернардо, что онъ оставилъ ее за утрату прекрасной наружности; а между-тѣмъ не это ли самое и на меня теперь производило такое непріятное впечатлѣніе? духовное существо Анунціаты конечно не перемѣнилось.

«Вы вѣрно нездоровы?» спросилъ меня мой сосѣдъ: «вы такъ блѣдны.»

«Я умираю отъ жара,» отвѣчалъ я — и, вставъ съ своего мѣста, выбѣжалъ изъ ложи и поспѣшилъ выйти на воздухъ. Я пошелъ бродить по тѣснымъ переулкамъ. Самыя противоположныя чувства боролись въ душѣ моей. Я самъ не зналъ, куда иду. Я опять очутился у театра. Служитель снималъ прибитую на стѣнѣ афишу, чтобъ замѣнить ее другою на слѣдующій день.

«Гдѣ живетъ Аннунціата?» спросилъ я его, какъ можно тише. Онъ оглянулся — и съ удивленіемъ, смотря на меня, повторилъ: «Аннунціата? Вы конечно хотите сказать Аурелія? та, что играетъ сегодня роль мущины? Я покажу вамъ ея домъ; но теперь ей еще не-время принимать васъ.»

«Нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчалъ я; «я спрашиваю про Аннунціату, про ту, что играетъ королеву.» Слуга смотрѣлъ на меня вытаращивши глаза. «Эта маленькая, тщедушная фигура»? сказалъ онъ; «ну, я думаю, что она не привыкла принимать визиты, бѣдняжка! Впрочемъ это не мое дѣло — и я, пожалуй, покажу вамъ, гдѣ она живетъ; но вы застанете ее не прежде, какъ по окончаніи оперы.»

«Подожди меня здѣсь,» сказалъ я — и, сѣвъ въ гондолу, велѣлъ гондольеру везти меня, куда глаза глядятъ. Душа моя была преисполнена грусти. Я

непремѣнно хотѣлъ еще разъ видѣть Анунціату и говорить съ нею. Она была несчастна. Но что я могъ для нея сдѣлать? Я предался горести и унынію.

Странствіе мое продолжалось не болѣе часу—и вотъ гондола опять остановилась у театра, гдѣ меня ждалъ мой чичероне.

Черезъ грязные, тѣсные проходы онъ привел меня къ ветхому дому самой жалкой наружности Наверху въ чердачной каморкѣ горѣла свѣча. Он указалъ мнѣ туда.

«Тамъ она живетъ?» спросилъ я съ удивле ніемъ.

«Точно такъ, Eccellenza! Я проведу васъ ту да,» отвѣчалъ онъ и дернулъ снурокъ колоколь чика.

«Кто тамъ»? спросилъ сверху женскій го лосъ.

«Марко Лугано!» отвѣчалъ мой чичероне — дверь отворилась. На лѣстницѣ было совершенн темно. Лампа передъ маленькимъ образомъ Мадон погасла — и только красная свѣтильня являлась в этомъ мракѣ кровавою точкою. Я шелъ близехон

ко за своимъ провожатымъ. Наконецъ на самомъ верху отворилась дверь—и лѣстница нѣсколько освѣтилась выходящимъ оттуда лучемъ свѣта. «Вотъ и сама идетъ,» сказалъ Марко Лугано. Я сунулъ ему въ руку пару цванцигеровъ. Онъ поблагодарилъ меня и поспѣшно удалился. Я сталъ взбираться на самый верхъ.

«Вѣрно опять какія-нибудь перемѣны къ завтрашнему дню, Марко Лугано?» сказалъ опять тотъ же голосъ. Это былъ голосъ Анунціаты. Она стояла въ дверяхъ. На ней была широкая темная блуза; на головѣ накинутъ маленькій шелковой платокъ.

«Не упади, Марко Лугано!» сказала она — и первая вошла въ комнату; я за нею.

«Кто вы такіе? Кого вамъ надобно?» сказала она въ испугѣ, увидѣвъ меня.

«Анунціата!» воскликнулъ я съ горестію. Она вперила на меня взоры.

«Jesus, Maria!» воскликнула она и закрыла лице руками.

«Одинъ изъ старыхъ друзей вашихъ,» сказалъ я запинаясь, «добрый знакомый, который обязанъ вамъ

многими прекрасными, сладостными минутами, осмѣлился отыскать васъ и дружески подаетъ вамъ руку.» Она открыла лице свое; на немъ была смертная блѣдность; черные, одушевленные глаза горѣли. Анунціата безъ сомнѣнія постарѣла. Въ чертахъ ея выражалось страданіе. Но еще видны были слѣды исчезнувшей красоты. Глаза ея сохранили прежнюю живость, хотя и были омрачены тѣнью печали.

«Антоніо,»—сказала она, и на глазахъ ея блеснула слеза,» *такъ-то* мы съ вами опять увидѣлись? Оставьте меня! Пути наши разошлися: вашъ — ведетъ вверхъ, къ счастію; мой — внизъ.... также къ счастію!» сказала она съ глубокою горестію.

«Не отвергайте меня!» сказалъ я. «Я прильну къ вамъ чувствами друга и брата. Меня привело сюда сердце. Вы несчастны, вы, которая была предметомъ восторга и удивленія свѣта, вы, которая жила столькимъ тысячамъ на радость!»

«Колесо фортуны вертится,» сказала она; «счастіе — удѣлъ молодости и красоты; свѣтъ впрягаетъ себя въ тріумфальную колесницу этихъ богинь; умъ и сердце—самые ничтожные дары природы: ихъ забываютъ для молодости и красоты—и свѣтъ всегда правъ!»

«Вы были больны, Анунціата?» сказалъ я дрожащимъ голосомъ.

«Очень больна—и безъ малаго цѣлый годъ. Но я не умерла отъ того,» продолжала она съ горькою улыбкою;» молодость завяла, голосъ угасъ — и публика умолкла, увидя передъ собою два трупа въ одномъ существѣ. Доктора говорили, что это только минутная смерть — и тѣло повѣрило имъ. Тѣлу нужна была одежда и пища, — и для нихъ оно въ два года отдало всѣ свои силы. Тогда ему надобно было прибѣгнуть къ румянамъ. Трупы должны были казаться еще живыми существами—и они явились въ тѣни, чтобы никого не испугать собою. Они снова показались на маленькомъ театрѣ, освѣщенные немногими лампами, въ тускломъ полусвѣтѣ. Не смотря на то, всѣ замѣтили, что красота и голосъ превратились въ трупы, что они зарыты въ могилѣ. Анунціата уже не существуетъ; но вотъ живое ея изображеніе!» Говоря это, она указала на стѣну.

Тутъ висѣла картина въ богатой золотой рамѣ, которая составляла странную противоположность съ убогимъ жилищемъ, гдѣ она находилась. Это былъ портретъ Анунціаты въ ролѣ Дидоны, живой образъ ея, такъ, какъ онъ отразился въ душѣ моей. Я видѣлъ ее передъ собою съ прекраснымъ, одушевленнымъ лицемъ ея, съ благородною гордостью на

челѣ. Я взглянулъ на настоящую Анунціату; она закрыла лице руками и плакала.

«Оставьте, забудьте меня, такъ, какъ меня забылъ свѣтъ,» сказала она и рукою подала знакъ, чтобы я удалился.

«Нѣтъ,» отвѣчалъ я, «ни за что не оставлю васъ *такъ!* Мадонна милостива; она никого не можетъ покинуть!»

«Антоніо,» сказала она съ важностію, «уже ли вы насмѣшкою захотите оскорблять меня въ несчастіи? О, нѣтъ, это невозможно; вы не таковы, какъ свѣтъ вообще: я всегда такъ думала. Но я не понимаю васъ. Въ то время, когда всѣ меня осыпали изъявленіями восторга и удивленія, когда свѣтъ расточалъ мнѣ похвалы и почести, вы оставили меня, оставили такъ внезапно; а теперь, когда весь блескъ, ослѣплявшій свѣтъ, исчезъ навсегда, когда всѣ на меня смотрятъ съ равнодушіемъ, какъ на ничтожное существо, и никто не хочетъ знать меня, вы отыскиваете меня, приходите съ предложеніемъ вашей дружбы!»

«Вы сами отвергли меня,» сказалъ я. «Вы бросили меня въ пучину свѣта; *судьба*» прибавилъ я спокойнѣе, «вывела меня на поприще свѣта.» Она молчала; но взоръ ея покоился на мнѣ съ выраже-

ніемъ глубокой печали. Она какъ будто хотѣла что-то сказать: губы ея шевелились; но слова замирали на нихъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди ея, еще разъ остановился на мнѣ и опять опустился въ землю. Она повела рукою по лбу. Казалось, что мысль, извѣстная только ей и Богу, мелькнула въ ея душѣ.

«Я увидѣла васъ,» сказала она, «увидѣла еще разъ въ здѣшнемъ мірѣ—и нашла въ васъ добраго, благороднаго человѣка. Вы будете счастливѣе меня. Лебедь пропѣлъ свою предсмертную пѣснь. Красота отцвѣла; я стою одна въ мірѣ. Отъ счастливой Анунціаты не осталось ничего, кромѣ портрета на стѣнѣ. У меня есть до васъ просьба. Вы не можете отказать мнѣ. Та самая Анунціата, которая нѣкогда доставляла вамъ сладостныя минуты, проситъ васъ о томъ.»

«Все, все, что вы хотите,» отвѣчалъ я, прижимая ея руку къ губамъ моимъ.

«Считайте то, что вамъ представилось въ нынѣшній вечеръ, сновидѣніемъ. Если намъ еще случится встрѣтиться гдѣ-нибудь въ этомъ мірѣ, мы какъ будто вѣкъ не знавались. Теперь намъ должно разстаться.» Она протянула мнѣ руку. Мы увидимся въ лучшемъ мірѣ; здѣсь пути наши розны. Прощайте, Антоніо, прощайте!»

Въ порывѣ горести я упалъ къ ногамъ ея. Я болѣе ничего не помню. Знаю только, что я далъ вести себя и рыдалъ какъ дитя. «Я приду, приду опять,» сказалъ я и оставилъ ее,» Прощайте!» закричала она еще разъ вслѣдъ за мною — и я уже никогда болѣе не видалъ ея. Внизу и на улицѣ было темнехонько. «Боже, какъ несчастны могутъ быть созданныя Тобою творенія»! воскликнулъ я съ горестію и заплакалъ. Я не могъ ни на минуту заснуть. То была ночь печали и слезъ.

Слѣдующій день прошелъ въ планахъ и размышленіяхъ. Я живо чувствовалъ свое убожество. Я былъ бѣдный мальчикъ, котораго взяли съ дикихъ полей Кампаньи, и самая духовная самостоятельность моя оковала меня цѣлями зависимости. Но вѣдь талантъ мой обѣщаетъ открыть мнѣ блестящее поприще. Можетъ ли оно быть блистательнѣе поприща Аннунціаты? Шумный потокъ, величающійся широкими водопадами и разцвѣченный радугою, оканчивается Понтинскимъ болотомъ бѣдности.

Я непремѣнно еще разъ хотѣлъ видѣть Аннунціату и говорить съ нею. На другой день послѣ нашего свиданія я опять пошелъ подыматься ощупью по темнымъ узкимъ лѣстницамъ. Дверь была заперта на ключь. Я постучался. Изъ боковыхъ две-

рей высунулась какая-то старуха и спросила, не желаю ли я посмотрѣть комнату, которая отдается въ наемъ? «Только врядъ ли «прибавила старуха,» для васъ будетъ годиться она?» А куда же дѣвалась пѣвица? спросилъ я. «Она выѣхала, поутру — и, я думаю даже, совсѣмъ уѣхала отсюда: она такъ спѣшила.» Вы не знаете, куда она уѣхала? спросилъ я. «Нѣтъ, она объ этомъ ничего не сказала; но я полагаю, что или въ Падуу, или въ Тріэстъ, или въ Феррару, или въ какой-нибудь другой городъ: вѣдь всѣхъ ихъ не перечтешь.» Она отперла дверь и показала мнѣ пустую комнату.

Я пошелъ въ театръ; труппа наканунѣ дала послѣдне представленіе; все было заперто. Она уѣхала, несчастная Анунціата! Бернардо былъ виновникомъ и ея несчастія и того направленія, какое приняла вся моя жизнь. Не будь его—и Анунціата могла бы любить меня; при любви ея дарованіе мое достигло бы бо̀льшей силы и развитія. Если бъ я соединился съ нею и выступилъ на сцену импровизаторомъ, торжество мое конечно слилось бы съ ея торжествомъ; мы бы оставили Римъ и поселились въ другомъ мѣстѣ. Все бы устроилось иначе. Заботы не покрыли бы лица ея морщинами.

XIII.

Поджіо. Анунціата. Марія.

—

Поджіо навѣстилъ меня и сталъ шутить надъ пасмурнымъ расположеніемъ моего духа; но я не могъ сказать причины этой перемѣны — ни ему, ни кому бы то ни было.

«На тебя какъ будто подулъ жаркій сирокко! Ужъ не изъ сердца ли вѣетъ этотъ удушливый вѣтеръ? Маленькая птичка, которая тамъ заключена, легко бы могла сгорѣть, а такъ какъ она не фениксъ, то это совсѣмъ не ея назначеніе. Ей надобно иногда вылетать на воздухъ, чтобы клевать красныя ягоды на землѣ и нѣжныя розы на балконѣ, также, чтобы запасаться пищею со стола. Такъ дѣлаетъ моя птичка — и она чувствуетъ себя очень хорошо, находится въ самомъ счастливомъ расположеніи духа и напѣваетъ веселость на мою душу; ей я обязанъ беззаботнымъ своимъ характеромъ. До этаго счастія и ты можешь дойти — и конечно дойдешь. Поэту должно имѣть настоящую птичку въ груди, такую, которая могла бы питаться и розами и ягодами, любила бы и

сладкое и кислое, которой нравилось бы и въ поднебесьи и на землѣ.»

«Прекрасное понятіе о поэтѣ!» отвѣчалъ я.

«Іисусъ Христосъ сдѣлался человѣкомъ и сошелъ въ адъ къ осужденнымъ: изъ соединенія божественнаго съ земнымъ выходитъ совершенство. Но я замѣчаю, что началъ читать тебѣ преизрядную проповѣдь. Это-таки и было мое намѣреніе; но тема у меня въ умѣ была другая. Что это значитъ, синьоръ, что вы такъ вдругъ бросаете друзей вашихъ? Вы три дня ногой не были въ домѣ Подесты! Это не хорошо, совсѣмъ не хорошо! Все семейство на васъ за то сѣтуетъ. Вамъ непремѣнно надобно сегодня же итти туда и, какъ Фридрихъ Барбаросса, преклоня колѣно держать стремена. Синьора Роза сказала мнѣ, что они уже цѣлыхъ три дня не видали васъ. Что съ тобой сдѣлалось, другъ мой?»

«Я былъ несовсѣмъ здоровъ и не выходилъ изъ комнаты.»

«Нѣтъ, милый другъ, ты не обманешь насъ. Мы знаемъ, что ты третьяго дня былъ въ театрѣ и слышалъ оперу La regina di Spagna, гдѣ маленькая Ауреліа является рыцаремъ; это настоящій Orlando furioso. Но это завоеваніе не могло такъ разстро-

ить тебя: оно вовсе не трудно. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но тебѣ непремѣнно надобно итти со мною обѣдать къ Подестѣ: мы оба приглашены туда — и я далъ слово, что не приду безъ тебя!»

«Поджіо,» сказалъ я серьёзно: «тебѣ я могу сказать, почему такъ давно не былъ я у Подесты, и почему я намѣренъ рѣже прежняго посѣщать домъ его.» Тутъ я расказалъ ему то, что слышалъ отъ жены банкира, что всѣ говорятъ, будто бы я имѣю виды на Марію, у которой есть деньги и помѣстье въ Калабріи.

«Такъ что жъ?» отвѣчалъ Поджіо; «по мнѣ, такъ пусть говорятъ, что хотятъ. Уже ли въ самомъ дѣлѣ ты только изъ-за этаго не хочешь итти къ Подестѣ? Я самъ думаю, что такъ говорятъ въ свѣтѣ—и оно довольно естественно. Но справедливы ли эти тольки, или нѣтъ—тебѣ бы, кажется, не слѣдовало быть изъ-за нихъ неучтивымъ. Марія прелестная дѣвушка, одарена необыкновеннымъ умомъ и чувствомъ; ты любишь ее — это слишкомъ ясно.»

«Совсѣмъ нѣтъ,» сказалъ я; «я и не думаю любить Марію! Я нахожу въ ней сходство съ одной слѣпой дѣвушкою, которую я видѣлъ только разъ въ жизни, съ ребенкомъ, который плѣнилъ меня, какъ можетъ плѣнить ребенокъ. Это сходство ча-

сто поражало меня въ Маріи — и невольно влечетъ меня къ ней.»

«Марія также была слѣпа,» отвѣчалъ Поджіо, вдругъ принявъ серьёзный тонъ. «Она пріѣхала изъ Греціи слѣпою; но дядя ея, который былъ врачемъ въ Неаполѣ, сдѣлалъ надъ нею операцію.»

«Мою слѣпую звали не Маріей,» возразилъ я.

«Твоя слѣпая была по-видимому преудивительное существо,» сказалъ Поджіо. «Ты смотришь на Марію и ищешь въ ней сходства съ слѣпымъ ребенкомъ: я полагаю, что это — выражаясь эмблеммою — слѣпой Амуръ, съ которымъ ты разъ познакомился и который заставляетъ тебя безпрестанно смотрѣть на Марію! Признайся-ка въ томъ. Вдругъ мы слышимъ о свадьбѣ, а тамъ глядь — молодыхъ уже и нѣтъ въ Венеціи.»

«Нѣтъ, Поджіо!» отвѣчалъ я, «ты огорчаешь меня такими рѣчами; я никогда не женюсь. Мечта любви разсѣялась для меня; ей уже не возобновиться болѣе! Именемъ вѣчнаго Бога и всѣхъ святыхъ я клянусь, что никогда.»

«Полно, полно, ненужно клятвъ,» сказалъ Поджіо, «я вѣрю тебѣ на-слово и готовъ спорить со всѣми, кто говоритъ, что ты любишь Марію и

что изъ васъ выйдетъ парочка. Но не клянись, что ты никогда не женишься. Это можетъ случиться ранѣе, нежели ты вообразишь. Какъ знать, можетъ быть, даже еще въ этомъ году: вѣдь это возможно.»

«Возможно для тебя,» отвѣчалъ я, «но конечно не для меня!»

«Такъ ты думаешь, что я бы женился,» возразилъ Поджіо; «нѣтъ, мой другъ, мнѣ не изъ чего содержать жену: это слишкомъ дорогое удовольствіе.»

«Твоей свадьбѣ однако навѣрное быть прежде моей,» отвѣчалъ я; «можетъ статься, сама прекрасная Марія будетъ твоею, и покуда всѣ увѣряютъ, что я предлагаю ей мою руку, она подастъ тебѣ свою.»

«Это было бы большое дурачество,» сказалъ онъ смѣясь; «я желаю ей лучшаго мужа, нежели какимъ бы я могъ быть. Хочешь биться объ-закладъ,» продолжалъ онъ, «что ты женишься на Маріи, или на комъ другомъ, все равно—довольно, ты сдѣлаешься женатымъ человѣкомъ, а я останусь старымъ холостякомъ? Мы будемъ биться хоть о двухъ бутылкахъ шампанскаго, которыя осушимъ въ день твоей свадьбы.»

«Съ удовольствiемъ,» отвѣчалъ я также смѣясь. Тутъ мы оба отправились къ Подестѣ. Роза бранила меня за долгое мое отсутствiе, Подеста также. Марiя не говорила ни слова. Я не спускалъ съ нея глазъ: вѣдь вся Венецiя нарекла ее моей невѣстой. Роза чокнулась со мною.

«Дамы не должны пить за здоровье импровизатора,» сказалъ Поджiо; «онъ всему прекрасному полу поклялся вѣчною ненавистью: онъ никогда не хочетъ жениться!»

«Вѣчною ненавистью? О нѣтъ!» возразилъ я; «правда, что я не хочу жениться, но это не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить и уважать прекрасныя существа, созданныя для отрады и услажденiя нашей жизни.»

«Вы не хотите жениться?» сказалъ Подеста; «знаете, что это самая безумная мысль, какая только могла родиться въ умѣ вашемъ. Но и другу не годится разглашать ее.»

«Мнѣ хотѣлось бы развратить его,» отвѣчалъ Поджiо; «а то онъ пожалуй еще влюбится въ эту единственную дурную мысль, какая у него есть—и, находя ее оригинальною, вздумаетъ остаться при ней ради ея эффектности.» Всѣ смѣялись и говорили, что мнѣ непремѣнно надобно стараться быть

повеселѣе. Обѣдъ и вина были прекрасные. Я думалъ о бѣдности, въ какой я нашелъ Ануиціату, и какъ она, можетъ быть, въ эту минуту умираетъ съ-голоду. «Вы обѣщали прочитать намъ что-нибудь изъ сочиненій Сильвіо Пеллико,» сказала Роза, когда я уходилъ: «не забудьте этаго обѣщанія и приходите къ намъ по-старому всякой день: вы избаловали насъ—и мы были вамъ за то такъ благодарны.»

Я опять сталъ ходить туда часто, потому-что зналъ, съ какимъ радушіемъ меня принимаютъ. Прошло уже около мѣсяца послѣ моего послѣдняго свиданія съ Ануиціатой; а мнѣ еще не удалось ничего узнать объ ней—и я рѣшился ждать до тѣхъ поръ, пока случаю вздумается связать концы разорванной нити. Въ одинъ вечеръ, когда я былъ у Подесты, я нашелъ Марію необыкновенно задумчивою; на лицѣ ея выражалась глубокая горесть. Я читалъ вслухъ ей и Розѣ—и она казалась разсѣяною даже во время чтенія. Роза вышла изъ комнаты. Я еще никогда не оставался наединѣ съ Маріей. Какое-то непонятное предчувствіе о чемъ-то для меня горестномъ наполнило мое сердце. Я началъ говорить о Сильвіо Пеллико и о вліяніи политическихъ событій на развитіе поэтическаго таланта его.

«Господинъ Аббатъ!» сказала она, прерывая

меня; она какъ будто вовсе не слышала, что̀ я говорю—и, казалось, всѣ мысли ея заняты были только одним предметомъ. «Антоніо!» продолжала она дрожащимъ голосомъ — и щеки ея сильно разгорѣлись.» Я должна поговорить съ вами: я обѣщала это умирающей.» Она остановилась; слова ея поразили меня; я молча стоялъ передъ нею.

«Мы вѣдь не такъ чужды другъ другу—и однако мнѣ такъ страшно говорить съ вами объ этомъ,» сказала она и вся поблѣднѣла.

«Боже милосердый!» воскликнулъ я; «что же сдѣлалось?»

«Неисповѣдимая воля Провидѣнія вмѣшиваетъ меня въ событія жизни вашей и дѣлаетъ повѣренною тайны, которую никому постороннему не должно бы было знать. Но я умѣю молчать; я обѣщала умирающей схоронить въ себѣ то, что я слышала — и ничего не сказала о томъ даже Розѣ!» Она подала мнѣ пакетецъ: «это объяснитъ вамъ все; я обѣщала отдать вамъ въ собственныя руки. Вотъ уже два дня этотъ пакетъ у меня—и я все не знала, какъ мнѣ исполнить свое обѣщаніе. Наконецъ мнѣ удалось. Не говорите о томъ никому. Я съ своей стороны сдѣлаю то же самое.»

«Но отъ кого же это?» спросилъ я; «уже ли вы не можете сказать мнѣ?»

«Превѣчный Боже!» воскликнула она и вышла изъ комнаты. Я поспѣшилъ домой и открылъ пакетъ. Въ немъ лежало нѣсколько отдѣльныхъ бумагъ. Первое, что мнѣ попалось на глаза, былъ — листокъ съ моимъ собственнымъ почеркомъ, со стихами, написанными карандашемъ. Внизу стояли три креста, начертанные чернилами. Мнѣ казалось, что я вижу надгробную надпись. Это были тѣ самые стихи, которые я бросилъ къ ногамъ Аннунціаты въ первый разъ, когда видѣлъ ее. «Аннунціата!» вырвалось у меня изъ груди. «Превѣчная Матерь Божія! это отъ нея!» Тутъ же лежала маленькая запечатанная записка съ надписью: «Антоніо.» Я распечаталъ ее — она была отъ Аннунціаты. Половина, повидимому, была написана въ тотъ же самый вечеръ, когда я былъ у нея; послѣднія строки—позже; онѣ были блѣдны и начертаны дрожащей рукою. Я прочиталъ.

«Я видѣла тебя, Антоніо! видѣла тебя еще разъ въ здѣшнемъ мірѣ. Это было мое единственное желаніе — и между-тѣмъ я боялась этой минуты, какъ боятся смерти, которая однако приноситъ счастіе. Еще прошло только нѣсколько часовъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла тебя. Когда ты будешь читать это; можетъ быть, уже пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, но

надѣюсь — не болѣе. Говорятъ, кто увидитъ самаго себя, тому скоро умереть. Ты былъ половина моей души; ты былъ моя мысль: тебя я увидѣла. Ты видѣлъ меня въ счастіи; ты видѣлъ меня въ нищетѣ. Ты одинъ узналъ бѣдную, забытую Анунціату. Но я не заслуживала это отъ тебя, Антоніо! Теперь я могу сказать тебѣ это, потому-что когда ты будешь читать мои строки, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Я любила тебя, любила отъ счастливѣйшей поры моей жизни до послѣдняго моего дыханія. Мадонна не хотѣла, чтобы мы соединились въ этомъ мірѣ—и разлучила насъ. Я узнала о твоей любви ко мнѣ прежде, нежели ты мнѣ признался въ ней — именно въ тотъ самый несчастный вечеръ, когда ты выстрѣлилъ въ Бернардо. Горесть, причиненная бѣдствіемъ, которое разлучало насъ, глубокая скорбь, овладѣвшая моимъ сердцемъ, связывала мнѣ языкъ: я прижалась лицемъ къ тѣлу умершаго. Когда я подняла голову, тебя уже не было. Съ тѣхъ поръ я тебя не видала. Бернардо былъ раненъ не смертельно. Я оставила его только тогда, когда увѣрилась въ томъ. Уже ли это заставило тебя усомниться въ моей любви къ тебѣ? Я не знала, гдѣ ты, и не могла ни отъ кого узнать этаго. Нѣсколько дней спустя, ко мнѣ явилась какая-то старуха странной наружности и подала мнѣ бумагу, на которой было написано твоею рукою: «я ѣду въ Неаполь.» Подъ этими словами была твоя подпись. Старуха сказала, что тебѣ нужны деньги и пашпортъ. Я уго-

ворила Бернардо попросить о томъ его дядю, сенатора. Тогда мои желанія были повелѣніями, мои слова сильны: я получила желаемое. Бернардо также жалѣлъ о тебѣ. Онъ выздоровѣлъ и любилъ меня, я думаю, любилъ искренно, но тобою однимъ были заняты мои мысли. Онъ оставилъ Римъ. Я должна была ѣхать въ Неаполь. Но болѣзнь моей воспитательницы продержала меня цѣлый мѣсяцъ въ Мола ди Гаэта. Я не успѣла пріѣхать въ Неаполь, какъ услышала, что молодой импровизаторъ Ченчи въ тотъ же вечеръ долженъ дебютировать на театрѣ. Я тотчасъ догадалась, что это ты — и скоро увѣрилась въ томъ. Моя старушка немедленно написала къ тебѣ. Не сказавъ своего имени, она означила только, гдѣ насъ найти. Ты не явился. Она написала къ тебѣ еще разъ, правда опять безъ означенія имени, однако такъ, что ты непремѣнно долженъ былъ угадать, отъ кого посланіе. Она написала: «Приходи, Антоніо! Испугъ въ несчастную минуту нашего послѣдняго свиданія прошелъ безъ всякихъ послѣдствій. Приходи скорѣе: это было недоразумѣніе. Все можетъ еще устроиться, какъ нельзя лучше; ради Бога, только спѣши: время дорого.» Но ты не явился. Что ты прочиталъ письмецо, я узнала; узнала также, что ты тотчасъ же уѣхалъ въ Римъ. Что мнѣ было думать? Я была увѣрена, что ты уже больше не любишь меня. Между-тѣмъ во мнѣ заговорила гордость, Антоніо! Свѣтъ сдѣлалъ меня тщеславною. Я не забыла тебя:

я отказалась отъ тебя—и страдала. Моя воспитательница умерла. Вскорѣ умеръ и братъ ея. Я потеряла въ нихъ нѣжныхъ родителей. Я осталась одна въ свѣтѣ; но я была его любимицей, была молода и хороша собою; пѣніе мое нравилось. Это былъ для меня послѣдній годъ жизни. На дорогѣ въ Болонью я сдѣлалась больна, очень больна; сердце мое страдало. Антоніо, я не знала, что ты съ любовію думаешь обо мнѣ; что ты, когда все земное счастіе оставитъ меня, по-прежнему захочешь прижать мою руку къ губамъ своимъ. Я была больна цѣлый годъ. Все, что я накопила въ два года своимъ талантомъ, по-немногу было прожито. Я сдѣлалась бѣдна, потому-что потеряла свой голосъ; болѣзнь отняла у меня силы. Годъ проходилъ за годомъ. Наконецъ, послѣ семи долгихъ лѣтъ, мы опять свидѣлись. Ты видѣлъ мою бѣдность. Ты конечно слышалъ, какъ ошикали ту самую Анунціату, которую нѣкогда въ тріумфѣ развозили по улицамъ Рима? Мысли мои стали горьки, какъ моя участь. Ты пришелъ ко мнѣ. Завѣса спала съ моихъ глазъ. Я убѣдилась, что ты искренно любилъ меня. Ты сказалъ, что я бросила тебя въ пучину свѣта. Ты не зналъ, какъ я любила тебя, какъ я простирала къ тебѣ свои объятія. Я увидѣла тебя. Уста твои горѣли на моей рукѣ, какъ въ прежнія, лучшія времена. Мы разлучены. Я опять сижу одиноко въ моей каморкѣ. Завтра я оставляю ее. Можетъ быть, я совсѣмъ уѣзжаю изъ Венеціи Не печалься обо мнѣ,

Антоніо: Мадонна милостива и не оставитъ меня. Сохрани меня въ дружескомъ воспоминаніи. Тебя проситъ о томъ умершая Аннуціата, которая любила тебя — и теперь уже молится за тебя на небѣ.»

Я горько плакалъ, читая эти строки. Сердце мое какъ будто готово было истечь слезами. Остальная часть письма была писана только за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Это было послѣднее прости.

«Страданія мои приближаются къ концу. Благодареніе Мадоннѣ за всѣ радости; благодареніе и за всѣ печали, какія она послала мнѣ! Смерть поселилась въ моемъ сердцѣ. Кровь льется изъ него. Первая красавица Венеціи, принадлежащая къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, какъ мнѣ сказывали, твоя невѣста. Дай Богъ, чтобы вы были счастливы: вотъ послѣднее желаніе умирающей! Я не знаю никого, кромѣ ея, кому бы могла повѣрить это письмо — послѣднее мое прости. Сердце говоритъ мнѣ, что она еще придетъ ко мнѣ. Благородное женское сердце не захочетъ отказать въ послѣднемъ утѣшеніи той, которая стоитъ на порогѣ жизни и смерти. Она непремѣнно придетъ. Прощай, Антоніо! Послѣдняя моя молитва на землѣ и первая на небесахъ будетъ за тебя и за ту, въ которой ты найдешь болѣе, нежели бы могъ найти во мнѣ. Душа моя была тщеславна. Причиною тому были похвалы свѣта. Можетъ быть, ты бы никогда не

былъ счастливъ со мною; иначе Мадонна не разлучила бы насъ. Прости, прости! Миръ сошелъ въ мое сердце. Страданія мои кончились. Смерть приближается. Молись за меня и ты съ Маріей.

Анунціата.»

Истинно-глубокая горесть не знаетъ словъ. Я сидѣлъ молча и неподвижно. Глаза мои были устремлены на письмо, орошенное моими слезами. Анунціата любила меня. Она была тотъ невидимый геній, который привелъ меня въ Неаполь. Письмо было отъ нея, а не отъ Санты, какъ я полагалъ. Анунціата была больна, томилась въ горѣ и бѣдности—и теперь уже вѣрно умерла. Листокъ, который я далъ Фульвіи съ надписью: «я ѣду въ Неаполь,» и который она передала Анунціатѣ, находился также въ пакетѣ. Тутъ же было письмо отъ Бернардо, въ которомъ онъ прощался съ нею и объявлялъ о намѣреніи оставить Римъ и вступить въ иностранную службу, не говоря однако, въ какую. Она отдала Маріи назначенный мнѣ пакетъ. Она называла ее моей невѣстой. Пустые толки дошли и до Анунціаты — и она повѣрила имъ. Она призвала Марію къ себѣ. Что она ей сказала? Я вспомнилъ, съ какимъ смущеніемъ Марія заговорила со мною. И-такъ она знала, какіе слухи носятся объ насъ по городу. У меня не ставало духу говорить съ нею — и однако я долженъ былъ:

вѣдь она была добрымъ геніемъ Анунціаты и моимъ.

Я взялъ гондолу — и скоро былъ у Подесты. Роза и Марія сидѣли за рукодѣльемъ. Марія была въ смущеніи. Я не смѣлъ сказать ни слова о томъ, что исключительно занимало мои мысли. На вопросы я отвѣчалъ разсѣянно. Горесть совершенно уничтожала меня. Тутъ Роза взяла меня за руку и сказала:

«Вы очень опечалены. Будьте довѣрчивы съ нами. Если мы не можемъ утѣшить васъ, по крайней мѣрѣ, можемъ плакать съ искреннимъ другомъ нашимъ.»

«Такъ вы уже все знаете?» сказалъ я, обрадовавшись, что могу отвесть душу.

«Марія, можетъ быть,» отвѣчала Роза. «Что до меня, то я почти ничего не знаю.»

«Роза!» сказала Марія умоляющимъ голосомъ и взявъ ее за руку.

«Нѣтъ, отъ васъ я не хочу ничего скрывать,» сказалъ я. «Я вамъ все раскажу. Это облегчитъ меня. «И я расказалъ имъ о моемъ дѣтствѣ, объ Анунціатѣ и моемъ побѣгѣ въ Неаполь. Но когда

я увидѣлъ, что Марія сидитъ и слушаетъ меня, сложивъ руки, какъ бывало Фламинія и еще кто-то другой, я замолчалъ. О Ларѣ, о видѣніи въ пещерѣ—я не рѣшился говорить. Къ-тому же вѣдь это и не было въ связи съ исторіей Апунціаты. Я перешелъ прямо къ свиданію съ нею въ Венеціи и къ послѣднему нашему разговору. Марія закрыла глаза руками и плакала. Роза молчала.

«Объ этомъ я ничего не знала,» сказала она наконецъ. «Марія получила изъ госпиталя святыхъ сестеръ письмо, въ которомъ умирающая женщина умоляла ее именемъ всего, что для нея есть святаго и драгоцѣннаго въ мірѣ, и ея собственнымъ сердцемъ притти къ ней. Я проводила ее туда въ гондолѣ. Но такъ-какъ въ письмѣ просили, чтобы она явилась *одна*, то я оставалась у сестеръ, пока она сидѣла у постели умирающей.»

«Я видѣла Анунціату,» сказала Марія; «вы получили то, что она просила меня передать вамъ.»

«И что же она вамъ сказала?» спросилъ я

«Отдайте это Антоніо, импровизатору, но такъ, чтобы никто не видѣлъ.» Она говорила о васъ, какъ можетъ говорить сестра, добрый геній. Я видѣла кровь — кровь на ея губахъ. Въ минуту

смерти она открыла глаза и — — » Марія залилась слезами.

«Я молча прижалъ ея руку къ губамъ, и благодарилъ ее за то, что она присутствіемъ своимъ усладила послѣднія минуты Анунціаты. Я оставилъ ихъ, пошелъ въ церковь и помолился за усопшую.

Съ этой минуты меня принимали въ домѣ Подесты съ удвоеннымъ дружествомъ и радушіемъ. Роза и Марія обращались со мною, какъ съ нѣжнолюбимымъ братомъ. Онѣ старались угадывать всѣ мои желанія. Въ самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ я видѣлъ ихъ заботливостъ обо мнѣ.

Я посѣтилъ могилу Анунціаты. Кладбище было пловучій ковчегъ съ высокими стѣнами, выходящими изъ воды — островъ съ садомъ мертвыхъ. Я увидѣлъ передъ собою зеленое мѣсто со множествомъ черныхъ крестовъ—и нашелъ ту могилу, которой искалъ. Вся надгробная надпись состояла только изъ однаго слова: «Анунціата.» Прекрасный, свѣжій вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ висѣлъ па крестѣ. Это, безъ сомнѣнія, было приношеніе отъ Розы и Маріи. Я обѣихъ благодарилъ за это вниманіе. Доброта Маріи въ моихъ глазахъ возвышала ея красоту. Когда она опускала взоры, я находилъ въ ней удивительное сходство съ идеаломъ красо-

ты — Ларой. Мнѣ казалось, что онѣ обѣ — какъ непостижимо это впрочемъ ни было — одно и то же лице.

Около этаго самаго времени я получилъ письмо отъ Фабіани. Я уже четвертый мѣсяцъ былъ въ Венеціи. Это удивляло его. Онъ совѣтывалъ мнѣ не оставаться здѣсь долѣе, а лучше употребить время на посѣщеніе Милана и Генуи, предоставляя это впрочемъ на мое усмотрѣніе. Но что же по-настоящему еще удерживало меня въ Венеціи? Этотъ городъ былъ для меня юдолью печали, такъ-какъ онъ и представился мнѣ уже при первомъ взглядѣ. Лучшая мечта моей жизни здѣсь кончилась смертію. Марія и Роза были для меня нѣжными сестрами, Поджіо искреннимъ, добрымъ другомъ. Такихъ людей мнѣ уже нигдѣ не найти. Однако я долженъ разстаться съ ними. Здѣсь все только служитъ пищею моему горю. Я рѣшился уѣхать—и, какъ можно, скорѣе. Я хотѣлъ приготовить Розу и Марію къ предстоящей разлукѣ: онѣ же вѣдь должны были узнать о томъ. Однажды вечеромъ я сидѣлъ у нихъ въ большой залѣ, гдѣ балконъ выдается надъ каналомъ. Марія хотѣла сказать слугѣ, чтобы онъ принесъ лампу; но Роза просила ее подождать: луна сіяла такъ чудно свѣтло; померанцевое дерево сильно благоухало.

«Спой намъ что-нибудь, Марія!» сказала Ро-

за; спой ту прекрасную пѣсню, что ты читала — о пещерѣ троглодитовъ. Пусть Антоніо послушаетъ ее.»

Марія запѣла сладостнымъ голосомъ колыбельную пѣсню, которая дышала райскою тишиною. Слова и мелодія сливались въ дивную гармонію, являя сердцу и мысли обитель красоты подъ ѳеирно-свѣтлою волною.

«Во всей этой пѣсни есть что-то такое воздушное, такое прозрачное!» сказала Роза.

«Такъ, должно быть, открывается безплотный духъ,» сказалъ я.

«Такъ представляется воображенію слѣпаго прекрасный міръ Божій!» сказала со вздохомъ Марія.

«Но развѣ не такимъ же является онъ и прозрѣвшему?» спросила Роза.

«Не такимъ—и однако еще прекраснѣе!» отвѣчала Марія.

Тутъ Роза расказала мнѣ то, что я уже слышалъ отъ Поджіо, что Марія была слѣпа, но что братъ одарилъ ея глаза свѣтомъ. Марія говорила о немъ съ любовью и благодарностію. Съ простоду-

шіемъ ребенка расказывала она мнѣ, какія понятія у нея были о внѣшнемъ мірѣ: о тепломъ солнцѣ, о людяхъ, о широкихъ листьяхъ кактуса, о пространныхъ храмахъ. «Въ Греціи ихъ гораздо болѣе, нежели здѣсь, прибавила она — и вдругъ прервала свой разсказъ. «По гармоніи звуковъ я составляла себѣ понятіе о краскахъ,» сказала она. «Фіалки синяго цвѣта» говорили мнѣ, «небо и море также. Упиваясь благоуханіемъ фіалокъ, я живо представляла себѣ чудную красоту неба и моря. Когда закрытъ тѣлесный глазъ, духовный видитъ вдвое яснѣе. Слѣпой научается вѣрить въ міръ духовъ. Все, что онъ видитъ, открывается ему посредствомъ этаго міра.

Я вспомнилъ Лару, и какъ она букетомъ фіалокъ украсила свои черные волосы. Благоуханіе померанцеваго дерева также перенесло меня въ Пэстумъ, гдѣ фіалки и красные левкои росли вокругъ руинъ храмовъ. Мы говорили о величественныхъ красотахъ природы, о морѣ и горахъ. Роза вздыхала по своемъ любезномъ Неаполѣ. Тутъ я сообщилъ имъ свое намѣреніе оставить Венецію, и прибавилъ, что уже ѣду черезъ нѣсколько дней.

«Вы оставляете насъ?» сказала Роза печально. «Эта мысль мнѣ никогда не приходила на умъ.»

«Вы уже никогда не воротитесь въ Венецію?»

спросила Марія; «никогда не навѣстите болѣе вашихъ друзей?»

«Напротивъ,» отвѣчалъ я — и сталъ увѣрять, хотя это вовсе не было въ моемъ планѣ, что изъ Милана ворочусь въ Венецію и уже отсюда отправлюсь въ Римъ. Но могъ ли самъ я вѣрить своимъ словамъ? Я посѣтилъ могилу Анунціаты—и, взявъ листокъ изъ вѣнка, висѣвшаго надъ нею, спряталъ его, какъ будто не намѣреваяся никогда болѣе возвращаться сюда. Дѣйствительно, я былъ здѣсь въ послѣдній разъ. То, что лежало въ могилѣ, превратилось въ прахъ. Но сердце мое хранило отпечатокъ прекраснаго, а у Мадонны жилъ духъ, котораго оно было воплощеніемъ. Могила Анунціаты и маленькая комната, гдѣ я прощался съ Маріей и Розой, были единственными свидѣтелями моихъ слезъ, моей горести.

«Дай Богъ вамъ найти женщину, которая могла бы замѣнить вамъ то, чего вы лишились, «сказала Роза, прощаясь со мною; «приведите ее въ мои объятія—и я заранѣе чувствую, что буду любить ее, какъ вы научили меня любить Анунціату!»

«Будьте счастливы и воротитесь къ намъ скорѣе,» сказала Марія. Я поцѣловалъ у нея руку. Взоръ ея покоился на мнѣ печально и грустно. Подеста стоялъ передо мною съ бокаломъ шампанска-

го, а Поджіо затянулъ веселую прощальную пѣсню о быстро-катящихся колесахъ и о птичкахъ, которыя поютъ, свободно летая по воздуху. Онъ сѣлъ со мною въ гондолу и проводилъ меня до Фузины. Дамы съ балкона махали мнѣ своими бѣлыми платками. Какъ много можетъ случиться прежде, нежели я опять съ ними увижусь! Поджіо былъ чрезвычайно веселъ; но я замѣчалъ, что веселость его принужденная. Онъ крѣпко обнялъ меня и сказалъ, что намъ непремѣнно надобно переписываться, какъ можно чаще. «Смотри же, напиши мнѣ, когда у тебя будетъ невѣста; да не забудь нашего заклада!»

«Какъ ты можешь шутить въ такую минуту», отвѣчалъ я; «ты знаешь мои мысли на этотъ счетъ.»

Мы разстались.

XIV.

Достопримѣчательности Вероны. Соборъ въ Миланѣ. Встрѣча у торжественной арки Наполеона. Мечта и дѣйствительность. Лазоревая пещера.

—

Экипажъ тронулся съ мѣста. Я увидѣлъ передъ собою зеленую Бренту, плакучія ивы, красивыя

виллы и вдали лежащія горы. Подъ-вечеръ я прибылъ въ Падуу. Церковь св. Антонія со своими семью величавыми куполами привѣтствовала меня при яркомъ свѣтѣ луны. На улицахъ народъ суетился по крытымъ ходамъ. Но для меня все было чуждо и пусто. Когда сіяло солнце; все принимало въ моихъ глазахъ еще болѣе непріятный видъ. Скорѣе прочь отсюда! Путешествіе настраиваетъ душу къ веселости, прогоняетъ печаль, подумалъ я — и экипажъ покатился.

Передо мною разстилалась необъятная равнина, покрытая роскошною зеленью, какъ Понтинскія болота. Высокія плакучія ивы, будто огромные каскады, свѣшивались надъ оврагами—и вездѣ видны были алтари съ священными изображеніями Мадонны. Нѣкоторыя изъ нихъ полиняли отъ дѣйствія времени. Самыя стѣны, на которыхъ они были начертаны, превратились въ руины; но часто намъ попадались и новыя картины, представляющія Божію Матерь съ младенцемъ Іисусомъ. Я замѣтилъ, что ветуринъ снимаетъ шляпу только передъ новыми изображеніями; старыхъ и полинялыхъ онъ какъ будто не видѣлъ. Это до крайности поразило меня. Я обратилъ на это незначительное обстоятельство болѣе вниманія, нежели оно заслуживало. Сама олицетворенная святость и чистота — образъ Мадонны подвергался забвенію и невниманію, потому-что на немъ поблекли земныя краски.

Черезъ Виченцу, гдѣ искуство Палладіо не пролило ни однаго свѣтлаго луча на скорбное сердце мое, я пріѣхалъ въ Верону, первый изъ городовъ, лежавшихъ на пути моемъ, который произвелъ на меня хоть какое-нибудь впечатлѣніе. Амфитеатръ напомнилъ мнѣ Колоссей въ Римѣ. Онъ былъ красивою копіею съ него, но лучше сохранился и не былъ опустошенъ варварами. Обширные своды служили амбарами, а на срединѣ арены устроенъ былъ изъ досокъ и холстины маленькій сарай, гдѣ странствующіе актеры давали представленія. Я пошелъ туда вечеромъ. Веронезцы сидѣли на тѣхъ самыхъ каменныхъ скамьяхъ, на которыхъ сидѣли ихъ праотцы. Давали «la Cenerentola.» Это была та же труппа, къ которой принадлежала Анунціата. Ауреліа исполняла главную роль оперы. Все вмѣстѣ было крайне жалко и произвело на меня самое грустное впечатлѣніе. Величественная древняя арена казалась исполиномъ въ сравненіи съ низенькимъ деревяннымъ сараемъ. Контрабасъ заглушалъ всѣ прочіе инструменты. Публика хлопала и вызывала Аурелію. Я скоро ушелъ. На улицѣ все было безмолвно и тихо. Отъ колоссальнаго зданія ложилась широкая, черная тѣнь посреди яркаго сіянія мѣсяца.

Мнѣ расказали о фамиліяхъ Капулетти и Монтекки, и какъ вражда ихъ разлучила два нѣжнолюбящія сердца, которыя опять соединила смерть. Это была исторія Ромео и Юліи. Меня повели въ

палаццо Капулетти, гдѣ Ромео въ первый разъ уви-
дѣлъ свою Юлію и танцевалъ съ нею. Теперь этотъ
домъ превратился въ гостинницу для путешествен-
никовъ. Я взошелъ на лѣстницу, по которой нѣ-
когда Ромео шелъ навстрѣчу любви и смерти. Об-
ширная танцевальная зала сохранилась въ первобыт-
номъ видѣ своемъ. На стѣнахъ висѣли полинялы
картины. Высокія окна доходили до самаго пола
Но посреди комнаты лежали кучи соломы и сѣна
Вдоль стѣнъ стояли известковыя бочки, а по угламъ
были въ безпорядкѣ разбросаны разныя земледѣль-
ческія орудія и конская сбруя. Здѣсь нѣкогда знат-
нѣйшая молодежь Вероны весело танцевала подъ
шумную музыку. Здѣсь для Ромео и Юліи пронес-
ся мимолетный сонъ любви. Я живо чувствовалъ
какъ ничтожно все земное величіе, чувствовалъ, что
Фламинія избрала, а Анунціата приняла отъ Неба
лучшую долю, какая можетъ достаться человѣку—
почиталъ ихъ счастливыми.

Сердце у меня билось, какъ будто въ сильной
горячкѣ. Я нигдѣ не находилъ покоя. Въ Миланъ
подумалъ я: тамъ теперь будетъ твое домашнее пе-
пелище—и поѣхалъ туда. Я былъ тамъ въ конце
мѣсяца. Нѣтъ, въ Венеціи гораздо лучше; въ Вене-
ціи я былъ какъ между своими. Здѣсь я скучалъ
своимъ одиночествомъ—и однако не хотѣлъ заводить
знакомствъ: я не воспользовался ни однимъ изъ мно-

жества рекомендательныхъ писемъ, которыми меня снабдили.

Въ обширномъ шести-ярусномъ театрѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ довольно пусто, на меня какъ будто вѣяло холодомъ — и между-тѣмъ мнѣ было душно. Я былъ тамъ одинъ разъ и слышалъ Донизетти «*Торквато Тассо.*» Примадонна, любимица публики — которая, бывъ вызвана нѣсколько разъ, раскланивалась съ улыбкою торжества на устахъ—представлялась мнѣ зловѣщимъ геніемъ. Я желалъ, чтобы она умерла въ этотъ мигъ счастія и красоты; лучше свѣту оплакивать ее, нежели ей — свѣтъ. Хорошенькія дѣти танцевали въ балетѣ; сердце обливалось у меня кровью при видѣ ихъ красоты. Я никогда болѣе не возвращался въ la Scala.

Одиноко бродилъ я по тѣнистымъ улицамъ города, одиноко сидѣлъ въ своей комнатѣ. Я началъ сочинять трагедію: «Леонардо да Винчи.» Здѣсь онъ жилъ; здѣсь я видѣлъ его безсмертную Вечерю. Исторія о его несчастной любви, о возлюбленной, съ которой его разлучили монастырскія стѣны, вѣдь повторилась въ моей собственной жизни. Я думалъ о Фламиніи, объ Анунціатѣ—и писалъ то, что чувствовалъ въ сердцѣ. Но мнѣ недоставало Поджіо; я грустилъ по Маріи и Розѣ. Заботливость и дружба ихъ служили бальзамомъ больному мое-

му сердцу. Я писалъ имъ, но не получалъ отвѣта. Поджіо не сдержалъ слова: онъ поступилъ, какъ всѣ такъ называемые друзья. Передъ самою разлукою мы тѣснѣе сблизились между собою—и вотъ едва мы разстались, какъ онъ уже забылъ меня. Каждый день я ходилъ въ Миланскій соборъ. Онъ представлялся мнѣ причудливою мраморною горою, какъ будто отторгнутою отъ скалъ Каррарскихъ. Я въ первый разъ увидѣлъ это зданіе при свѣтѣ луны. Верхняя часть его, ослѣпительной бѣлизны, рѣзко обозначалась на необъятномъ синемъ эѳирѣ. Кругомъ видишь безчисленное множество мраморныхъ статуй—въ каждомъ углу, на всѣхъ остроконечныхъ башенкахъ, которыми зданіе какъ будто усѣяно. Внутренность поразила меня болѣе, нежели внутренность церкви св. Петра. Таинственная темнота, свѣтъ, проникающій сквозь пестрыя стекла, чудно-мистическій міръ, который открывается здѣсь... я чувствовалъ, что я дѣйствительно въ храмѣ Божіемъ. Я уже провелъ цѣлый мѣсяцъ въ Миланѣ, какъ вдругъ мнѣ вздумалось взобраться на крышу церкви. Солнце горѣло на бѣлой гладкой поверхности; башенки представлялись церквами и капеллами на обширной мраморной площади. Миланъ лежалъ подо мною на неизмѣримомъ разстояніи. Глазамъ моимъ открывались безпрестанно новыя статуи святыхъ и мучениковъ, которыхъ я не могъ видѣть снизу. Я стоялъ на самой вершинѣ, у колосальнаго изванія Іисуса Христа,

которымъ оканчивается исполинское зданіе. На сѣверѣ видны были высокія, мрачныя Альпы, на югѣ низкія сѣровато-синія Аппенины. Между ними разстилалась необъятная зеленая равнина. Это словно Кампанья, превратившаяся въ роскошный садъ. Взоры мои обратились на востокъ: тамъ, думалъ я, лежитъ Венеція. Стая перелетныхъ птицъ неслась туда длинною вереницею, будто развѣвающаяся лента. Я вспомнилъ моихъ тамошнихъ друзей, вспомнилъ Поджіо, Розу и Марію — и въ груди моей пробудилось томительное желаніе. Мнѣ пришла на умъ сказка, которую я слышалъ въ дѣтствѣ, когда я съ матушкой и Маріучче возвращался домой съ озера Неми, гдѣ мы видѣли хищную птицу и Фульвію. Я вспомнилъ, какъ Анджелина расказывала намъ о бѣдной Терезѣ изъ Олевано; какъ она будто бы изнывала отъ тоски и печали по своемъ любезномъ Джузеппе, который отправился на сѣверъ странствовать черезъ горы, и какъ старая Фульвія нѣсколько дней сряду варила на красныхъ угольяхъ травы въ мѣдномъ котлѣ, до тѣхъ поръ, пока самаго Джузеппе одолѣла тоска — и онъ пустился въ путь, и шелъ день и ночь безъ отдыха, чтобы скорѣе поспѣть на мѣсто, гдѣ варились волшебныя травы съ локонами волосъ его и Терезы. Я былъ подъ вліяніемъ магической силы, которая влекла Джузеппе. Жители горъ называютъ ее тоскою по родинѣ; но со мною было не то, потомучто Венеція мнѣ не родина. Я чувствовалъ сильное

изнеможеніе духа и тѣла — и сошелъ съ крыши собора. Дома меня ожидало письмо. Оно было отъ Поджіо. И-такъ наконецъ я получилъ отъ него письмо. По содержанію я узналъ, что оно уже было второе; но первое до меня не дошло. «Въ Венеціи,» писалъ Поджіо, «все по-старому; но Марія была больна, очень больна—и всѣхъ привела въ безпокойство и страхъ. Теперь», продолжалъ онъ, «она уже внѣ опасности и опять на ногахъ; однако еще не выходитъ изъ комнаты». За-тѣмъ слѣдовали веселые намеки и шутки. Поджіо спрашивалъ, не отдалъ ли я уже сердца какой-нибудь Миланской красавицѣ, и наказывалъ не забыть шампанскаго и заклада нашего. Все письмо дышало самою непринужденною веселостью и было въ противоположности съ мрачнымъ настроеніемъ души моей. Не смотря на то, оно меня радовало. Читая его, я, казалось, видѣлъ передъ собою веселаго Поджіо. Таковы сужденія свѣта — подумалъ я. Утверждаютъ, что у Поджіо на душѣ глубокая тайная печаль, что веселость его — маскарадный нарядъ; а между-тѣмъ ясно, что она выходитъ прямо изъ сердца. Утверждаютъ, что Марія — моя невѣста; а между-тѣмъ у меня этаго никогда не было въ мысляхъ: я тоскую по Розѣ столько же, какъ по ней—и однако никто не говоритъ, что я люблю Розу. Ахъ, зачѣмъ я не въ Венеціи! Здѣсь я умру отъ тоски, подумалъ я, досадуя на самаго себя за свое безпокойное расположеніе духа. Чтобы разсѣяться, я по-

шелъ черезъ городскія ворота и piazza d'Armi къ тріумфальной аркѣ Наполеона: Porte Sempione. За нею работали съ большимъ усердіемъ. Я вошелъ въ калитку низенькаго забора, которымъ было обведено недоконченное зданіе. Два новые мраморные коня стояли на землѣ; ноги ихъ были покрыты высокой травою; вокругъ лежали въ безпорядкѣ куски мрамора и высѣченныя капители.

Я нашелъ тутъ какаго-то путешественника. Онъ стоялъ съ книгою въ рукахъ и, казалось, усердно въ нее записывалъ расказы находившагося при немъ проводника. Незнакомецъ былъ молодой человѣкъ, по-видимому, лѣтъ тридцати. Я прошелъ мимо его. Грудь его была украшена двумя Неаполитанскими орденами. Онъ поднялъ глаза на арку— и я узналъ въ немъ знакомаго: это былъ Бернардо. Онъ меня также замѣтилъ и въ ту же минуту подбѣжалъ ко мнѣ, обнялъ меня и, засмѣявшись, сказалъ, «благодарю за угощеніе, Антоніо, ты задалъ мнѣ славный пиръ на прощаньи—и не промахнулся. Но не правда ли, это не мѣшаетъ намъ попрежнему оставаться друзьями?»

Кровь у меня застыла въ жилахъ. «Бернардо, ты ли это?» воскликнулъ я. «Какая неожиданная встрѣча! здѣсь на сѣверѣ, подъ самыми Альпами!»

«Я только-что возвращаюсь съ Альповъ,» отвѣ-

чалъ онъ, «изъ страны ледниковъ и лавинъ. Я ви дѣлъ конецъ міра на вершинахъ холодныхъ горъ.. Онъ расказалъ мнѣ, что провелъ жаркіе лѣтні мѣсяцы въ Швейцаріи. Въ Неаполѣ онъ отъ Нѣ мецкихъ офицеровъ столько наслышался про вели чественную природу Швейцаріи — а вѣдь на пара ходѣ такъ легко попасть изъ Неаполя въ Генуу Онъ былъ въ Шамуни, всходилъ на Монбланъ Юнгфрау, la bella ragazza, какъ онъ называлъ ее «Мнѣ вѣкъ не случалось встрѣчать такой холод ной дѣвы,» прибавилъ онъ.

Мы вмѣстѣ прошли къ новому амфитеатру, оттуда въ городъ. Онъ расказалъ мнѣ, что ѣдет въ Генуу повидаться съ своей невѣстой и ея роди телями, и что онъ сбирается скоро жениться и сдѣ латься степеннымъ, порядочнымъ человѣкомъ. Он сталъ уговаривать меня ѣхать съ нимъ и, улы баясь, прибавилъ:» что жъ ты мнѣ ничего не ра скажешь о моихъ ручныхъ птичкахъ, о нашей лю безной пѣвицѣ и такъ далѣе? Ты теперь, чай, сам знаешь по опыту, что такія дѣла непремѣнно дол жны входить въ составъ исторіи всякаго молодаг сердца; иначе у невѣсты моей легко бы могла за болѣть голова—а это было бы мнѣ очень жаль, по тому-что я люблю ее.»

Мнѣ невозможно было говорить съ нимъ об

Анунціатѣ: я видѣлъ, что онъ никогда не любилъ ея такъ, какъ я.

«Поѣдемъ со мною, сказалъ онъ. «Генуа богата красавицами. Ты теперь сталъ постарше и поумнѣе, и вѣроятно полюбилъ женщинъ. Неаполь образовалъ тебя — неправда ли? Черезъ три дня я намѣренъ ѣхать; рѣшись, Антоніо!»

«Невозможно; я самъ ѣду завтра,» отвѣчалъ я машинально. У меня этаго вовсе не было на умѣ; но я не могъ отступиться отъ сказаннаго.

«Куда?» спросилъ онъ.

«Въ Венецію,» отвѣчалъ я.

«Ты можешь перемѣнить свой планъ,» продолжалъ онъ, подходя ближе ко мнѣ. Я сталъ увѣрять его, что никакъ не могу отлагать своего намѣренія, и говорилъ до того, что наконецъ какъ будто самъ убѣдился въ необходимости оставить Миланъ. Демонъ безпокойства мучилъ меня. Я сталъ готовиться къ отъѣзду, какъ будто бы это было давно рѣшеное дѣло.

Невидимый руководитель, чудный Промыслъ Божій, влекъ меня изъ Милана. Я не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь: я пролежалъ нѣсколько

часовъ въ болѣзненной безсонницѣ, которая только изрѣдка прерывалась страшными, лихорадочными грезами. «Въ Венецію!» говорилъ мнѣ внутренній голосъ.

Я простился съ Бернардо, послалъ съ нимъ поклонъ невѣстѣ его, и поспѣшно отправился въ то же самое мѣсто, которое оставилъ назадъ тому два мѣсяца.

Иногда мнѣ казалось, что я проглотилъ ядъ, и что онъ разливается и бродитъ въ моей крови. Неизъяснимая тоска влекла меня въ Венецію — что̀ бы меня тамъ ожидало?

Я достигъ Фузины, и вотъ передо мною опять Венеція съ сѣрыми своими стѣнами, площадью св. Марка и лагунами. Тоска и безпокойство мое вдругъ исчезли. Вмѣсто нихъ во мнѣ пробудились стыдъ, досада и неудовольствіе на себя самаго. Я спрашивалъ себя, къ чему я пріѣхалъ сюда? и не понималъ, какъ сдѣлать такую глупость! и что скажутъ про меня люди? Всѣ будутъ надо мною смѣяться.

Я вошелъ въ свои компаты — и, не смотря на то, что чувствовалъ большую усталость и былъ не совсѣмъ здоровъ, тотчасъ же переодѣлся, съ тѣмъ,

чтобы сдѣлать визитъ Розѣ и Маріи. Что-то онѣ скажутъ о моемъ возвращеніи въ Венецію?

Гондола приближалась къ палаццо. Какія странныя мысли могутъ притти на умъ человѣку! «Ну, если я пріѣхалъ на веселый праздникъ?» думалъ я. Если Марія невѣста? Если сегодня ея свадьба?» Но вѣдь я не любилъ ея, тысячу разъ говорилъ это себѣ, тысячу разъ увѣрялъ въ томъ Поджіо и всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ изъявлялъ на этотъ счетъ подозрѣнія.

Я увидѣлъ передъ собою сѣровато-зеленыя стѣны, высокія окна—и сердце мое билось отъ нетерпѣнія. Я вошелъ. Слуга молча и торжественно отворилъ двери. Онъ даже не изъявилъ ни малѣйшаго удивленія на счетъ внезапнаго моего пріѣзда. Казалось, онъ былъ занятъ совершенно иными мыслями. «Подеста всегда дома для васъ, синьоръ!» сказалъ онъ.

Могильная тишина царствовала въ большой залѣ. Занавѣски у оконъ были задернуты. Здѣсь жила Дездемона, подумалъ я; здѣсь, можетъ быть, она страдала: но Отелло страдалъ еще ужаснѣе ея. Отъ чего мнѣ пришелъ на умъ этотъ старинный расказъ? Я отправился въ комнату Розы: и здѣсь окна были завѣшены; все утопало въ полумракѣ— и я опять почувствовалъ ту непонятную тоску, ко-

торая преслѣдовала меня въ продолженіе всего путешествія моего и влекла меня назадъ въ Венецію. Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ и долженъ былъ искать, обо что опереться. Тутъ вошелъ Подеста, обнялъ меня и изъявилъ свою радость, что опять видитъ меня. Я спросилъ о Розѣ и Маріи; но при этомъ вопросѣ черты лица его приняли необыкновенно-серьёзное выраженіе.

«Ихъ нѣтъ здѣсь,» сказалъ онъ; «онѣ поѣхали въ Падуу вмѣстѣ съ другимъ семействомъ; но непремѣнно воротятся завтра, или послѣ-завтра.»

Не знаю, почему, но я усомнился въ истинѣ его словъ; можетъ статься, это было дѣйствіемъ горячки въ моей крови, жестокой горячки, которую произвела моя печаль и которая теперь была готова выступить наружу. По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что не иное что дѣйствовало на все духовное мое существо, когда я рѣшился ѣхать назадъ въ Венецію.

За ужиномъ я живо почувствовалъ отсутствіе Розы и Маріи. Подеста также былъ какъ-то не въ своей тарелкѣ. Онъ увѣрялъ, что разстройство его происходитъ отъ неудачнаго оборота однаго дѣла, а впрочемъ ничего важнаго не случилось.» Поджіо нигдѣ нельзя доискаться,» прибавилъ онъ. Вы попали сюда не въ добрый часъ, и къ тому же

еще сами больны. Однако что съ вами дѣлается?» сказалъ онъ вдругъ; «вы страшно поблѣднѣли.» Въ глазахъ моихъ потемнѣло; я лишился чувствъ.

У меня была горячка, сильная нервическая горячка.

Я только помню, что очутился въ опрятной, полутемной комнатѣ. Подеста былъ у меня и сказалъ, что я долженъ остаться у него въ домѣ до тѣхъ поръ, пока не выздоровлю. Роза должна была ухаживать за мною. О Маріи онъ и не упоминалъ.

Я лежалъ въ полузабытьи. Черезъ нѣсколько времени мнѣ сказали, что дамы возвратились домой, и что я скоро увижу ихъ. Я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ Розу; но она была печальна. Я замѣтилъ, что она плакала; но конечно не я былъ причиною ея слезъ, потому-что чувствовалъ себя уже крѣпче. Настала вечеръ. Вокругъ меня царствовала убійственная тишина и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то суетливое движеніе. На вопросы мои отвѣчали какъ-бы нѐ-хотя. Слухъ у меня былъ чрезвычайно остеръ. Я слышалъ, что въ залѣ, подъ тою комнатою, гдѣ я лежалъ, ходили и разговаривали; слышалъ шумъ веселъ какъ будто нѣсколькихъ гондолъ. Наконецъ я какъ бы забылся—и увѣрился въ томъ, чтȯ предполагалъ (окружающіе думали, чго я сплю). Марія умерла! Поджіо писалъ мнѣ, что она была больна—

и опять выздоровѣла; но вторичный припадокъ былъ гибеленъ. Ее хоронили въ тотъ самый вечеръ; но отъ меня это хотѣли скрыть. Маріи уже нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ той, которую невидимыя силы вовлекли въ событія моей жизни. И-такъ изъ-за нея была эта непостижимая тоска, которая такъ меня мучила. Но я опоздалъ—и уже не могъ видѣть ее. Теперь она въ томъ мірѣ духовъ, къ которому всегда принадлежала. Роза вѣрно убрала ея гробъ фіалками, этими душистыми цвѣтами, которые она такъ страстно любила; теперь она спитъ, украшенная ими. Я лежалъ безмолвно и неподвижно, какъ въ смертномъ снѣ, и слышалъ, какъ Роза благодарила за то Бога. Но вотъ и она меня оставила. Въ комнатѣ не было ни души. Вечеръ былъ темный. Я чувствовалъ, что силы мои съ каждою минутою укрѣпляются. Я зналъ, что въ церкви Dei frari находится склепъ для погребенія семейства Подесты. Тамъ передъ алтаремъ лежитъ эту ночь усопшая. Я хотѣлъ видѣть ее — всталъ — горячка меня оставила — силы мои возвратились — я накинулъ плащъ. Никто не видѣлъ меня. Я сѣлъ въ гондолу. Единственная мысль моя была — о покойницѣ. Дверь церкви была заперта. Уже давно отслужили Ave Maria. Я постучался у дверей могильщика. Онъ узналъ меня: онъ уже прежде видѣлъ меня въ церкви съ Подестой и показывалъ мнѣ памятники Кановы и Тиціана. «Вамъ угодно видѣть покойницу?» спросилъ онъ, угадывая мое желаніе; «она лежитъ

передъ алтаремъ въ открытомъ гробѣ. Завтра ее похоронятъ въ капеллѣ». Онъ зажегъ фонарь, взялъ связку ключей и отворилъ маленькую боковую дверь. Шаги наши раздались въ высокомъ, безмолвномъ склепѣ. Но вотъ онъ остановился—и я пошелъ одинъ по длинному, мрачному коридору. Передъ образомъ Мадонны горѣла лампада, но тускло и блѣдно. Бѣлыя мраморныя статуи, окружающія памятникъ Кановы, представлялись мнѣ, въ торжественномъ безмолвіи своемъ и неуловимыхъ контурахъ, мертвецами въ саванахъ. Передъ главнымъ алтаремъ горѣли три лампады. Я не чувствовалъ ни малѣйшей тоски, ни малѣйшей скорби. Я какъ будто самъ принадлежалъ смерти и стоялъ у предѣловъ моей истинной родины. Я приблизился къ алтарю. Здѣсь благоухало фіалками. Свѣтъ лампады отражался на открытомъ гробѣ, въ которомъ лежала усопшая. Это была Марія. Она какъ будто спала. Какъ чудная мраморная статуя, она лежала, вся усыпанная фіалками. Черные волосы, украшенные букетомъ этихъ цвѣтовъ, были узломъ завязаны на лбу. Закрытые глаза ея, весь этотъ образъ мира и красоты, восхитили мою душу. Я видѣлъ передъ собою Лару такъ, какъ она сидѣла въ руинахъ храма, когда я коснулся губами ея чела. Но тутъ она превратилась въ мертвую, мраморную статую, безъ жизни, безъ теплоты. «Лара!» простоналъ я—и упалъ передъ гробомъ. «Лара! ты умерла; но закрытые глаза твои и безмолвныя уста

сохранили для меня свое краснорѣчіе. Я узнаю тебя: я узналъ тебя въ Маріи. Послѣдняя мысль моя въ жизни умерла съ тобою.» Сердце мое облегчилось слезами. Онѣ падали на лице умирающей — и я осушалъ ихъ поцѣлуями. «Всѣ оставили меня,» сказалъ я;» ты также, послѣдняя мечта моего сердца! Душа моя горѣла къ тебѣ, не такъ, какъ къ Анунціатѣ, не такъ, какъ къ Фламиніи. Сердце мое преклонялось передъ тобою съ святымъ благоговѣніемъ. Оно питало къ тебѣ чистую, непорочную любовь Ангеловъ. Я самъ не зналъ, что это любовь: она была выше земной мысли моей. Никогда я не сознавался въ ней передъ собою; никогда не смѣлъ говорить тебѣ о ней. Прости, послѣдняя невѣста моего сердца! Блаженъ твой сонъ! «Я прижался губами къ ея челу. «Избранная моей души! Никогда не подамъ я руки своей другой женщинѣ. Прости! прости!»

Я снялъ съ руки кольцо, надѣлъ его Ларѣ на палецъ, поднялъ глаза къ невидимому Богу на небесахъ. Трепетъ ужаса пробѣжалъ по всему моему тѣлу: мнѣ казалось, что мертвая крѣпко жала мою руку своими руками — это былъ обманъ. Я устремилъ на нее глаза: губы ея шевелились; все вокругъ меня дышало жизнію. Волосы становились у меня дыбомъ на головѣ. Страхъ, смертельный страхъ отнималъ у меня способность дѣйствовать руками или ногами: я не могъ тронуться съ мѣста. «Мнѣ

холодно,» послышалось за мною. Лара! Лара! воскликнулъ я — и все передо мною покрылось мракомъ. Но вдругъ раздались мягкіе, сладостные звуки, будто звуки органа. Кто-то повелъ рукою по челу моему. Въ глаза мои проникъ лучь свѣта. Все стало такъ ясно, такъ свѣтло.

«Антоніо!» сказала въ-полголоса Роза — и я увидѣлъ ее передъ собою. На столѣ горѣла лампа, у изголовья моего стояла на колѣнахъ дѣвушка; она плакала. Я узналъ ее — и увидѣлъ передъ собою дѣйствительность. Волненіе мое было слѣдствіемъ сильной горячки.

«Лара! Лара!» воскликнулъ я. Дѣвушка стояла, закрывъ лице руками. Что я сказалъ въ бреду горячки? Видѣніе, которое я описалъ, живо хранилось въ моей памяти. Во взорѣ Маріи я прочиталъ, что она слышала признаніе моего сердца.

«Горячка прошла!» сказала шепотомъ Роза.
«Да, и мнѣ такъ хорошо, такъ легко!» сказалъ я и посмотрѣлъ на Марію. Она встала и хотѣла уйти. «Не оставляйте меня,» сказалъ я, простирая за нею руки — и она осталась. Румянецъ зардѣлся на ея щекахъ. Она молчала. «Мнѣ грезилось, что вы умерли,» сказалъ я.

«Вы были въ бреду,» поспѣшно замѣтила Ро-

за, подавая мнѣ лекарство, которое было проп
сано лекаремъ.

«Лара! Марія! послушайте меня!» воскликну
я. «Это не бредъ горячки и не сонъ! Я чувству
что жизнь опять встрепенулась въ крови моей. Ил
развѣ, вся моя жизнь причудливый сонъ? Мы в
дѣли другъ друга уже прежде. Вы однажды сл
шали мой голосъ близъ Пэстума, близъ Капри. В
знаете его. Лара, жизнь такъ коротка! Почему б
намъ не подать другъ другу руки и не прой
вмѣстѣ краткій путь этотъ!» Я протянулъ къ н
руку—и она прижала ее къ губамъ своимъ. «Я л
блю—и всегда любилъ тебя,» сказалъ я. Она мо
ча стояла передо мною на колѣнахъ.

«Любовь,» говоритъ миѳъ, «разсѣяла хаосъ
создала міръ.» Каждое любящее сердце способ
къ такому же творчеству. Во взорахъ Маріи я п
черпалъ жизнь и здоровье. Она любила меня. П
шло нѣсколько дней—и мы вдвоемъ съ нею стоя
въ маленькомъ домѣ, гдѣ померанцевое дерево б
гоухало съ балкона. Здѣсь она для меня пѣла. Т
перь я услышалъ признаніе ея непорочнаго се
ца еще болѣе въ нѣжныхъ и одушевленныхъ з
кахъ. Я не ошибся: Лара и Марія были одно
то же.

«Я всегда любила тебя,» сказала она; «ты в

лилъ въ мою душу скорбь и желаніе, когда я, лишенная зрѣнія и въ одиночествѣ съ моими мечтами, имѣла понятіе только о благоуханіи фіалокъ и о тепломъ солнцѣ. Какъ лучи его, жегъ твой поцѣлуй мое чело, мое сердце. Для слѣпаго существуетъ только міръ духовъ — и въ немъ я тебя видѣла. Въ ночь, послѣ того, какъ я слышала твою импровизацію въ храмѣ Нептуна въ Пэстумѣ, мнѣ приснился странный сонъ, который слился съ дѣйствительностью. Какая-то Цыганка предсказала, что мнѣ будетъ возвращено зрѣніе. Она явилась мнѣ во снѣ и потребовала, чтобы я съ воспитателемъ моимъ Анджело переправилась черезъ море къ Капри. Въ заколдованной пещерѣ, увѣряла она, глаза мои откроются для свѣта. Ангелъ жизни подастъ мнѣ травы. Какъ Товій, я опять увижу міръ Божій. Этотъ сонъ приснился мнѣ два раза въ одну и ту же ночь. Я рсказала его Анджело; но онъ въ отвѣтъ только показалъ головой. На слѣдующее утро ему приснилось то же самое. Тутъ онъ сказалъ: «слава могуществу Мадонны! самыя нечистыя силы должны повиноваться ей.» Мы отправились. Парусъ былъ распущенъ — и шлюпка наша поплыла по морю. Прошелъ день, насталъ вечеръ, а потомъ ночь. Но я была въ мірѣ чудесъ — и слышала, какъ Ангелъ жизни назвалъ меня по имени, и голосъ его походилъ на твой голосъ. Онъ далъ мнѣ травъ, далъ мнѣ золота—большія сокровища, собранныя въ разныхъ странахъ міра. Мы сварили травы; но глаза

мои не открывались для свѣта. Тутъ братъ Розы пріѣхалъ въ Пэстумъ. Онъ посѣтилъ нашу хижину, гдѣ я лежала, и былъ тронутъ моимъ желаніемъ видѣть прекрасный міръ Божій. Онъ обѣщалъ возвратить глазамъ моимъ зрѣніе, взялъ меня съ собою въ Неаполь—и я увидѣла всѣ чудныя прелести жизни. Онъ и Роза полюбили меня. Они открыли передо мною другой, прекраснѣйшій міръ—міръ духовный. Я осталась у нихъ. Они назвали меня Маріей по любимой сестрѣ своей, которая умерла въ Греціи. Однажды Анджело привезъ мнѣ драгоцѣнныя тѣ сокровища. Онъ сказалъ, что они принадлежатъ мнѣ, что онъ чувствуетъ приближеніе смерти—и собралъ послѣднія силы, чтобы доставить мнѣ мою собственность. Это были послѣднія слова умирающаго. Я была свидѣтельницею его смерти. Единственный мой покровитель въ моей бѣдности уснулъ навѣки. Разъ вечеромъ братъ Розы съ непривычною важностью сталъ распрашивать меня о моемъ старомъ воспитателѣ и о богатствахъ его. Я знала только то, что онъ сказалъ мнѣ — именно, что ему далъ ихъ духъ въ лучезарной пещерѣ. Я знала, что мы всегда жили въ бѣдности, и что Анджело не могъ быть разбойникомъ. Онъ былъ такъ благочестивъ—и раздѣлялъ со мною всякое, даже самое незначительное подаяніе.»

Тутъ я расказалъ ей, какимъ страннымъ образомъ судьба ея переплелась съ моею, и какъ я ви-

дѣлъ ее съ старымъ ея воспитателемъ въ лучезарной пещерѣ. Я не хотѣлъ сказать, что старикъ самъ взялъ вазу съ золотомъ; я только сказалъ, что я подалъ ей травы.

«Но,» возразила она, «вѣдь духъ скрылся подъ землею, подавъ мнѣ травы; такъ, по крайней мѣрѣ, сказалъ мнѣ Анджело.»

«Это только такъ показалось ему. Я изнемогалъ отъ усталости—и, не будучи въ состояніи держаться на ногахъ, упалъ на колѣна и наконецъ полумертвый легъ въ зеленыхъ кустахъ.»

Чудный лучезарный міръ, въ которомъ мы видѣлись, составляетъ таинственный, неразрывный узелъ между сверхъ-естественнымъ и дѣйствительностью.

«Любовь наша—міръ духовный,» сказалъ я; «въ міръ духовъ вознеслись всѣ милые нашему сердцу. Въ немъ и мы сами движемся въ земной жизни нашей. Почему же не вѣрить въ него, когда въ немъ-то и заключается всякая дѣйствительность?» И я прижалъ Лару къ сердцу. Она была прекрасна, какъ въ первый разъ, когда я увидѣлъ ее.

«Я узнала тебя по голосу въ первый разъ, когда услышала твою импровизацію въ Венеціи,» сказала она. «Сердце влекло меня къ тебѣ—и я думаю, что

я бы упала передъ тобою на колѣна. Потомъ я увидѣла тебя здѣсь, въ нашемъ домѣ. Съ каждымъ днемъ цѣнила я тебя все выше—и нити жизни нашей во второй разъ переплелись, когда Анунціата благословила меня, какъ твою невѣсту. Но ты отвергъ меня и сказалъ, что ты уже болѣе не можешь любить, что ты никогда не подашь руки женщинѣ. Ты никогда не вспоминалъ Лару, Пэстумъ, или Капри, говоря о странныхъ приключеніяхъ и событіяхъ твоей жизни. Я думала, что ты не любишь меня; что ты забылъ нашу встрѣчу, какъ обыкновенно забываютъ то, къ чему равнодушно сердце.»

Я напечатлѣлъ примирительный поцѣлуй на ея рукѣ и расказалъ, какъ взоры ея связывали мнѣ языкъ. Только, когда тѣло мое было сковано смертью, когда душа носилась въ мірѣ духо̀въ, съ которымъ любовь наша такимъ чудеснымъ образомъ была соединена, дерзнулъ я высказать мысль моего сердца.

Никто посторонній не зналъ о счастливой любви нашей. Она была извѣстна только Розѣ и Подестѣ. Мнѣ такъ хотѣлось подѣлиться моей радостью съ Поджіо. Во время моей болѣзни онъ посѣщалъ меня ежедневно. Когда я вышелъ на чистый воздухъ и опять увидѣлъ свѣтлое солнце—я прижалъ Поджіо къ сердцу: онъ показался мнѣ необыкновенно блѣденъ.

«Поджіо, приходите къ намъ сегодня вечеромъ!» сказалъ Подеста; «приходите непремѣнно! Вы найдете у насъ только Антоніо и еще троихъ друзей.»

Все было убрано по-праздничному.

«Ужъ не именины ли у васъ справляются?» сказалъ Поджіо. Подеста повелъ его вмѣстѣ съ другими гостями въ капеллу, гдѣ Лара подала мнѣ руку. Она воткнула букетъ синихъ фіалокъ въ темные свои волосы. Слѣпая дѣвушка изъ Пэстума теперь стояла передо мною зрящая еще вдвое прекраснѣе. Она была моею.

Всѣ поздравляли насъ. Веселость разыгралась въ гостяхъ. Поджіо пѣлъ забавныя пѣсни и пилъ одно здоровье за другимъ.

«Я проигралъ закладъ,» сказалъ я, «но тѣмъ лучше для меня: за то я выигралъ счастіе—и я поцѣловалъ Лару въ губы.

Какъ громкая музыка, шумѣла радость присутствующихъ. Моя радость и радость Лары была безмолвна какъ ночь, которая окружила насъ, когда всѣ удалились.

Я чувствовалъ, что жизнь не сонъ. «Счастье любви—дѣйствительность!» воскликнулъ я въ упоеніи. Сердце обратилось къ сердцу—и мысль испа-

рилась въ блаженствѣ, которое одинъ Богъ може
вселить въ человѣка.

Черезъ два дня мы и вмѣстѣ съ нами Ро
оставили Венецію. Мы поѣхали въ помѣстье, к
пленное на деньги Лары. Съ самаго вечера свад
бы я не видѣлъ Поджіо. Наконецъ отъ него яв
лось письмо слѣдующаго содержанія:

«Я выигралъ закладъ, но проигралъ все.»

Онъ исчезъ изъ Венеціи. Со-временемъ м
предположенія перешли въ достовѣрность: онъ л
билъ Лару. Бѣдный Поджіо! На устахъ твоихъ ра
давались пѣсни радости, между-тѣмъ, какъ въ сер
цѣ твоемъ таилась мысль о смерти.

Лара понравилась Франческѣ, которая такж
нашла, что я очень перемѣнился въ свою польз
Она, Принцъ и Фабіани, всѣ одобряли мой выбор
Даже лице Габбасъ-Дады озарилось улыбкою, ког
онъ меня поздравлялъ.

Изъ старыхъ знакомыхъ живъ еще дядя Пе
по, который по-прежнему сидитъ на «Испанск
лѣстницѣ». Онъ, вѣроятно, еще много лѣтъ буде
сидѣть тамъ и повторять свой «bon giorno.»

6-го Марта 1834 года, множество путешественниковъ собралось въ гостинницѣ у Пагани, на островѣ Капри. Вниманіе всѣхъ присутствующихъ было обращено на молодую Калабрійскую женщину поразительной красоты. Прекрасные черные глаза ея покоились на мужѣ, которому она подавала руку. Это были Лара и я. Мы уже три года наслаждались супружескимъ счастіемъ—и теперь, на пути въ Венецію, вздумали посѣтить островъ Капри, откуда чудное событіе нашей жизни вело свое начало, и гдѣ оно должно было объясниться. Въ одномъ углу комнаты стояла пожилая дама съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Незнакомый господинъ, довольно высокаго роста и нѣсколько блѣдный, съ рѣзкими чертами лица и въ синемъ фракѣ, подошелъ къ ребенку и сталъ играть съ нимъ, восхищаясь его красотою. Онъ говорилъ по-Французски; но малюткѣ онъ сказалъ нѣсколько Итальянскихъ словъ, и до того любезничалъ съ нею, что наконецъ она протянула ему ротикъ. Онъ спросилъ ея имя, и старушка, которая была — моя любезная Роза, отвѣчала, что ее зовутъ: «Анунціатой.» «Какое прелестное имя!» сказалъ онъ и поцѣловалъ малютку: это была моя дочь, дочь Лары. Я подошелъ къ нему. Онъ былъ родомъ Датчанинъ. Тутъ же былъ другой господинъ, его соотечественникъ. Послѣдній былъ человѣкъ невысокаго роста, съ важною наружностью и умнымъ взглядомъ. Фракъ на немъ былъ бѣлый. Я поклонился этимъ господамъ: вѣдь óни

были соотечественники Федериго и великаго Торвальдсена. Я узналъ отъ нихъ, что первый воротился въ Данію, а послѣдній находился въ Римѣ. Онъ по-настоящему вѣдь и принадлежитъ Италіи, а не холодному, мрачному сѣверу.

Мы сошли на берегъ и сѣли въ маленькія лодки, устроенныя для перевоза путешественниковъ на противоположную сторону острова. Въ каждой лодкѣ помѣщались, кромѣ гребца, два человѣка, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ на кормѣ, а другой на носу.

Я смотрѣлъ на свѣтлую воду подъ нами. Воздушная прозрачность ея пробудила во мнѣ живыя воспоминанія. Гребецъ искусно дѣйствовалъ весломъ — и лодка, въ которой я сидѣлъ съ Ларой, быстро неслась впередъ. Мы далеко опередили всѣхъ прочихъ путешественниковъ. Скоро у насъ исчезла изъ глазъ амфитеатральная сторона Капри, гдѣ зеленыя виноградныя поля и померанцевыя деревья покрываютъ скалы. Высокія каменныя стѣны отвѣсно подымались къ небесамъ. Вода была синяя, какъ горящая сѣра, и синія волны ударялись о скалу надъ багровыми морскими яблоками, растущими у ея основанія. Мы уже были на противоположной сторонѣ острова, и видѣли передъ собою стремнину, гдѣ надъ самою поверхностью воды показалось отверс-

тіе, но такое узкое, что лодкѣ нашей, казалось, никакъ не проѣхать черезъ него.

«Заколдованная пещера!» воскликнулъ я — и воспоминаніе о томъ, что тамъ случилось со мною, оживилось въ моей душѣ.

«Точно!» сказалъ гребецъ; «такъ называютъ по старой памяти это мѣсто, хотя теперь и знаютъ, что оно вовсе не заколдованное. Тутъ онъ расказалъ намъ, какъ два Нѣмецкіе живописца, Фрисъ и Кубицъ, три года тому назадъ, рѣшились отправиться туда—и такимъ образомъ открыли чудеса, которыми теперь любуются всѣ путешественники. Мы приблизились къ отверстію, которое едва на локоть возвышалось надъ синимъ, свѣтящимся моремъ. Гребецъ положилъ свои весла въ лодку; мы наклонились—и онъ началъ править руками. Мы погрузились въ черную бездну подъ исполинской скалою, которую омываетъ необъятное Средиземное море. Я слышалъ, какъ у Лары спиралось дыханіе. И въ самомъ дѣлѣ мрачное мѣсто это наводило невольный страхъ на душу. Но непріятное положеніе наше продолжалось не долѣе минуты. Мы очутились посреди обширной высокой храмины, гдѣ все свѣтилось какъ эѳиръ. Вода подъ нами походила на синее горящее пламя, которымъ освѣщалось все пространство, насъ окружающее. По сторонамъ все было закрыто. Но подъ водою маленькое отверс-

тіе, черезъ которое мы проѣхали, продолжалось еще на сорокъ саженей, и увеличивалось тамъ на такое же разстояніе въ ширину. Яркій свѣтъ солнца черезъ отверстіе проникалъ на дно пещеры и струился сквозь синюю воду, подобно огню, превращая ее какъ бы въ горящій спиртъ. Блескъ его вездѣ отражался. Сводъ скалы, наша лодка, казалось, были проникнуты имъ и переходили въ эѳиръ. Брызги воды, сыпавшіеся при каждомъ ударѣ веселъ, представлялись алыми, какъ свѣжіе листья розы. Это былъ какой-то волшебный міръ, чудное царство духовъ. Лара сложила руки. Мысли ея встрѣтились съ моими. Здѣсь мы нѣкогда были; здѣсь морской разбойникъ скрывалъ свои сокровища, когда еще никто не смѣлъ приближаться къ этому мѣсту. Такимъ образомъ все сверхъ-естественное въ этомъ явленіи превратилось въ дѣйствительность, или, лучше сказать, дѣйствительность перешла въ міръ духовный — какъ и не можетъ быть иначе здѣсь, въ земной жизни, гдѣ все, отъ сѣмени цвѣтка до безсмертной души нашей, есть чудо, хотя человѣкъ и не признаетъ этаго.

Маленькое отверстіе сіяло, какъ свѣтлая звѣзда. Но скоро оно померкло. И вотъ на водѣ появились, будто всплывшія изъ морской глубины, лодки съ другими путешественниками. Они приблизились къ намъ. Все превратилось въ молитву и благоговѣй-

ное созерцаніе. Протестантъ и католикъ равно чувствовали здѣсь. что въ мірѣ есть чудеса.

«Вода прибываетъ,» сказалъ одинъ изъ гребцевъ; «намъ надобно спѣшить отсюда, а не то — отверстіе закроется, и тогда мы принуждены будемъ оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока вода опять не начнетъ убывать.»

Мы оставили чудную лучезарную пещеру; передъ нами разстилалось широкое, открытое море, а за нами было черное отверстіе въ grotta azzurra.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

Животный Месмеризмъ. Сочиненіе *Князя Алексѣя Долгорукаго.* Въ 8; XV и 124. Спб.

Сочиненіе раздѣлено на осмнадцать главъ. Самыя замѣчательныя изъ нихъ первыя двѣ: одна содержитъ въ себѣ біографію Месмера, открывшаго животный магнетизмъ; другая — сущность и свойства этаго удивительнаго явленія. Прочія главы посвящены объясненію разныхъ способовъ, которыми магнетизеры дѣйствуютъ на паціентовъ. Можно признавать и отвергать силу животнаго магнетизма; но нельзя безъ удовольствія и пользы человѣку любознательному слѣдовать вниманіемъ за фактами, которыхъ такое множество приводитъ авторъ въ своей книгѣ. Естественно, что въ подобномъ сочиненіи должны явиться расказы, которые подадутъ поводъ къ забавнымъ замѣчаніямъ критиковъ, тѣмъ болѣе, что сочинитель (какъ и самъ чистосер-

дечно сознается) не искусный литераторъ, а изданіе книги, сверхъ того, переполнено типографическими, ортографическими и даже синтаксическими ошибками. Надобно сказать правду, что книгѣ пристойнѣе было бы явиться безъ нихъ — да и средство къ тому не трудное: стоило бы только поручить печатаніе человѣку, знающему это дѣло. Но мы смотримъ на предметъ охотнѣе съ той стороны, которая въ немъ достойна вниманія. На Русскомъ языкѣ такъ мало издано сочиненій по части Месмеризма, что нечѣмъ и замѣнить даже неисправнаго.

72. Извлеченіе изъ пятаго Отчета, всеподданнѣйше представленнаго Его Императорскому Величеству отъ *Комитета, учрежденнаго въ Москвѣ для призрѣнія и разбора просящихъ милостыни*, о дѣйствіяхъ его въ 1843 году. Въ 8; 37 стран. Моск.

По части нравственно-гражданской Статистики содержитъ важные выводы этотъ Отчетъ. Въ немъ изложены слѣдующіе предметы: 1. количество нищихъ, 2. званіе ихъ, 3. происхожденіе по мѣсту родины или постояннаго жительства, 4. лѣта ихъ, 5. состояніе здоровья, 6. распредѣленіе нищихъ, 7. занятіе ихъ, 8. приходъ и расходъ суммъ Комитета и зависящаго отъ онаго Работнаго Дома, и 9. новыя пожертвованія въ пользу сихъ учрежденій. Утѣшительнѣе всего то убѣжденіе, что, по мѣрѣ по-

печительности Комитета, ежегодно уменьшается въ Москвѣ число просящихъ милостыни: въ 1843 году ихъ было вдвое менѣе, нежели въ 1842, и почти втрое менѣе сравнительно съ 1841 годомъ.

73. Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. *Томъ* I. *Тетрадь* I. *Новгородская губернія*. Въ б. 8; 147 стран. Спб.

Сочинитель *Описанія Петербурга* г. Пушкаревъ и сотрудникъ его по новому предпріятію г. Гедеоновъ составили планъ обширнаго труда, который, по ихъ предварительному расчисленію, долженъ будетъ представить публикѣ осьмнадцать томовъ *Описанія Россіи*. Дѣло серьёзное, важное и при надлежащемъ исполненіи чрезвычайно полезное. По нашему убѣжденію, для совершенія подобнаго труда необходимы долголѣтнія, многосложныя, добросовѣстныя ученыя приготовленія. Безъ наличныхъ, свѣренныхъ и уравновѣшенныхъ матеріаловъ непремѣнно и съ этою книгою то же послѣдуетъ, что еще не такъ давно произошло съ Русскимъ Энциклопедическимъ Лексикономъ, т. е. непропорціональныя, разнохарактерныя и часто противорѣчащія одна другой части остановятъ движеніе цѣлаго. Мы полагаемъ, что, вмѣсто выпусковъ или тетрадей, *Описаніе Россіи* должно бы явиться вдругъ полное. Оно составило бы для потомства драго-

цѣнную картину опредѣленной эпохи. Теперь же между первыми и послѣдними выпусками этаго долголѣтняго труда исчезнетъ самое единство времени, не только содержанія и красокъ. Самое же невыгодное впечатлѣніе на читателя производитъ въ первой тетради *Описанія России* отсутствіе всякой критики матеріаловъ. Исторія не отдѣлена въ нихъ отъ преданій; оффиціальныя данныя наравнѣ поставлены съ показаніями частными; показанія точныя, повѣренныя на самыхъ мѣстахъ, сведены въ одинъ разрядъ съ расказами компиляторовъ, которыхъ нигдѣ столько нѣтъ, какъ въ области исторіи, географіи и статистики. Издатели *Описанія Россіи* безъ сомнѣнія замѣтили это и сами, по крайней мѣрѣ по цифрамъ, выставленнымъ у нихъ для опредѣленія числа жителей въ Новгородской губерніи и пространства земли, ими занимаемой.

74. *Правила высшаго краснорѣчія.* Сочиненіе *Михаила Сперанскаго.* Въ 12; IV, 216, и 8 стран. Спб.

Вотъ книга, за пятдесятъ лѣтъ сочиненная до появленія своего въ печати. Явленіе любопытное для литературы, когда представимъ себѣ, кто былъ ея сочинитель, и какія идеи преобладали въ концѣ прошедшаго столѣтія касательно изящныхъ искуствъ. Автору тогда было не болѣе двад-

цати двухъ лѣтъ. Онъ преподавалъ свои лекціи Словесности въ томъ же духовномъ училищѣ, въ которомъ самъ только-что кончилъ курсъ наукъ. Въ сферѣ его мыслей и соображеній все должно было согласоваться съ назначеніемъ слушателей его. Совершенство или красота изящнаго произведенія, по всеобщей тогдашней теоріи, достигалась такъ называвшимся идеаломъ, образомъ, болѣе произвольнымъ, нежели постигнутымъ въ созданіяхъ природы, образомъ безхарактернымъ и безцвѣтнымъ, потому-что онъ былъ общимъ типомъ красоты, сочиненнымъ, отвлеченнымъ и не утвержденнымъ на истинѣ времени и мѣста, красокъ и жизни. Столько было непреодолимыхъ, по-видимому, препятствій, чтобы сочинитель не перешелъ за черту формальности и ограничился общими мѣстами въ своей теоріи. Но въ геніальномъ авторѣ, по тайному инстинкту, мелькала уже лучшая идея искуства. Безъ яснаго и опредѣленнаго образа, онъ предчувствовалъ прекрасное, заключенное въ сердцѣ человѣка и отвѣчающей ему природѣ. Такимъ образомъ безсознательно, но всегда вѣрно, указывалъ онъ на глубину души, на движенія сердца, на дѣятельность духа какъ на лучшіе источники краснорѣчія. Онъ только не могъ оторваться отъ древне-классическаго настроенія духа и явленій древней гражданственности, несогласной съ современною. Вникая въ сущность его ученія, чувствуешь, что оно выведено изъ его личнаго убѣжде-

нія — и въ тоже время облечено въ чужія формы и устремлено къ потерявшейся цѣли. Можетъ быть, нигдѣ такъ не выразился истинный образъ мышленія автора, какъ въ этомъ юношескомъ его трудѣ — и потому нельзя не признать книги его самымъ замѣчательнымъ дополненіемъ къ характеристикѣ ея сочинителя.

75. Каталогъ книгъ, составляющихъ *библіотеку Главнаго Педагогическаго Института* 1829—1843. Въ 8; 128 стран. Спб.

Изумительны пособія, назначаемыя Правительствомъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ нашимъ для процвѣтанія всѣхъ, преподаваемыхъ въ нихъ, частей. Не прошло еще пятнадцати лѣтъ, какъ основанъ Главный Педагогическій Институтъ: между-тѣмъ его библіотека уже содержитъ въ себѣ такое количество книгъ, что на осьми печатныхъ листахъ въ два столбца, при мелкомъ шрифтѣ, едва умѣстились ихъ названія. Для каждой каѳедры, со всѣми подраздѣленіями предметовъ, собрано здѣсь и выписано изъ-за границы все, что только извѣстно лучшаго. Мы съ гордостію можемъ сказать, что нигдѣ нѣтъ такой изумительной роскоши на ученыя пособія, какъ у насъ въ Россіи, а особенно въ С. Петербургѣ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, довольно подойти къ площади между зданіями Академіи Наукъ и Университета. На нее выходятъ три

высшія изъ ученыхъ нашихъ учрежденій; они примыкаютъ одно къ другому — и каждое снабжено особою библіотекою, химическою лабораторіею, кабинетами: физическимъ, минералогическимъ, ботаническимъ, зоологическимъ и множествомъ другихъ принадлежностей.

76. *56 стихотвореній Н. М. Языкова.* Въ 12; 94 стран. Моск.

За девять лѣтъ передъ симъ издано было собраніе стихотвореній Н. М. Языкова. Нѣтъ надобности возобновлять расказъ, съ какимъ тогда восторгомъ, общимъ и полнымъ, приняты были первенцы музы юной, живой, ясной и плѣнительной. Всѣ чувствовали, что въ этой поэзіи выразился самобытный, твердый талантъ со всѣми художническими принадлежностями: энергіею, красками и вдохновеніемъ. Поэтъ былъ еще только юноша; но свѣтлый и богатый твердыми истинами умъ его такъ же изумительно рѣшилъ глубокіе вопросы жизни, какъ полное веселости сердце его живо играло при видѣ легкихъ наслажденій. Отъ художниковъ, во всѣхъ искуствахъ, съ благодарностію и любовію принимаютъ созданія, ознаменованныя волей и силой вдохновенія, чѣмъ бы оно ни выразилось. Жаръ его есть очистительное пламя, изъ котораго все выходитъ истинно-прекраснымъ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ его присутствія, никакими усиліями соображенія и искуства не соз-

дашь ничего, питающаго и обогащающаго душу. Вотъ почему Языковъ, слегка только прикоснувшійся къ струнамъ вдохновенной лиры своей, увлекъ за собою всѣхъ, тогда-какъ много серьёзныхъ стихотворцевъ, и прежде и послѣ него, прошли никѣмъ не замѣченные. Обстоятельства жизни отвлекли нашего поэта отъ сладкихъ раннихъ его трудовъ. Изрѣдка только являлись въ журналахъ его новыя пьесы. Теперь онѣ собраны. Къ нимъ прибавлено нѣсколько изъ прежнихъ. Не зная личныхъ побужденій автора, на чемъ онъ основалъ такаго рода особенное изданіе, мы тѣмъ не менѣе радуемся, что прибавилась еще книжка къ разряду *немногихъ*, украшающихъ библіотеку любителей вдохновенной поэзіи.

77. Гаммы. *Стихотворенія Я. П Полонскаго.* Въ 12; 63 стр. Моск.

Скромное названіе, придуманное стихотворцемъ для первыхъ опытовъ его таланта, вполнѣ выражаетъ нынѣшній характеръ стихотвореній его. Если онъ любитъ искуство для искуства, если совершенствованіе поэтическихъ понятій и выраженія ихъ составляетъ непобѣдимую потребность его; то онъ пойметъ, вѣроятно даже понимаетъ и теперь, на что ему остается обратить преимущественно вниманіе. Онъ проникнутъ еще только поэтическими звуками. Предшествовавшіе ему великіе таланты оба-

яли слухъ его. Отъ зародыша самой неопредѣленной мысли онъ обращается въ эолову арфу и расточаетъ мелодическіе стихи, которые наконецъ истощаются, не представивъ собою ни полнаго образа, ни оконченной картины, ни замкнутой мысли. Дѣйствительно, лучшее названіе для такихъ опытовъ: *Гаммы.* Въ стремленіи къ новымъ созданіямъ поэтъ больше всего долженъ помнить о немощи нынѣшней эпохи—довольствоваться кудреватыми, пышными (хоть и безтолковыми) фразами вмѣсто идей, сознаваемыхъ собственною душою и ясныхъ для каждаго изъ постороннихъ. Геніальные поэты, тѣ, которые сохранили цѣну свою посреди всѣхъ превратностей вкуса и теорій, ни одпаго стиха не бросали на авось и ни одной пьесы не представляли публикѣ, не храня въ душѣ убѣжденія, что новое созданіе вполнѣ выражаетъ ихъ опредѣленную мысль. Ежели въ «Гаммахъ» частехонько попадаются высокопарные, но никакой точной мысли не заключащіе стихи въ родѣ слѣдующихъ:

«Пускай разрушенъ прежній храмъ,
О чемъ жалѣть, когда построенъ
Другой — не на холмѣ гробовъ,
Не изъ разбросанныхъ обломковъ
Той ветхой хижины отцовъ,
Гдѣ стало тѣсно для потомковъ?»

(Демонъ)

то сочинитель конечно понимаетъ, что это просто слѣдствіе чтенія безсмысленныхъ статей, а не сочувствіе съ Байрономъ, или Пушкинымъ. Особенно странно въ общемъ составѣ «Гаммъ» какое-то безотчетное желаніе безъ оглядки бѣжать все вдаль— и тѣмъ менѣе заслуживающее одобренія, что оно нигдѣ не выражено стихами ясными, а все запутанно-загадочными, на прим.

«Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ,
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что было и прошло,
О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
Чего мы воротить не въ силахъ.
. . . .
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна,
Иди впередъ и *невозвратно.*»

Мы увѣрены, что авторъ самъ, сравнивъ впечатлѣнія, остающіяся отъ чтенія его пьесъ, съ впечатлѣніями, оставляемыми въ душѣ лучшими нашими поэтами, соберетъ свои легкіе и живые звуки въ созданіяхъ, полныхъ истины, ясности и жизни.

78. Русская слава. *Стихотворенія Виссаріона Бѣлопашенцова.* Въ 16; 94 стран. Моск.

Никто такъ сильно, какъ г. Бѣлопашенцовъ, не

опровергъ мнѣнія людей, безсознательно разглагольствующихъ о поэзіи, будто для ея совершенства и *современнаго* достоинства только и достаточно *современнаго направленія идей.* Съ намѣреніемъ или по инстинкту, неизвѣстно, онъ облекъ въ свою поэзію интереснѣйшіе сюжеты, какіе только могутъ воспламенить Русскаго поэта съ современнымъ (т. е. Историческимъ) настроеніемъ духа. Его патріотически-воспламенившемуся воображенію предстали: Суворовъ и Наполеонъ, Кутузовъ, Новгородъ, Герой Новгорода, Русскій громъ, Русскій булатъ, Памятникъ, Бородинская годовщина, Воспоминанія о Бородинской битвѣ, Пѣсня на выступленіе съ полей Бородинскихъ, Бородинская грусть, и проч. т. п. Это ужъ не то, что Заря, Луна, Дѣва, Чаша, Поцѣлуй и другіе мелкіе предметы, такъ часто встрѣчающіеся у Гете, Жуковскаго, Шиллера, Пушкина, Ан. Шенье, Баратынскаго, Байрона, Языкова и подобныхъ имъ. Чѣмъ же кончилась трескотня высокихъ сюжетовъ при отсутствіи таланта и вдохновенія? Тѣмъ, что ни серьёзными идеями (содержаніемъ — основою всего), ни современностію (соприкосновеніемъ къ настоящему поколѣнію), ни значительностію занятія, соотвѣтствующею XIX (не юношескому) вѣку, никто, вѣроятно даже и самъ г. Бѣлопашенцовъ и его вдохновитель-критикъ, никто не плѣнился — и книжка заброшена, Богъ знаетъ, куда, вмѣстѣ съ высокопарными разглагольствіями о сущности поэзіи.

79. *Кальдеронъ.* Трагедія въ трехъ актахъ и шести картинахъ. Соч. *Ильина.* Въ 12; 120 стран. Моск.

80. *Любовь къ отечеству и коварство друга.* Драматическая фантазія въ двухъ отдѣленіяхъ и пяти актахъ. Соч. *Павла Шкорбатова.* Въ 8; 218 стран. Моск.

Содержаніе, направленіе, исполненіе и самая судьба по напечатаніи обѣихъ пьесъ одинаковы съ книжкою, разсмотрѣнною подъ № 78.

81. *Утро послѣ бала Фамусова,* или все старые знакомцы. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Въ 16; 104 стран. Моск.

Въ видѣ пятаго акта комедіи Грибоѣдова: *Горе отъ ума,* неизвѣстный сочинитель издалъ свою комедію-шутку — и очень удачно выдержалъ ее. Своею шуткою онъ многихъ заставитъ задуматься. Если бы, на прим., кому-нибудь вздумалось прибавить Главу къ *Онѣгину,* или даже маленькой расказъ къ *Нулину,* и шутка оказалась бы до такой степени достойною предыдущаго, что вы не пожалѣли бы о судьбѣ пьесъ Пушкина и нисколько не разсердились бы на смѣльчака-автора; не выходитъ ли изъ этаго чего-нибудь въ родѣ слѣдующихъ заключеній: 1) или новый авторъ своимъ талантомъ не отсталъ

отъ стараго; 2) или, въ противномъ случаѣ, безусловно признанное нами за высшую красоту требуетъ пересмотра?

82. *Жена и дочь*, или два рода любви. Драматическая быль въ двухъ картинахъ. Соч. *Ильина*. Въ 16; 96 стран. Моск.

Пьеса безъ жизни, безъ красокъ и безъ всякаго интереса.

83. *Патріотическій маршъ*. Сочиненіе *Петра Машкова*. Слова на музыку стариннаго Преображенскаго марша. Въ 4; 1 стран. Спб.

Смотр. еще № 78.

84. Инстинктъ животныхъ, или *письма двухъ подругъ о натуральной исторіи и нькоторыхъ феноменахъ природы*. Сочиненіе *Надежды Мердеръ*. Четыре части. Въ 16; 330, 327, 462 и 413 стран. Спб.

Для внимательнаго наблюдателя всего печальнѣе судьба Русскаго языка. Его всѣ Русскіе любятъ; даже иностранцы превозносятъ его — и между-тѣмъ никто не считаетъ обязанностію узнать его правильно, понять его свойства, выучиться ему такъ, какъ выучиваются другимъ языкамъ, и овладѣть имъ для письменнаго употребленія по край-

ней мѣрѣ такъ, какъ всѣ пишутъ по-Французски, если ужъ когда-нибудь занимались Французскимъ языкомъ. Ежемѣсячно мы даемъ отчетъ о вновь выходящихъ Русскихъ книгахъ. Ихъ много, даже слишкомъ много. Но что главное поражаетъ въ этой безчисленности? Убѣжденіе, что грамотность на Руси явленіе рѣдкое. Сколько людей съ талантами! Сколько людей съ познаніями, людей образованныхъ, должностнымъ образомъ ученыхъ — а большая ихъ часть пишетъ какъ бы по-наслышкѣ, безотчетно, коё-какъ. Оправдываются тѣмъ, что нѣтъ еще твердыхъ правилъ для Русскаго языка. Это самая безсмысленная фраза. У насъ есть нѣсколько отличій, особенностей у нѣкоторыхъ журналистовъ и газетчиковъ въ правописаніи. Оно основано или на строгомъ словопроизводствѣ, или на выговорѣ, или вмѣстѣ на томъ и другомъ. Но правила словосочиненія, управленія и согласованія словъ такъ же у насъ ясны и непреложны, какъ и во всѣхъ языкахъ. Дѣло въ томъ, что нѣтъ у многихъ никакаго навыка и вмѣстѣ никакой заботливости хорошо писать по-Русски. Вотъ доказательство — книга, разсматриваемая нами. По своему содержанію и назначенію, она принадлежитъ къ полезнѣйшимъ предпріятіямъ. Но каково исполненіе? Въ каждой фразѣ попадаются оскорбительныя ошибки то противъ склоненій, то противъ спряженій, то противъ словосочиненія и правописанія. Здѣсь не то правописаніе, которое обдуманно от-

клоняется отъ принятаго другими, но правописаніе всѣхъ людей, никогда не думавшихъ объ этомъ предметѣ. Тутъ часто нарѣчія перемѣняютъ окончаніе свое по падежамъ; дѣепричастія относятся къ такимъ глаголамъ, которые по смыслу противорѣчатъ имъ; существительныя женскія склоняются по образцу мужескихъ; прилагательныя съ своими существительными поставлены въ разныхъ числахъ и родахъ; первая половина фразы не согнашена со второю. Уже ли для избѣжанія подобныхъ ошибокъ нѣтъ у насъ правилъ ни въ одной грамматикѣ?

85. *Дѣтскій кабинетъ для чтенія и игры.* Соч. *Д. Трегубова.* 27 книжек. Моск.

Это ничтожнѣе, нежели обыкновенныя игрушки, не возвеличенныя названіемъ книжекъ.

86. *Краткія выписки*, собранныя изъ лучшихъ Русскихъ писателей въ пользу юношества. Въ 8; 146 стран. Спб.

Выписки безъ разбора и безъ цѣли. Кто можетъ съ пользою читать, встрѣчая какъ образецъ на одной и той же страницѣ писателей, ни въ чемъ между собою не согласныхъ?

87. Дѣтская энциклопедическая панорама въ

двухъ частяхъ. *Часть первая содержитъ въ себѣ чтеніе, логико-практическіе взгляды, опыты и разсужденія для развитія понятій и умственныхъ способностей дѣтей 1-го и 2-го возраста.* Составилъ *Михаилъ Гуттъ.* Въ 4: 198 стран. Моск.

88. Атласъ, служащій частію руководствомъ къ методическому чтенію и изученію первой части дѣтской энциклопедической панорамы, составленія *Михаила Гутта. 24 чертежа съ присовокупленіемъ таблицъ и наставленій.* Въ 4. Моск.

Оба эти собранія логико-практическихъ взглядовъ, опытовъ, разсужденій, чертежей, таблицъ и наставленій подобны огромной пушкѣ, которую зарядили для того, чтобы убить муху. Самое простое дѣло здѣсь превращено въ такой многосложный трудъ, что, пока успѣешь обозрѣть и обнять его, разучишься и тому, что прежде умѣлъ дѣлать хорошо по внушенію простаго здраваго смысла. Никакими таблицами, никакими чертежами, никакими даже картинами не вложишь въ умъ безтолковому учителю таинствъ развитія способностей учащихся. Наставникъ же, не лишенный здраваго смысла и нѣкоторой способности къ наблюденіямъ, постигнетъ все дѣло, когда ему скажешь, что способности дѣтскія развиваются простотою, ясностію, постепенностію изложенія и частымъ возвращеніемъ отъ настоящаго къ предшествовавшему. Еще не по-

нимаемъ мы, на какомъ основаніи г. Гуттъ одними и тѣми же уроками развиваетъ умственныя способности дѣтей и 1-го возраста и 2-го?

89. *Новый карманный словарь Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго языковъ.* Часть I. Русскія слова, объясненныя по-Французски, по-Нѣмецки и по-Англійски. Составл. *Ф. Рейфомъ.* Въ 16; LXXX и 840 стран. Карлсруэ.

Всѣмъ извѣстно, какими достоинствами отличается изданный 1835 г. въ С. П. бургѣ Словарь г. Рейфа, въ которомъ Русскія слова объяснены по-Французски. Онъ до сихъ поръ остается настольною книгою у каждаго изъ насъ. Г. Рейфъ составилъ теперь планъ, чтобы, на основаніи прежняго своего труда, издать еще четыре словаря карманныхъ: въ одномъ (уже изданномъ) текстъ начинается по-Англійски, въ другомъ (разсматриваемомъ нами) по-Русски, изъ приготовляемыхъ въ первомъ будетъ онъ начинаться по-Нѣмецки, а въ послѣднемъ по-Французски. Все это составитъ лучшее пособіе для людей, читающихъ на всякомъ изъ четырехъ языковъ.

90. *Предварительный курсъ Французскаго языка для Русскихъ.* По новой методѣ, удобнѣйшей къ изученію языковъ. Уложенный *Леонардомъ Мочинскимъ.* Въ 8; VIII и 184 стран. Спб.

Смотр: № 84.

91. *Краткая Русская Грамматика*, составленная *И. П. и К. С.* Въ 8; 90 стран. Спб.

Ни въ сущности правилъ, ни въ методѣ науки ничего нѣтъ новаго — и-такъ книжка лишняя.

92. *Этимологическій Англійскій букварь*, содержащій въ себѣ наставленіе о произношеніи Англійскихъ буквъ, всѣ первообразныя односложныя слова съ происходящими отъ нихъ производными, и уроки для чтенія въ прозѣ и стихахъ, составленный *Яковомъ Гердомъ*. Въ 8; 172 стран. Спб.

Три обстоятельства сами собою говорятъ не въ пользу книжки: 1) если дѣйствительно это букварь, то въ немъ не можетъ быть этимологіи, которая составляетъ уже часть грамматики; 2) можно ли въ букварь внести всѣ односложныя (хотя бы и первообразныя только) Англійскія слова, когда наибольшая часть языка состоитъ изъ односложныхъ словъ? это не букварь уже, а цѣлый словарь; 3) выучить чистому Англійскому произношенію съ трудомъ можетъ и самъ учитель, безпрестанно поправляя ошибки учениковъ, а мертвая книга просто ничего въ этомъ не покажетъ. Зачѣмъ не ограничиваться въ учебникахъ избраннымъ главнымъ пред-

метомъ и вносить въ нихъ то, что по своей природѣ невмѣстимо?

93. *Рѣшеніе геометрическихъ вопросовъ гевристическимъ способомъ.* Старшаго учителя первой Московской гимназіи *П. Соколова.* Тетрадь *первая.* Въ 8; 50 стран. Моск.

Учебныхъ книгъ по каждой части Математики столько уже издано, что для новаго сочиненія въ этомъ родѣ надобно придумать что-нибудь очень полезное, чтобы не назвали его лишнимъ. Притомъ же каждая часть Математики всего менѣе удобна для изданія ея тетрадями или выпусками. Въ напечатанной г. Соколовымъ тетрадкѣ незамѣтно никакаго улучшенія. Гевристической его способъ введенъ давно во всѣ учебники, хотя и не названъ этимъ словомъ. Изложеніе истины постепенное, доводящее до главнаго вывода, такъ обыкновенно, не только въ Геометріи, но и во всякой наукѣ, что странно и говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, требующемъ новаго вниманія и новаго изученія.

94. Полный курсъ геологическихъ наукъ, преимущественно въ отношеніи къ Россіи. *Ориктогнозія* съ присовокупленіемъ употребленія минераловъ, составленная Академикомъ *Э. Эйхвальдомъ.* Въ 8; X и 377 стран. Спб.

Книга посвящена *«просвѣщенному покровителю геологическихъ наукъ въ Россіи* Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому.» Она составляетъ начало обширнаго и чрезвычайно важнаго труда. Вышедшій нынѣ курсъ Ориктогнозіи раздѣленъ на двѣ части: Общую Ориктогнозію и Частную. Авторъ, изложивъ исторію науки, ея литературу, важность и пользу, раздѣленіе и терминологію ея, въ первой части разсматриваетъ со всею полнотою и отчетливостію сперва математическіе признаки минераловъ, послѣ физическіе, а наконецъ химическіе. Вторая часть начинается систематологіею, гдѣ авторъ объясняетъ способы и причины раздѣленія минераловъ на классы, разряды и семейства. Въ этой статьѣ онъ кратко, но со всею ясностію, разсмотрѣлъ системы знаменитѣйшихъ геологовъ Франціи, Англіи, Германіи и другихъ просвѣщенныхъ земель Европы. Дошедши въ своемъ разборѣ до *Глоккера*, онъ говоритъ:» Наконецъ Глоккеръ предложилъ систему, въ которой онъ болѣе обращаетъ вниманіе на естественныя семейства, и такимъ образомъ весьма много содѣйствовалъ къ усовершенствованію ориктогностической систематики. По моему мнѣнію, это составляетъ единственное средство приблизиться со-временемъ къ искомой цѣли. Нѣкоторыя его семейства совершенно естественны; другія же не находятся, можетъ быть, еще на своемъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія отъ того, что мы не знаемъ еще суще-

ственности признаковъ ихъ, или взаимнаго ихъ сродства съ другими родами. Новое тщательное изслѣдованіе и то намъ скоро объяснитъ, а междутѣмъ я, при недостаткѣ собственныхъ наблюденій, предпочиталъ слѣдовать системѣ Глоккера, не сдѣлавъ почти никакихъ важныхъ перемѣнъ, исключая нѣкоторыя маловажныя въ главномъ раздѣленіи минераловъ. Я возвысилъ всѣ *семейства* этой системы въ *разряды*, и вмѣсто главнаго раздѣленія минераловъ на *пять* большихъ группъ, я принялъ *три* класса.» Далѣе до конца книги идетъ обозрѣніе, по вышеизложенной авторомъ системѣ, I. *Металловъ*, II. *Камней* (вмѣстѣ съ *Солями*) и III. *Горючихъ веществъ*. Читатели сами могутъ судить по этому, что значитъ трудъ г. Эйхвальда для науки. Съ какою искренностію говоритъ онъ о томъ, чего не достаетъ Ориктогнозіи, не смотря на успѣхи ея преобразователей, и съ какою откровенностію сознается, что ему не удалось повѣрить многаго собственными наблюденіями!

95. Руководство къ познанію теоретической-матеріальной *Философіи*. Сочиненіе *Александра Петровича Татаринова*. Въ 8; 40 стран. Спб.

Авторъ представляетъ не изложеніе всей науки, а одинъ ея конспектъ. Мы не понимаемъ, зачѣмъ употребилъ онъ при словѣ *Философіи* сложный эпитетъ: *теоретической-матеріальной*. Можетъ быть,

ему хотѣлось выразить мысль, что книга его обнимаетъ матерію и формальную часть Философіи. Система, имъ принятая для обозначенія предметовъ, составляющихъ то, что называется Философіею, не лишена логической строгости, послѣдовательности и полноты. Но, чтобы изданіе его пріобрѣло всю цѣну, онъ долженъ приготовить другое сочиненіе — развитіе тѣхъ предметовъ, на которые здѣсь онъ только указалъ.

96. *Руководство опытнаго помѣщика И. Пахирева*, и проч. Съ планами, фасадами и чертежами, и проч. Въ 8; 82 и XVI стран. Съ 24 листами чертежей. Спб.

Опытный помѣщикъ, какъ изъ скромности называетъ себя авторъ, не открываетъ читателю никакихъ новыхъ истинъ для хозяйства. Можетъ быть, онъ издалъ въ такомъ видѣ свои замѣчанія единственно по тому, что болѣе полезныя въ хозяйствѣ свѣдѣнія прочихъ помѣщиковъ (неопытныхъ) до него не дошли.

97. Практическое руководство къ *валяльно-войлочному производству*. Съ чертежами. Составилъ *Владиміръ Бурнашевъ*. Въ 12; 36 стран. Спб.

И здѣсь не больше хорошаго, какъ въ предыдущей книжкѣ. Для успѣха въ составленіи практиче-

скихъ руководствъ надобно прежде всего изучить ремесло и привести въ естественный порядокъ способъ производства его. Замѣчанія же въ отрывкахъ и безъ связи не называются руководствами ни практическими, ни теоретическими.

98. Практическое руководство къ *гребенному и роговому производствамъ.* Со многими чертежами. Составилъ *Владиміръ Бурнашевъ.* Въ 12; 57 стран. Спб.

Неутомимъ г. Бурнашевъ въ печатаніи практическихъ руководствъ ко всѣмъ ремесламъ. А добрые ремесленники еще неутомимѣе: они все работаютъ, не только не читавши, да и не слыхавъ о практическихъ для нихъ руководствахъ. Но мы увѣрены, что если бы вышла книга о ремеслахъ, написанная съ знаніемъ дѣла, приноровленная къ понятіямъ и самому языку простыхъ людей, облегчающая труды ихъ и особенно усиливающая ихъ выгоды, они бы узнали о ней и непремѣнно не только прочитали бы ее, да и воспользовались бы ею.

99. Мои записки. 1. *Новая Русская сказка* о Иванѣ купеческомъ сынѣ и о ларчикѣ съ труpубчиками, о котѣ мерлюкѣ и о собакѣ хортѣ, и проч. Въ 24; 48 стран. Спб.

Удивительно, какіе пустяки должны принимать на себя станки типографскіе.

II.

100. *Русскія достопамятности*, издаваемыя Обществомъ исторіи и древностей Русскихъ, учрежденнымъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. *Часть вторая.* Въ 8; 312 стран. Моск.

101. *Учебный курсъ словесности*, и проч., составленный *Василіемъ Плаксинымъ. Книга вторая.* Въ 8: 357 стран. Спб.

102. *Теорія словесности. Тетради II и III.* Въ 8; 88 — 45 и 94 — 150 стран. Моск.

103. *Стихотворенія В. Жуковскаго. Томъ девятый.* Въ 8; 263 стран. Спб.

104. *Стихотворенія М. Лермонтова. Часть IV.* Въ 12; 192 стран. Спб.

105. *Библіотека для воспитанія. Годъ второй.* Отд. I. Ч. I. Въ 12; 203 стран. Моск.

106. Вторая часть грамматики Русскаго языка. *Синтаксисъ.* Тетрадь V. Въ 8; 95 стран. Моск.

107. Народная медицина. *Отдѣлъ второй: Сохраненіе здоровья. Часть третья.* Соч. *Акима Чаруковскаго.* Въ 8; IV и 369 стран. Спб.

108. Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1844 годъ. *Треть первая.* Въ 8; 368 стран. Спб.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

9. *Очерки всеобщей исторіи* для дѣтей отъ де-
сяти до пятнадцати лѣтъ. Перевелъ съ Француз-
скаго *В. Модестовъ.* Въ 12; 342 и V стран. Спб.

Въ книгѣ, изданной для дѣтей отъ десяти до
пятнадцати лѣтъ, кратко изложено содержаніе исто-
ріи всѣхъ народовъ древнихъ, среднихъ и новыхъ
вѣковъ. Послѣ св. исторіи и объясненія предме-
товъ, входящихъ въ науку, что составляетъ какъ
бы введеніе въ исторію настоящую, первая часть
занята *лѣстницею народовъ* (выраженіе автора и пере-
водчика), во второй говорится о *мѣстопребываніи
народовъ*, въ третьей о *главныхъ измѣненіяхъ наро-
довъ* въ древней, средней и новой исторіи. Четвер-
тая часть книги названа: *краткій обзоръ*, гдѣ еще
разъ представляются всѣ три исторіи: древняя,
средняя, и новая; за ними идетъ хронологія досто-
памятнѣйшихъ событій. Въ пятой части помѣщенъ

историческій обзоръ съ прежнимъ раздѣленіемъ
три исторіи и еще съ новымъ обозначеніемъ *гл*
ныхъ и второстепенныхъ народовъ. Въ заключе
этой части приведена хронологическая перепи
всѣхъ монарховъ, царствовавшихъ въ Европѣ.
концѣ книги помѣщенъ хронологическій обзоръ с
бытій Русской исторіи. Все это разнообразное изл
женіе можно назвать особыми пріемами къ изучен
исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что оно полезно. Вопро
только въ томъ: не утомительна ли для дѣтей з
безпрерывно-повторяющаяся перепись годовъ, име
и проч.? Паралельно съ этою книгою мы желали б
видѣть извлеченіе интереснѣйшихъ расказовъ, хоть
нѣскольку, изъ исторіи каждаго народа. Оно дѣ
ствовало бы на возбужденіе любопытства и участ
въ дѣтскомъ сердцѣ, а изданная теперь книга служ
ла бы нитью въ устройствѣ порядка историческа

10. Женни, или *три цвѣточные рынка въ П*
рижѣ. Соч. *Польдекока*. Перев. съ Франц.
двухъ частяхъ. Въ 12; 137 стран. Моск.

Читатели могутъ освободить себя отъ чте
этой книги, ничтожной по содержанію и по язы
перевода.

11. *Фаустъ*, трагедія соч. *Гёте*. Переводъ П
вой и Изложеніе Второй части. *М. Вронченко*.
8; IV и 432 стран. Спб.

Всѣ образованные люди въ Россіи знаютъ дав-
но, какими совершенствами замѣчательны литера-
турные труды М. П. Вронченка. Съ 1828 года это
имя привлекаетъ къ себѣ вниманіе людей мысля-
щихъ и понимающихъ поэзію какъ одно изъ высо-
чайшихъ искуствъ, въ которомъ талантъ и глубо-
комысліе являются равно въ блестящемъ видѣ. Г.
Вронченко не принадлежитъ къ разряду тѣхъ эфе-
мерныхъ писателей нынѣшней эпохи, которые до-
вольствуются минутнымъ успѣхомъ, легкомысленно
бросаясь на каждое новое предпріятіе безъ любви
къ труду и даже безъ уваженія къ искуству. Онъ
посвятилъ свой талантъ переводамъ геніальныхъ
созданій. Такъ онъ изучилъ и усвоилъ Русской ли-
тературѣ, какъ ея прочное достояніе, два творенія
великаго Шекспира: Гамлета и Макбета. Теперь
онъ совершилъ новый подвигъ переводомъ глубоко-
мысленной драмы Гёте: Фаустъ. Здѣсь предста-
влялись ему трудности неимовѣрныя—разнообразіе
идей, характеровъ, положеній, дѣйствій, языка, да-
же размѣра стиховъ, не говоря о разныхъ цѣляхъ
автора, внесшаго въ свое созданіе намеки на совре-
менныя лица, событія и другія мѣстныя частности.
Переводчикъ нашъ такъ внимательно вошелъ во
всѣ оттѣнки оригинала, такъ взвѣсилъ каждое его
слово, что во время перевода могъ владѣть идеями
Гёте какъ собственными. Это и доставило труду
его, по-видимому, противоположныя, а между-
тѣмъ самыя необходимыя качества: близость къ

подлинику въ каждомъ переведенномъ стихѣ, бл
зость не только логическую, но и почти буква
ную, и свободу въ отношеніи къ Русскому язы
Прежніе переводчики у насъ ограничивались тол
первою частію Фауста, конечно лучшею. Меж
тѣмъ полная идея Гёте развита окончательно
его трудѣ цѣломъ. Г. Вронченко, справедливо за
чая, что вторая часть Фауста, сравнительно съ п
вою, до излищества многословна, нашелъ возможно
выразить мысли, заключающіяся въ рѣчи кажд
лица, съ такою убавкою словъ, что пьеса въ
ломъ сдѣлалась короче подлинника почти вчетве
Равнымъ образомъ существенною заслугою г.
реводчика нашей литературѣ мы признаемъ са
стоятельный и безпристрастный взглядъ его
сущность творенія Гёте. Извѣстно, что въ Гер
маніи, а по духу подражательности и у насъ, м
гіе, особенно юные, литераторы приписывали к
дой шуткѣ, каждому капризу поэта такое значе
какое не приходило ему и въ голову по собст
ному его сознанію. Г. Вронченко исторически, э
тически и логически доказалъ, что въ Фаустѣ
раздо все проще, нежели хотятъ представить
тики. Такимъ образомъ этотъ переводъ и прил
нія къ нему составляютъ не только драгоцѣн
вообще пріобрѣтеніе для Русской литературы, н
важную моральную силу, противоборствующую
нашу странную эпоху многочисленнымъ образ

испорченнаго языка, дурнаго вкуса, ложнаго направленія и легкомысленной критики.

12. Вѣра есть лучшій спутникъ человѣка. *Нравоучительная повѣсть для дѣтей.* Съ 7 картинками. Перев. съ Нѣмецкаго. Въ 8; 32 стран. Моск.

Дѣти прочитаютъ эту повѣсть не безъ пользы, а нѣкоторыя, можетъ быть, и не безъ удовольствія.

13. *Латинская грамматика*, съ уроками для перевода съ Латинскаго языка на Русскій и словаремъ. Сочиненіе *Бредера*. Переводъ съ 27 Нѣмецкаго изданія *Ѳ. Н.* Въ 8; 244 и 69 стран. Спб.

Трудъ полезной и очень хорошо выполненъ.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

25. Черный кощей, или Заднѣпровскій хуторъ у Лунной горы. *Русскій романъ изъ временъ Петра Великаго.* Соч. *А. Чуровскаго.* Въ трехъ частяхъ. Въ 12; 95, 71 и 47 стран. Моск.

26. *Переписка и расказы Русскаго инвалида.* Сочиненіе Генерала отъ инфантеріи *И. Н. Скобелева*, изданное Фариковымъ. Изданіе *четвертое*, исправленное, съ 27 картинками, рисованными Р. К. Жуковскимъ. *Часть I, содержащая въ себѣ переписку Русскихъ солдатъ въ 1812 году.* Въ 12; XII, 146 и 6 стран. Спб.

27. Чигиринскій кобзарь и гайдамакы. *Двѣ поэмы на Малороссійскомъ языкѣ Т. Г. Шевченка. Новое* изданіе. Съ картинками. Въ 12; 131 стран. Спб.

28. Полная Русская *Хрестоматія.* Составилъ *А. Галаховъ.* Изданіе *второе*, пересмотрѣнное и до-

полненное. Два тома. Въ 8; 513 и 500 стран. Моск.

29. *Чтенія для умственнаго развитія* малолѣтныхъ дѣтей и обогащенія ихъ познаніями. Составлены *Егоромъ Гугелемъ*, Инспекторомъ класовъ Сиротскаго Института въ Гатчинѣ. *Седьмое изданіе* исправленное. Въ 8; 155 стран. Спб.

30. *Ариѳметика*, составленная *П. Т. Щегловымъ*. *Седьмое* изданіе, вновь исправленное. Въ 8; 244 стран. Спб.

31. *Краткая ариѳметика*. Изданіе *второе* (Часть 1 и 2). Въ 16; 36 стран. Моск.

32. Собраніе примѣровъ, формулъ и задачъ изъ *буквеннаго вычисленія* и *алгебры*. Сочиненіе *Мейера Гирша*. Перевелъ съ Нѣмецкаго инженеръ-поручикъ *Л. Кирпичевъ*. Изданіе *второе*, исправленное. Въ III отдѣленіяхъ. Въ 8; 149 стран. Спб.

33. Краткая *Латинская* грамматика *Цумпта*. *Четвертое*, исправленное изданіе. Въ 8; 232 стран. Моск.

34. *Разговоры* на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, или полное руководство для легкаго и правильнаго объясненія на этихъ языкахъ, *Эдуарда*

Курсье, съ присовокупленіемъ ко *второму* исправленному изданію Русскаго текста. Въ 8; 332 стран. Спб.

35. Учебная книга *всеобщей исторіи* (Для юношества). Сочиненіе заслуженнаго Профессора *И. Кайданова. Древняя исторія.* Изданіе *пятое.* Въ 8; 246 стран. Спб.

36. *Строенія по части сельскаго хозяйства,* и проч. Составлено для содѣйствія къ народному благосостоянію *Э. Г. Нейманомъ*, Инспекторомъ экономіи. *Второе* изданіе, съ 207 чертежами на 21 таблицѣ. Въ 4: 112 стран. Спб.

37. Игра въ *преферансъ*. Изданіе *второе.* Въ 32; 139 стран. Спб.

II.

38. Учебная книга *Нѣмецкаго* языка, составленная по методѣ *Зейденштикера. Второй* курсъ. *Второе* изданіе. Въ 12; 112 стран. Спб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Напечатанный въ *Современникѣ* нынѣшняго года романъ Датскаго писателя АНДЕРСЕНА: Импровизаторъ, продается особою книгою по *1 р. 50 к. сереб.* Его можно получать и выписывать изъ *Редакціи Современника*, находящейся въ Спб. Университетѣ, равно какъ и отъ всѣхъ Спб. книгопродавцевъ.

II.

Есть нѣсколько еще непроданныхъ экземпляровъ романа Шведской писательницы ФРЕДЕРИКИ БРЕМЕРЪ: Семейство. Желающіе пріобрѣсть эту книгу за *1 р. 50 к. сереб.* благоволятъ обратиться тоже въ *Редакцію Современника*, или къ Спб. книгопродавцамъ.

III.

Подробное объявленіе о *Современникѣ на 1845* годъ напечатано на оберткѣ нынѣшняго 12 № журнала нашего.

МОЛИТВА.

Царь небесъ! успокой
Духъ болѣзненной мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли —
И на строгой твой рай
Силы сердцу подай!

Евгеній Баратынскій.

ЛИТОВСКАЯ ПѢСНЯ.

Подражаніе.

Пусть хвастаетъ иной степными жеребцами
И крѣпостію латъ;
Но въ Вильнѣ намъ Кейстутъ обзавелся коньками
И выковалъ булатъ.

И нѣтъ на томъ мечѣ цѣнимыхъ украшеній,
А конь и малъ и худъ;
Однако передъ нимъ, среди тревогъ сраженій,
Противники бѣгутъ.

Однако этотъ мечь изъ стали высѣкаетъ
Разсыпчатый огонь,
И тщетно скачетъ Ханъ — его не выручаетъ
Его могучій конь.

А это потому, что смѣлость и кручина
Два сильныя крыла,
А жажда мщенія великаго Литвина
Въ само желѣзо перешла.

Д. Коптевъ.

22 Мая, 1844.

Люблю я васъ, богини пѣнья!
Но вашъ чарующій назовъ,
Сей сладкой трепетъ вдохновенья,
Предтечей жизненныхъ невзгодъ.

Любовь Каменъ съ враждой Фортуны
Одно. Молчу. Боюся я,
Чтобъ персты, падшіе на струны,
Не пробудили вновь перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя.

И отрываюсь полный муки
Отъ Музы ласковой ко мнѣ,
И говорю: до завтра, звуки!
Пусть день угаснетъ въ тишинѣ!

Евгеній Баратынскій.

ТИШЬ НА МОРѢ.

Изъ Гёте.

Тишина нѣмая въ морѣ;
Волны темны какъ свинецъ.
Безпокойно на-просторѣ
Озирается пловецъ.
Легкій вѣтеръ не подуетъ;
Какъ въ могилѣ тишина...
И въ дали необозримой
Не колыхнется волна.

А. П. — — въ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXXVI ТОМА.

КОНЕЦЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТАГО ТОМА.